Российско-Армянский (Славянский) университет

На правах рукописи

Алекян Анаит Васильевна

Проблемы правоприменительной практики за корыстные преступления против государственной власти

(сравнительно-правовое исследование)

Д И С С Е Р Т А Ц И Я

По специальности 12.00.05 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор С.Ш. Цагикян

Ереван 2016

Содержание

Введение…….....3

Глава I: Понятие и классификация корыстных преступлений против государственной власти…….....22

§1. Виды корыстных преступлений против государственной власти……22

§2. Содержание и правовое определение корыстной и иной заинтересованности в преступлениях против государственной власти…….....33

Глава II: Уголовно-правовая характеристика корыстных преступлений против государственной власти……41

§1. Некоторые вопросы субъективных и объективных признаков корыстных преступлений против государственной власти……..41

§2. Проблемы разграничения корыстных преступлений против государственной власти от смежных составов……59

§3. Вопросы усовершенствования уголовного законодательства в контексте повышения эффективности расследования и объективности квалификации корыстных преступлений против государственной власти……..76

Глава III: Система криминологических и организационных мер по борьбе с корыстными преступлениями против государственной власти…….....105

§1. Реализация системы мер предупреждения как необходимое условие сдерживания корыстных преступлений против государственной власти…….....105

§2. Значение гражданских инициатив и международного сотрудничества в деле борьбы корыстных преступлений против государственной власти…….....131

Заключение……..143

Список использованной литературы……..158

Введение

Актуальность темы. После распада СССР большинство государств, являвшихся составными элементами тоталитарной державы, избрали путь демократизации. Это привело к формированию рыночной экономики и, как следствие этого, частной собственности. Стартовала процедура приватизации собственности государства т.е. ее передача частным лицам. Данная процедура повсеместно сопровождалась массовыми хищениями государственного имущества. В то же время на фоне неопределенности, неразберихи и хаоса наблюдалась серьезная нравственная дезорганизация общества. Все это способствовало тому, что практически во всех государствах воцарилась атмосфера беззакония и анархии. При таком положении дел имел место рост преступности, в том числе коррупционных преступлений. Вместе с этим резко возросло и число корыстных преступлений, направленных против государственной власти. Злоупотребления, взяточничество и иные корыстные преступления против государственной власти приобретают новые качество и темп роста.

Сложившаяся ситуация была характерна практически для всех государств бывшего СССР, в том числе для Армении и России.

В Армении тяжелые социально-экономические условия привели к росту коррупционных преступлений, в том числе и корыстных преступлений против государственной власти, еще и ввиду некоторых специфических особенностей истории армянского народа. Армянский народ на протяжении многих столетий был лишен государственности и подвергался жестоким гонениям и погромам. В условиях жизни под гнетом чужеземных захватчиков, творящих беззаконие и произвол, представители армянского народа для выживания часто были вынуждены формировать противоправное поведение. Серьезные разрушения и экономический ущерб, нанесенный мощным землетрясением в Спитаке 1988г., в свою очередь способствовал росту числа коррупционных преступлений. Негативное влияние на ситуацию в этой сфере оказала также война в Нагорном Карабахе (1991-1994 гг.).

Рост корыстных преступлений против государственной власти, стал носить постоянный характер и не прекращается до сих пор.

Общеизвестно, что любое государство ведет и должно вести политику борьбы с преступностью, направленную на снижение уровня преступности. В этом плане и с учетом вышесказанного, как в РА, так и в РФ необходим специальный подход к корыстным преступлениям против государственной власти. Для реализации данной цели и в Армении, и в России в первоочередном порядке необходимо доскональное изучение

правоприменительной практике по корыстным преступлениям против государственной власти. При этом для повышения эффективности деятельности органов государственной власти, направленной на борьбу с корыстными преступлениями против государственной власти, необходимо выявить проблемы, которые ввиду объективных или субъективных причин имеются и возникают в ходе работы правоохранительных органов.

Проблема корыстных преступлений против государственной власти имеет множество аспектов. В их число **входят вопросы определения видов корыстных преступлений против государственной власти; вопросы их разграничения друг от друга и смежных с ними составов; вопросы выявления, расследования и квалификации указанных видов преступлений, а также проблемы борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти с учетом криминологического аспекта указанной группы преступлений.**

Практика применения норм, устанавливающих ответственность за корыстные преступления против государственной власти, предоставляет возможность выявить недостатки в законодательном регламентировании корыстных преступлений против государственной власти. В Уголовных кодексах РА и РФ отсутствует законодательное определение терминов «корысть» и «иная личная заинтересованность», являющихся основным критерием разграничения корыстных преступлений против государственной власти от смежных с ними составов. В научной литературе по уголовному праву этим терминам также не уделено должного внимания. Именно вследствие этого в правоприменительной практике постоянно возникают проблемы при квалификации корыстных преступлений против государственной власти и проблемы их разграничения от смежных с ними составов преступлений, а также проблемы, связанные с предупреждением указанных видов преступлений.

На основе этого ставится **задача** всестороннего анализа корыстных преступлений против государственной власти и по содержанию, и по форме их законодательной регламентации, выработки критериев разграничения корыстных преступлений против государственной власти от смежных с ними составов и усовершенствования норм уголовного законодательства, устанавливающих ответственность за корыстные преступления против государственной власти.

Новизна *выбранной темы* подтверждается тем, что в Армении по сей день нет специальных исследований и трудов, посвященных именно корыстным преступлениям против государственной власти, хотя тема коррупции в целом не раз становилась предметом тщательного изучения.

Комплексное и системное исследование корыстных преступлений против государственной власти, обеспечение единообразного понимания и правильного применения уголовного закона будет способствовать повышению эффективности деятельности правоохранительных органов и созданию необходимых условий сдерживания корыстных преступлений против государственной власти.

Указанные выше и ряд других обстоятельств стали основной причиной **выбора темы диссертационной работы**, подтверждают ее актуальность и значимость как с научно-теоретической, так и с практической точек зрения.

Цели и задачи исследования. Целью данной диссертационной работы является разностороннее и полное исследование ряда проблем, связанных с понятием, социальной и криминологической обусловленностью корыстных преступлений против государственной власти, с квалификацией данной группы преступлений, с разграничением их друг от друга и от смежных с ними составов, разработкой предложений, направленных на дальнейшее совершенствование уголовного законодательства, предусматривающую ответственность за корыстные преступления против государственной власти, а также выработкой рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики.

Для достижения выше перечисленных целей исследования были решены следующие теоретические и практические **задачи**:

1. **Были проанализированы теоретические тезисы** касательно концепта и сущности корыстных преступлений против государственной власти, предложены максимально точные определения основных терминов «корысть» и «иная личная заинтересованность», выступающих характерным признаком разграничения указанных видов преступлений от других;

2. **Выявлена юридическая природа корыстных преступлений против государственной власти** и **определены четкие границы** как внутри группы самих корыстных преступлений против государственной власти, так между корыстными преступлениями против государственной власти и смежными с ними составами;

3. Для наиболее полного уяснения содержания корыстных преступлений против государственной власти **были разработаны научные критерии их классификации**;

4. **Выделены проблемы, имеющиеся и возникающие при выявлении и расследовании корыстных преступлений против государственной власти;**

5. **Исследована и обобщена правоприменительная практика** по вопросам квалификации корыстных преступлений против государственной власти, и на этой основе

выработаны рекомендации по совершенствованию практики применения уголовно-правовых норм;

6. **Определена криминологическая характеристика** корыстных преступлений против государственной власти, исследованы состояние, уровень и динамика распространенности и социальных последствий корыстных преступлений против государственной власти;

7. **Исследована и разработана система мер предупреждения** корыстных преступлений против государственной власти;

8. **Исследованы и определены роль и значение гражданских инициатив и международного сотрудничества** в деле борьбы с корыстными преступлениями, носящими коррупционный характер;

9. **Разработаны и обоснованы научные рекомендации** по совершенствованию уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за корыстные преступления против государственной власти, практики его применения. Разработанные предложения направлены на совершенствование не только уголовного законодательства, но и других нормативно-правовых актов (например, уголовно-процессуального законодательства, законодательства об оперативно-розыскной деятельности и др.) в части, касающейся корыстных преступлений против государственной власти.

Объект исследования. Объектом исследования как правовое явление уголовных законов Республики Армения и Российской Федерации являются общественные отношения, направленные на охрану государственной власти от корыстных преступных посягательств.

Предмет исследования. Предметом исследования являются действующее уголовное законодательство Республики Армения и Российской Федерации, предусматривающие корыстные преступления против государственной власти и соприкасающиеся с ними иные нормы, правоприменительная практика по указанным нормам, а также вопросы реформирования уголовного законодательства.

Степень научной разработанности темы. Уголовно-правовые проблемы, определенные темой и основными направлениями диссертационного работы, требуют всестороннего и углубленного теоретического исследования.

Целый ряд проблем, как уголовно-правового, так и криминологического характера, на протяжении многих лет находился и до сих пор остается в центре внимания многих ученых. До настоящего времени не только не разрешены возникшие десятилетия назад сложные и проблемные вопросы относительно уголовной ответственности за коррупционные, должностные преступления, но и появился целый ряд новых дискуссионных проблем.

Краеугольной стала проблема, связанная с квалификацией корыстных преступлений против государственной власти в условиях возникновения новой свободно-рыночной экономики и провозглашения идей о частной собственности.

Изучение специальной уголовно-правовой литературы дает возможность указывать на то обстоятельство, что проблема корыстных преступлений против государственной власти привлекала внимание ученых, как правило, в пределах учения о коррупции и борьбы с ней (В.В. Астанина, Г.Н. Борзенкова, Б.В. Волженкина, В.В. Голубева, В.И. Динеки, А.И. Долговой, Л.В. Иногамовой-Хегай, П.А. Кабанова, Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева, С.В. Максимова, А.В. Малько, Г.К. Мишина, В.В. Панкратов, О.В. Пристанская, А.И. Рарога, Г.А. Сатарова, А.Б. Сахаров, С.Ш. Цагикяна и др.)

В ряде работ были предприняты попытки разграничения коррупционной преступности от должностных, а так же должностных преступлений от смежных с ними составов. Это работы В.И. Динеки, Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, С.Ш. Цагикяна и др.

Самостоятельные диссертационные исследования проблемам корыстных преступлений против государственной власти принадлежат Б.В. Здравомыслову «Борьба с должностными преступлениями по советскому уголовному праву. Уголовно-правовое и криминологическое исследование» (1971), Лысову М.Д. «Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву» (1977), А.К. Квицинию «Проблемы ответственности за должностные преступления» (1990), Б.В. Волженкину «Корыстные злоупотребления по службе» (1991), В.Е. Мельниковой «Хозяйственно-должностные преступления: проблемы криминализации и декриминализации» (1993).

Сравнительно новыми являются посвященные корыстным преступлениям против государственной власти диссертационные исследования П.С. Яни «Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления» (1997), В.И. Динеки «Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России: уголовно-правовой и криминологический аспект» (2000). Отметим, что хотя данные диссертационные работы были написаны и защищены в постсоветский период, когда советского законодательства практически уже не действовало и шло формирование нового законодательства практически во всех областях общественного знания, в том числе и уголовного, это вовсе не умаляет значимости и ценности этих научных трудов. Авторы указанных исследований внесли большой вклад в процесс изучения и решения ряда проблем, связанных с квалификацией должностных преступлений (следовательно, и корыстных преступлений против государственной власти). Следует подчеркнуть и то обстоятельство,

что научные исследования Б.В. Волженкина и В.Е. Мельниковой были проведены в период перехода от советского законодательства к совершенно новому законодательству с новыми подходами и демократическими принципами, в том числе и уголовно-правовому. Ведь новый Уголовный Кодекс РФ был принят лишь в 1996 г.

С этой точки зрения ценными являются диссертационные работы Т.Б. Басовой «Уголовная ответственность за должностные преступления. Проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы Российской Федерации» (2005) и С.Ш. Цагикяна «Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с коррупцией в Армении» (2006).

В диссертации Т.Б. Басовой акцент сделан на историческое исследование должностных преступлений и разработку модели общего понятия должностных преступлений в условиях изменившейся социальной практики.

Диссертация же профессора С.Ш. Цагикяна посвящена коррупции в целом, а не конкретно правоприменительной практике корыстных преступлений против государственной власти.

Следует заметить, что проблема корыстных преступлений против государственной власти была и продолжает оставаться краеугольной проблемой и для других армянских ученых.

С точки зрения предупреждения злоупотреблений и иных корыстных преступлений в системе правоохранительных органов определенную ценность имеет публикация заслуженного юриста России, генерал-майора С.С. Маиляна, направленная на выявление путей повышения эффективности подготовки и принятия групповых управленческих решений органами внутренних дел.

Должностные преступления не обошел стороной доктор юридических наук, профессор А.А. Габузян. Ученый в диссертационной работе на тему «Должностные преступления: криминологические и уголовно-правовые аспекты субъективной стороны» (2000) и монографии «Проблемы преступности в Республике Армения в переходный период» (2007) затронул проблемы, касающиеся криминологической и уголовно-правовой характеристикам должностных преступлений.

В 2010 году была вынесена на защиту диссертационная работа А.М. Егиазаряна на тему «Коррупция и борьба с ней», однако в ней рассматриваются проблемы, связанные с коррупцией, рассматриваемой как социально-правовое явление, а не отдельные формы проявления коррупции – коррупционные преступления.

Целый ряд проблем, связанных с квалификацией корыстных и насильственных преступлений был рассмотрен Алавердяном Р.О. в диссертационной работе. С этой точки зрения в указанной кандидатской диссертации на тему «Проблемы квалификации корыстных и насильственных преступлений против собственности», защищенной в 2012 году, Алавердяном Р.О. были рассмотрены корыстные преступления, направленные только против собственности.

В 2012 году Саргсяном Г.М. также была защищена кандидатская диссертация, на тему «Проблемы освобождения взяткодателя от уголовной ответственности». В данной работе рассматриваются исключительно проблемы, связанные с освобождением от ответственности взяткодателя.

Своими исследованиями, касающимися рассматриваемой темы, все указанные выше авторы, бесспорно, оказали огромное влияние на процессы формирования и развития науки не только уголовного права, но и криминологии. Важным при исследовании темы диссертационной работы является ее анализ с различных аспектов и точек зрения с необходимым обращением к сложившимся в данный период в государстве социально-политическим условиям общественной жизни.

В рамках обозначенной темы автор предпринял попытку всестороннего и полного анализа существовавших и до сих пор неразрешенных, а так же вновь возникших проблем. Данная диссертационная работа является новым, сравнительно-правовым исследованием в Армении, в котором автором выделяется целый ряд актуальных проблем, имеющихся и возникающих в правоприменительной практике.

Теоретическая основа и методология исследования. Теоретическую основу настоящей диссертационной работы составили посвященные криминологическим и уголовно-правовым аспектам обозначенной темы исследования целого ряда ученых. Это работы ученых: Т.К. Агузарова, Р.М. Асланов, А.А. Аслаханова, А.Я. Аснис, В.В. Астанина, Т.Б. Басовой, Р.А. Беленкова, И.Я. Богданов, Г.Н. Борзенкова, Б.В. Волженкина, Б.С. Волкова, А.А.Габузяна, А.В. Галаховой, Р.Р. Галиакбарова, Л.Д. Гаухман, В.В. Голубева, А.Д. Горбузой, И.Г. Гричанина, К.Ф. Гуценко, В.И. Динеки, А.И. Долговой, Н.А. Егоровой, Б.В. Здравомыслова, А.Н. Игнатова, Л.В. Иногамовой-Хегай, П.А. Кабановаой Б.В.Квашиса, А.К. Квициния, С.Г. Келиной, И.А. Клепицкий, В.А Клименко., М.А. Ковалева, А.Г. Корчагина, Б.В. Коробейников, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Ю.А. Кузнецова, М.Д. Лысова, Ю.И. Ляпунова, С.В. Максимова, В.Д. Малкова, Н.П. Мелешко, В.Е. Мельниковой, Ш.Г. Папиашвили, Э.Ф. Побегайло, С. Роуз-Аккерман, Г.А. Сатарова, А.Б. Сахарова, А.Я. Светлова, А.Н. Трайнина, С.Ш. Цагикяна, А.В. Шнитенков, Ю.В. Щиголев, П.С. Яни и

других ученых России, а также ученых Армении: Р.О. Алавердян, А.А. Габузяна, С.С. Маиляна, С.А. Манукяна, Г.М. Саргсян.

Исследования автора основываются как на всеобщих (философских методах), так и на применении общенаучных и частно-научных методов. Из всеобщих методов автор при проведении исследований воспользовался диалектическим методом познания и методом индукции (познание от частного к общему). Из ряда же общенаучных методов автор при написании диссертационной работы воспользовался историческим, системно-структурным, логическим методом, методами анализа и синтеза. Из ряда частно-научных же методов автор воспользовался сравнительно-правовым, криминологическим, статистическим, формально-логическим, методом анкетирования, научного толкования.

Нормативную базу диссертации составили:

Конституции РА и РФ, уголовное законодательство периодов древней Руси, средневековья и советского периода, действующее уголовное законодательство РА, РФ и некоторых других государств, иные законы и подзаконные нормативно-правовые акты, Постановления Пленумов Верховного Суда РФ (включая и СССР), постановления Конституционных Судов РА и РФ, разъяснения Кассационного Суда по вопросам применения норм уголовного законодательства и др.источники.

Эмпирическую базу диссертационной работы составили:

– опубликованная практика Кассационного и Апелляционного Судов РА, Верховного Суда Российской Федерации с 2000 по 2013 гг.;

– материалы уголовных дел, а также вынесенные судебные решения по делам о корыстных преступлениях против государственной власти;

– опубликованные статистические данные Полиции РА и Генеральной Прокуратуры о преступности в Армении с 2008 по 2013 гг., статистические данные состояния преступности в Российской Федерации в целом за 2003-2013 гг.;

– результаты проведенного автором в 2013 г. социологического опроса среди приблизительно 100 человек посредством особо разработанного вопросника.

Научная новизна диссертации состоит в следующем.

Во-первых, ***к ряду преступлений против государственной власти сформирован принципиально новый подход***. Впервые в науке уголовного права РА и РФ в ряде преступлений против государственной власти (должностных преступлений) выделяется группа преступлений против государственной власти, отличающаяся по мотиву – корысть или иная личная заинтересованность.

До сих пор и в науке уголовного права, и в криминологии выделяются либо корыстные преступления, направленные против собственности, либо корыстно-насильственные преступления, к числу которых относятся такие преступления, как разбой, вымогательство, убийство из корыстных побуждений, бандитизм и др.

Во-вторых, в условиях произошедших серьезных перемен в общественно-политической жизни в РА и РФ и формирования нового уголовного и уголовно-процессуального законодательства автором проведено глубокое, полное, всестороннее исследование корыстных преступлений против государственной власти; особенностей, позволяющих выделить их из числа других преступлений; а также ряд уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за данный вид преступлений.

Автор предпринял попытку создания целостной картины и представлений относительно корыстных преступлений против государственной власти.

Диссертантом не только выделен ряд проблем, имеющихся и возникающих в правоприменительной практике, но и одновременно делаются попытки изыскания путей их разрешения и в этом направлении вносятся соответствующие предложения.

Рассмотрение выделенной проблемы с разных аспектов позволило выделить как общетеоретические, так и практические подходы в деле дальнейшего исследования корыстных преступлений против государственной власти.

Автором предложено свое определение терминов «корысть» и «иная личная заинтересованность», разработаны научные основы классификации корыстных преступлений против государственной власти и разграничения их как друг от друга, так и от других видов преступлений, проведен анализ корыстных преступлений с криминологической точки зрения и определена система мер предупреждения корыстных преступлений против государственной власти, выделены конкретно общесоциальные (общегосударственные) меры, являющиеся главным условием сдерживания корыстных преступлений против государственной власти, имеющих коррупционное содержание, и исследована степень их реализации.

Кроме того, новшеством является и подход автора к исследованию проблем объективных и субъективных характеристик рассматриваемой группы преступлений, причем особое внимание уделяется проблема субъекта.

В диссертации проведен анализ ряда судебных приговоров за период с 2003 по 2012 гг. по корыстным преступлениям против государственной власти, выявлены случаи их неправильной квалификации и их причины, разработаны правила квалификации корыстных

преступлений против государственной власти с учетом нового уголовного законодательства и имевших в нем место множества изменений.

В диссертационной работе вносятся предложения по некоторым вопросам усовершенствования законодательства РА и РФ касательно корыстных преступлений против государственной власти и практики применения рассмотренных норм. На основе проведенных выше исследований автором разработаны и сформулированы теоретические положения (модели) некоторых уголовно-правовых норм по корыстным преступлениям против государственной власти.

В данной диссертационной работе исследуется роль как гражданского общества и обосновывается ее особое значение в деле борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти, имеющих коррупционное содержание, так и международного сотрудничества в противодействии указанным видам преступлений.

Научная новизна исследования проявляется в следующих теоретических положениях, практических выводах и рекомендациях, представленных в виде **основных положений, выносимых на защиту:**

1. Ряд преступлений, включенных в раздел «Преступления против государственной власти», выделяются по мотиву и являются корыстными преступлениями против государственной власти. Они входят в состав часто называемых в науке уголовного права должностных преступлений и имеют коррупционную направленность.

Корыстные преступления против государственной власти предусмотрены главой 29 УК РА и главой 30 УК РФ. Эту группу преступлений в научной литературе, в общем, принято называть должностными[1]. Признаки, присущие должностным преступлениям, являются характерными и для корыстных преступлений против государственной власти.

2. Из числа должностных преступлений, относящихся к категории коррупционных, особо выделяются только 3 состава преступлений, в диспозиции которых в качестве обязательного признака субъективной стороны преступлений законодательно закреплен мотив – корыстная и (или) иная личная заинтересованность. Это такие составы, как **злоупотребление должностными полномочиями, получение взятки** и **служебный подлог.**

Относительно недавно в УК РА в рассматриваемую группу преступлений были введены еще два состава: **получение незаконного вознаграждения публичным служащим, не являющимся должностным лицом** (ст.311[1] по УК РА) и **использование реального или предполагаемого влияния с корыстной целью** (ст.311[2] УК РА).

[1] В.И. Динека // «Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России» // Дис. …доктор юрид. наук. М., 2000.

3. Особенностью (новизной) диссертационной работы является разработка критериев классификации указанных выше преступлений.

В качестве основания предлагаемой ниже классификации выбраны 3 базовых принципа, которые в науке уголовного права являются общими для классификации всех преступлений, в том числе и должностных. Ими являются характеризующие те или иные составы преступлений объективные и субъективные признаки: непосредственный объект, субъект, субъективная сторона.

Первым и ключевым критерием в данном случае выступает ***непосредственный объект*** законодательно сконструированного состава преступлений.

Так, по указанному основанию эти преступления подразделяются на:

1) преступления непосредственно против интересов государственной власти – *злоупотребление должностными полномочиями*;

Здесь непосредственным объектом преступления является с одной стороны «нормальная, регламентированная соответствующими правовыми актами деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, Вооруженных сил, других войск и воинских формирований», а с другой – «права и законные интересы организаций или граждан либо охраняемые законом интересы общества или государства»[2].

2) преступления против интересов государственной службы – *получение взятки* (ст.311 УК РА и ст.290 УК РФ), *служебный подлог* (ст.314 УК РА и ст.292 УК РФ), *использование реального или предполагаемого влияния с корыстной целью* (ст.311² УК РА).

Характерной особенностью вышеперечисленных видов преступлений является то, что непосредственным объектом здесь становится профессиональная деятельность служащих по обеспечению исполнения полномочий государства (РА и РФ), государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, Вооруженных сил, других войск и воинских формирований.

Второй фундаментальный принцип классификации корыстных преступлений против государственной власти заложен на критериях, касающихся **субъект**а составов корыстных преступлений против госвласти:

1) преступления, которые совершены должностными лицами, в частности, *злоупотребление должностными полномочиями*, *получение взятки* и по УК РА *использование реального или предполагаемого влияния с корыстной целью*;

---

[2] Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (Постатейный) // под ред. д.юр.н. А.В. Бриллиантова. Комментарий к ст.285 УК РФ. // http: www.ozon.ru/context/detail/id/5096998/

2) преступления, которые совершены лицами, занимающими те или иные государственные должности РФ и субъектов РФ, а также публичными служащими:

– *злоупотребление должностными полномочиями*,

– *получение взятки*,

– *получение незаконного вознаграждения публичным служащим, не являющимся должностным лицом по УК РА*,

– *использование реального или предполагаемого влияния с корыстной целью по УК РА*;

3) преступления, которые совершены иностранными должностными лицами, а именно *получение взятки*.

В данной работе по субъективной стороне (выделяемому мотиву) эти преступления могут быть классифицированы на:

1) корыстные преступления против государственной власти, в диспозициях которых законодательно указан мотив как обязательный признак субъективной стороны;

2) преступления корыстной направленности, т.е. преступления которые по своей сути и характеристикам являются корыстными, но мотив не предусмотрен законодательной конструкцией составов в качестве обязательного признака субъективной стороны.

4. Отсутствие в уголовном законодательстве (РА и РФ) и науке уголовного права определения терминов «корысть» и (или) «иная личная заинтересованность» привело к необходимости углубленного их исследования и формулирования их определений.

Новшеством является историческое исследование возникновения указанных двух понятий. Исследования историко-правовых документов показывает следующее: несмотря на то, что еще издревле как в российском государстве, так и в армянском устанавливалась ответственность ряда чиновников за посул, мздоимство, лихоимство, а чуть позднее и взятку (преступлений, непосредственно основанных на корысти и иной личной заинтересованности), тем не менее, ни в одном из правовых документов определению указанных двух видов мотивов не уделяется никакого внимания.

Еще одной особенностью (новизной) является представленное в диссертационной работе определение термина «корысть», анализ уголовного законодательства с точки зрения соотношения понятий «корыстная цель» и «корыстный мотив», «корысть» и «корыстная заинтересованность».

В диссертационной работе для корыстных преступлений против государственной власти представляется следующее определение корысти: ***корысть – это внутреннее побуждение лица, направленное на извлечение имущественной выгоды либо удовлетворение личных материальных потребностей без противоправного безвозмездного изъятия и обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц.***

Отметим, что с этой точки зрения в работе понятия «корысть» и «корыстная заинтересованность» рассматриваются как равнозначные понятия, синонимы.

Новшеством является также разработанное определение понятия «иная личная заинтересованность». Анализ самого словосочетания «иная личная заинтересованность», термина мотив и Постановлений Пленумов Верховного Суда РФ позволил нам сформулировать следующее определение рассматриваемого термина: ***иная личная заинтересованность – внутренняя побудительная сила, стремление виновного, проявляющиеся в извлечении выгоды неимущественного характера в свою пользу либо в пользу близких ему лиц.***

5. Среди критериев, по которым выделяются корыстные преступления против государственной власти из числа других, особое внимание заслуживает проблема субъекта.

В отличие от коррупционных преступлений, в которых проблема субъекта все еще остается открытой, круг субъектов корыстных преступлений против государственной власти уголовным законодательством определен. Субъекты, подлежащие уголовной ответственности за корыстные преступления против государственной власти (т.е. лиц, включаемых в понятие «должностное лицо»), выделяются здесь на основании критериев выполняемых ими функций. Однако уголовным законодательством не раскрываются содержание и признаки функций, выполняемых субъектами рассматриваемой группы преступлений.

Так, субъектом рассматриваемой группы преступлений являются должностные лица.

Примечание к ст.308 УК РА устанавливает более широкий круг лиц, включаемых в понятие «должностное лицо».

Расширен этот круг тем, что законодатель включил в число должностных именно лиц, выполняющих организационно-распорядительные, административные функции, как на постоянной основе, так и на временной основе или на основе специального уполномочия.

Таким образом, как следует из анализа уголовного закона, уголовным законодательством (РФ, РА) устанавливается перечень субъектов, подлежащих ответственности за корыстные преступления против государственной власти, основанный на

выделении выполняемых этими лицами функций. Но смысл и содержание указанных в уголовном законе понятий и круг их полномочий разработаны наукой уголовного права. Поэтому во избежание произвольного толкования указанных понятий и недопущения случаев освобождения от ответственности лиц, не входящих в указанный уголовным законом круг субъектов корыстных преступлений против государственной власти, но имеющих определенное отношение к указанным функциям, предлагается применение вместо понятия «должностного лица» словосочетания «публичного служащего».

В Законе РА «О публичной службе» от 26.11.2011 г. появляется необходимость расширения круга лиц, формирующих понятие публичного служащего. Такой подход исходит из необходимости установления широкого круга субъектов, подлежащих ответственности за корыстные преступления против публичной власти (примечание к ст.311[1] УК РА).

К числу публичных служащих указанный Закон относит лиц, занимающих те или иные должности в государственных органах и учреждениях (сюда входят и должности в аппаратах Центрального банка, Совета Национальной безопасности, Прокуратуры), органах местного самоуправления и муниципальных учреждениях, а также в аппарате Защитника прав человека.

6. В рассматриваемой главе в УК РА и РФ выделяются случаи, где субъектом преступлений выступают иные лица, не относящиеся к категории должностных или являющихся публичными служащими. С учетом этих обстоятельств и того, что органы местного самоуправления и муниципальные учреждения, иные субъекты некоторых составов рассматриваемых преступлений не относятся к категории государственных, и в РА, и в РФ предлагается законодательная редакция названий соответствующих разделов УК РА и РФ и названия соответствующей главы в УК РА. Название разделов УК РА и РФ «Преступления против государственной власти» необходимо заменить названием «Преступления против публичной власти». Предлагается изменение названия и самой главы 29 по УК РА «Преступления против государственной службы» на «Преступления против публичной службы». Такой подход мотивируется тем, что именно в указанной главе в отличие от уголовного законодательства РФ вводится также ответственность публичных служащих, не являющихся должностными лицами, за получение незаконного вознаграждения (ст.311[1]) и использование реального или предполагаемого влияния с корыстной целью (ст.311[2]).

7. Корыстные преступления против государственной власти, как и все другие коррупционные преступления, носят скрытый характер и являются латентными. Такая характеристика корыстных преступлений против государственной власти подтверждается не

только результатами проведенного автором анализа практических материалов, но и проведенными другими авторами ранее исследованиями. Так, в кандидатской диссертации Г.М. Саргсяна отмечено, что латентность взяточничества переходит предел 95%[3].

8. Исследования судебной практики и соответственно статистики подтверждают необходимость признания уголовно-процессуальным законом сведений, добытых в результате оперативно-розыскной деятельности, доказательствами и рассмотрения их в качестве источников выявления не только корыстных преступлений против государственной власти, но и иных носящих латентный характер преступлений. Предложенная позиция мотивируется приведенной в диссертационной работе статистикой, составленной на основе исследования судебной практики по корыстным преступлениям против государственной власти[4], согласно которым такие скрытые преступления, как злоупотребление должностными полномочиями, взяточничество и др., в большинстве случаев выявляются именно на основе оперативно-розыскных мероприятий.

Анализ действующего законодательства и новых разработанных положений выявляет необходимость отдельного серьезного исследования на данную тему.

9. Как в РА, так и в РФ необходимо создание единого органа по борьбе с коррупцией. Предлагается создание независимого органа (или так называемой антикоррупционной комиссии), подчиняющего исключительно главе исполнительной власти или парламенту.

10. Предлагаются следующие законодательные изменения:

1. *Необходима законодательная редакция примечания к ст. 291 УК РФ (дача взятки), касающегося случаев освобождения взяткодателя от уголовной ответственности.*

В 2012 г. в УК РА были введены многочисленные изменения. Изменениям подверглась и ч.4 ст.312 (дача взятки). Ч.4 рассматриваемой статьи предусматривается возможность освобождения от уголовной ответственности лиц в случаях вымогательства взятки и добровольного сообщения правоохранительным органам о данном преступлении. Новая редакция указанной нормы установила конкретный срок, в течение которого сообщение взяткодателя о совершенном преступлении может быть признано добровольным – не позднее 3-х дней. Такая установка представляется необходимостью, поскольку исследования материалов судебно-следственной практики и научной литературы показывают, что ранее это приводило «взяткополучателя и взяткодателя к созданию единой линии защиты, заключающейся в отрицании самого факта получения и дачи взятки»[5]. Такое

---

[3] Г.М. Саргсян, Дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук «Проблемы освобождения взяткодателя от уголовной ответственности». Ер., 2012. Стр.4.

[4] Смотреть приговоры судов РА по делам о корыстных преступлениях против государственной власти за период с 2003 по 2013 гг.

[5]Цагикян С.Ш. // «Противодействие коррупции в Армении» // С.-П.: «Антарес». 2006. Стр.204.

поведение взяткодателя и взяткополучателя исключается установлением конкретного срока, в течение которого взяткодателю предоставляется возможность обдумать совершенный им поступок и в определенный промежуток времени заявить о совершенном им преступлении и освободиться от уголовной ответственности. Взяткодатель должен осознавать, что в ином случае он тоже будет подлежать уголовной ответственности.

Законом РА «О внесении изменений в УК РА» от 16.05.2014 г. данная норма снова подверглась изменению:

– во-первых, помимо указания на то, что сообщение о совершенном преступлении должно быть добровольным, специально включено условие о том, о совершенном преступлении лицо должно сообщить органам уголовного преследования до того, как об этом стало им известно;

– во-вторых, внесено уточнение относительно трехдневного срока: лицо должно сообщить в течение 3-х дней ***с момента совершения преступления***;

– в-третьих, сужен круг субъектов, которым лицо должно сообщить о совершенном преступлении: лицо должно сообщить не правоохранительным органам, а конкретно органам уголовного преследования;

– в-четвертых, лицо оказало содействие в раскрытии преступления;

– в-пятых, лицо освобождается от уголовной ответственности в случае, если имело место вымогательство взятки и лицо выполнило все указанные выше условия. В предыдущих редакциях рассматриваемой нормы вымогательство взятки и добровольное сообщение указывались посредством разъединительного союза «или», что означало, что лицо освобождается от уголовной ответственности за получение взятки в одном из двух указанных альтернативных случаев: либо, если имело место вымогательство взятки, либо, если лицо добровольно сообщило. Тем самым законодатель усложнил процесс освобождения взяткодателя от уголовной ответственности.

2. *Для решения проблем, возникающих при квалификации корыстных преступлений против государственной власти, необходимо вернуть в УК РА и РФ институт неоднократности.*

В результате исследования основных подходов в существующей научной литературе статью 21 УК РА (статью 16 УК РФ) можно законодательно сконструировать следующим образом:

«1. Неоднократностью преступлений признается совершение лицом двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи настоящего Кодекса.

2. В случаях, когда неоднократность не предусмотрена статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве квалифицирующего состава преступления, она должна быть рассмотрена как обстоятельство, характеризующее личность виновного».

3. В случаях, когда неоднократность преступлений предусмотрена настоящим Кодексом в качестве обстоятельства, влекущего за собой более строгое наказание, совершенные лицом преступления квалифицируются по соответствующей части статьи настоящего Кодекса, предусматривающей наказание за неоднократность преступлений».

3. Изложить статью превышение должностных полномочий в следующей редакции: *«Совершение должностным лицом умышленных действий, явно выходящих за пределы полномочий,* ***предусмотренных его паспортом должности…».***

Естественно, для того чтобы четко можно было определить, имело ли место превышение должностных полномочий или нет, необходимо для всех должностей государственных структур (аппаратов, управлений, подразделений, учреждений), для которых законом не предусматривается наличие паспорта должности, ввести указанный вид документа. Представляется, что в подобном случае проблем, связанных с установлением круга полномочий должностного лица и разграничением составов «превышение должностных полномочий» и «злоупотребление должностными полномочиями» не возникнет.

4. *Введение ст. 311 УК РА и в ст. 290 УК РФ отдельной части, устанавливающей ответственность за получение взятки, совершенное с превышением должностных полномочий при отсутствии признака незаконности действий виновного.*

Исходя из этого, предлагается изложить новую часть следующим образом:

«Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные с превышением должностных полномочий при отсутствии признаков, указанных в ч. 2 настоящей статьи».

Данное положение должно быть изложено в аналогичной норме и в соответствующей статье УК РФ (с указанием вместо ч.3 ст.290 УК РА на соответствующую ей части 3 рассматриваемой статьи).

5. *Изменить ч.3 ст.311 УК РА, закрепляющее следующее положение:*

«То же деяние, которое совершено:

1.с вымогательством;

2. группой лиц по предварительному сговору;

3. в крупных размерах;

4.утратила силу… »

Поскольку частями первой и второй рассматриваемой статьи устанавливается ответственность за два фактически разных преступления – получение взятки (ч.1 ст.311 УК РА) и получение взятки за заведомо незаконные действие или бездействие (ч.2 ст.311 УК РА), - то на практике возникает проблема, связанная с применением ч.3 рассматриваемой статьи. Суть этой проблемы заключается в том, что уголовным законом не определено конкретно к какому из указанных деяний (к части 1 или части 2 рассматриваемой статьи) относится закрепленное частью 3 словосочетание «то же деяние». Поэтому предлагается законодательная редакция уголовно-правовой нормы в рассматриваемой части и подчеркивается необходимость соотнесения ч.3 рассматриваемой статьи к двум указанным деяниям (и к ч.1 и к ч.2 ст.311 УК РА). Исходя из этого, предлагается изложить ч.3 ст.311 УК РА следующим образом:

«Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные….»

6. *Введение в ст.311 УК РА и ст.290 УК РФ примечания, предусматривающего случаи освобождения взяткополучателя от уголовной ответственности путем установления конкретного срока – в данном случае не позднее трех дней, – как это сделано в случае с составом дачи взятки.*

Предлагается изложить примечание в редакции аналогичной ч.4 ст.312 УК РА, а именно: *«**Примечание.** Взяткополучатель освобождается от уголовной ответственности, если это лицо добровольно сообщило правоохранительным органам о получении взятки не позднее, чем через три дня».*

Этим будут разрешены ряд проблем, возникших или возникающих в правоприменительной практике РА в связи с изменением состава получения взятки с материального на формальный. К тому же, как в РА, так и в РФ будет обеспечен принцип равенства всех перед законом, ведь в отношении взяткодателя действует поощряющая норма, а в отношении взяткополучателя такая норма до сих пор не принята.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что исследования коррупционных и, соответственно, входящих в их состав должностных преступлений (а значит и корыстных преступлений против государственной власти), проблем, имеющихся и возникающих в правоприменительной практике (в особенности проблем квалификации указанных преступлений) и системы правовых, криминологических и организационных мер борьбы с указанными видами преступлений признаются приоритетными в уголовно-правовой науке направлениями. Исследованием, проведенным в диссертационной работе, вносится

определенный вклад в развитие науки уголовного права современного периода. Полученные результаты могут быть полезными для законодателя при совершенствовании уголовно-правовых норм в части, касающейся корыстных преступлений против государственной власти. Содержащиеся в диссертационной работе выводы и предложения могут быть использованы в законотворческом процессе.

Разработанные рекомендации относительно квалификации корыстных преступлений против государственной власти могут быть полезными в правоприменительной практике, а также имеют значение в учебном плане, при преподавании уголовного права в юридических вузах.

Основные положения диссертации нашли отражение в восьми научных публикациях автора, в том числе опубликованных в России, и обсуждены на заседаниях кафедры, научно-практических конференциях ГОУ ВПО «Российско-Армянского (Славянского) университета».

Апробация результатов исследования. Достоверность и апробация результатов исследования обеспечена сопоставлением их с данными, полученными другими исследованиями, а также использованием обширной общей и специальной юридической литературы, нормативных актов, материалов судебной практики и других данных.

Диссертация подготовлена на кафедре уголовного права и уголовно-процессуального права Института политики и права Российско-Армянского (Славянского) университета, где и проводилось ее рецензирование.

Структура работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, включающих в себя семь параграфов, заключения, списка использованной литературы.

ГЛАВА I: ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

§1. *Виды корыстных преступлений против государственной власти.*

Уголовный Кодекс РА (РФ) содержит в себе раздел, посвященный преступлениям против государственной власти. Данные преступления включены в раздел 11 (раздел X УК РФ) «Преступления против государственной власти» и имеют ряд особенностей, позволяющих отличить их от других групп преступлений, предусмотренных УК РА (РФ). В число особенностей рассматриваемых преступлений входит объект их посягательства. Родовым объектом всех преступлений против государственной власти следует считать совокупность (систему) общественных отношений, обеспечивающих незыблемость основ конституционного строя и безопасности государства, нормальное функционирование государственных органов, относящихся к различным ветвям государственной власти, а также интересы государственной службы в органах местного самоуправления[6]. Основы конституционного строя и безопасности государства, как и нормальное функционирование государственных органов, относящихся к различным ветвям власти, а также интересы государственной и муниципальной службы являются компонентом (составной частью) большой группы общественных отношений, обеспечивающих легитимность, нормальное существование и функционирование государственной власти. Эта группа общественных отношений выступает в качестве родового объекта преступлений, входящих в раздел X УК РФ[7].

Раздел X УК РФ «Преступления против государственной власти» включает в себя 4 главы:

1. преступления против основ конституционного строя и безопасности государства (глава 29 УК РФ);

2. преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК РФ);

3. преступления против правосудия (глава 31 УК РФ);

4. преступления против порядка управления (глава 32 УК РФ).

---

[6] Российское уголовное право: в 2-х томах. Т. 2. Особенная часть: учебник. // под ред.. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. – М.: ТК Велби. Издательство Проспект. 2003. Стр. 466.

[7] Российское уголовное право: в 2-х томах. Т. 2. Особенная часть // под ред. проф. А.И. Рарога. — М.: Изд. Профобразование. 2001. Стр.625.

В виду отсутствия корысти или иной личной заинтересованности как мотива в диспозициях предусмотренных УК РА и РФ преступлений, направленных против основ конституционного строя и безопасности государства, непосредственно перейдем к исследованию преступлений против интересов государственной службы, службы в органах местного самоуправления.

При рассмотрении данной группы преступлений необходимо согласиться с мнением профессора А.И. Рарога относительно того, что помещение этих преступлений в раздел «Преступления против государственной власти» не в полной мере соответствует его содержанию, поскольку данными нормами защищаются интересы не только государственной власти, но и местного самоуправления, т.е. публичной власти в целом[8]. А ст.12 Конституции РФ провозглашающая и гарантирующая местное самоуправление в РФ не включает в систему органов государственной власти местное самоуправление, которое функционирует в пределах своих полномочий самостоятельно.

Первая и отличительная особенность данной группы преступлений состоит в том, что действующий УК РФ не содержит определения преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления. При этом отметим, что УК РСФСР от 19.02.1926 г. в редакции от 05.03.1926 г. включил указанные преступления в главу III под названием «Должностные преступления». Под должностными преступлениями понимались преступные посягательства, совершенные либо должностными лицами, либо в связи с занимаемым должностным положением[9]. Анализируя такой подход уголовного закона и отдельные статьи главы 30 УК РФ, профессор А.И. Рарог приводит следующее определение преступлений против интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: «под преступлениями против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления следует понимать группу преступных деяний, посягающих на порядок осуществления государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления, совершаемых должностными лицами в связи с занимаемым должностным положением, а также в исключительных случаях, (предусмотренных

[8] Российское уголовное право: в 2-х томах. Т. 2. Особенная часть: учебник. // под ред.. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. – М.: ТК Велби. Издательство Проспект. 2003. Стр. 492.

[9] Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. // под общ. ред. проф. А.И. Гурова // М.: Изд-во – ВНИИ МВД России. 2000. С. 26, 27.

Босхолова *С.С.* // «Основы уголовной политики. Конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты». // М.: Изд-во – ЮрИнфоР. 1999. С. 54—58.

уголовным законом), государственными служащими и служащими органов местного самоуправления, не относящимися к числу должностных лиц, либо иными лицами»[10].

Вторым отличительным признаком рассматриваемой группы преступлений является видовой объект посягательства. Видовым объектом преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления признается совокупность общественных отношений по осуществлению нормальной деятельности аппарата публичной власти: органов государственной власти, органов местного самоуправления, а также государственных и муниципальных учреждений[11].

Профессор Л.В. Иногамова-Хегай видовой объект преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления подразделяет на 3 группы:

1. общественные отношения по охране публичной власти (в том числе органы военного управления) и местное самоуправление;

2. общественные отношения по охране интересов государственной службы;

3. общественные отношения по охране интересов муниципальной службы[12].

Следующая особенность рассматриваемой группы преступлений заключается в субъекте их совершения.

Субъекты, подлежащие уголовной ответственности за корыстные преступления против государственной власти (т.е. лиц, включаемых в понятие «должностное лицо»), выделяются здесь на основании критериев выполняемых ими функций. Однако уголовным законодательством не раскрываются содержание и признаки тех функций, по которым и выделяются субъекты рассматриваемой группы преступлений.

Так, субъектом корыстных преступлений против государственной власти являются должностные лица. Понятие «должностное лицо» согласно примечанию к ст.285 УК РФ включает в себя «лиц, постоянно, временно либо по специальному уполномочию осуществляющих функции представителя власти, либо выполняющих организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, а также в Вооруженных силах РФ, других войсках и воинских формированиях РФ».

---

[10] Российское уголовное право: в 2-х томах. Т. 2. Особенная часть // под ред. проф. А.И. Рарога. — М.: Изд. Профобразование. 2001. Стр.657.

[11] Российское уголовное право: в 2-х томах. Т. 2. Особенная часть: учебник. // под ред.. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. – М.: ТК Велби. Издательство Проспект. 2003. Стр.493.

[12] Российское уголовное право: в 2-х томах. Т. 2. Особенная часть: учебник. // под ред.. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. – М.: ТК Велби. Издательство Проспект. 2003. Стр.493.

Примечание к ст.308 УК РА устанавливает более широкий круг лиц, включаемых в понятие «должностное лицо». Здесь в качестве должностных лиц выделяются лица, постоянно, временно либо по специальному уполномочию осуществляющие функции представителя власти; лица, постоянно, временно либо по специальному уполномочию выполняющие организационно-распорядительные, административные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, а также в Вооруженных силах РА, других войсках и воинских формированиях РА. Расширен этот круг тем, что законодатель включил в число должностных именно лиц, выполняющих организационно-распорядительные, административные функции, как на постоянной основе, так и на временной основе или на основе специального уполномочия.

Таким образом, как следует из анализа уголовного закона, уголовным законодательством (РФ, РА) устанавливается перечень субъектов, подлежащих ответственности за корыстные преступления против государственной власти, основанный на выделении выполняемых этими лицами функций. Но смысл и содержание указанных в уголовном законе понятий и круг их полномочий разработаны наукой уголовного права. Поэтому во избежание произвольного толкования указанных понятий и недопущения случаев освобождения от ответственности лиц, не входящих в указанный уголовным законом круг субъектов корыстных преступлений против государственной власти, но имеющих определенное отношение к указанным функциям, предлагается применение вместо понятия «должностного лица» словосочетания «публичного служащего».

Еще одна особенность ряда преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления заключается в субъективной стороне рассматриваемой группы преступлений.

В ряде статей раздела X УК РФ законодатель в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления выделяет корыстный мотив или мотив в виде иной личной заинтересованности. Такой подход законодателя проявляется в основном в статьях главы 30 УК РФ, которые с учетом особенностей субъекта в научной литературе принято называть должностными преступлениями. В целом, вся эта группа преступлений входят в число коррупционных. Именно эти нормы являются предметом наших исследований.

Отличительными признаками преступлений, предусмотренных главой 30 УК РФ (главой 29 УК РА), являются следующие:

1. все они совершаются в связи с исполнением должностными лицами их полномочий либо с осуществлением служебной деятельности иными государственными или

муниципальными служащими, т.е. с использованием служебного положения или с ненадлежащим исполнением служебных обязанностей либо путем противодействия их осуществлению.

2. они совершаются вопреки интересам службы, т.е. в ущерб интересам нормального функционирования аппарата публичной власти, государственной или муниципальной службы.

3. они совершаются специальным субъектом, за исключением ст.291, ответственность по которой могут нести любые лица[13].

Именно на основе таких критериев в п.1 Перечня №23 Указания от 15.02.2012 г. №52-11/2, в ред.от 15.08.2012 г. Выделяются преступления корыстной направленности[14].

С учетом указанных признаков должностных преступлений и характеристик коррупционных преступлений, должностные преступления, действительно, правильно отнести к числу коррупционных.

Отметим, что до настоящего времени как в России, так и в Армении нет действующего нормативного акта, в котором содержался бы перечень преступлений, которые следует относить к числу коррупционных. На первый взгляд эта проблема может быть решена путем принятия закона о борьбе с коррупцией. Однако все попытки российских законодателей решить существующую проблему именно таким путем оказались все же безрезультатными. В действительности ни один из проектов указанного закона, разработанные законодательным органом РФ (исключение составляет первый рабочий вариант 1992г.) не предусматривал исчерпывающий перечень коррупционных преступлений. Эта проблема не разрешена и принятым в 2008 году ФЗ РФ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г. №273.

Решение этой проблемы возложено на правоприменительные органы путем самостоятельного толкования соответствующего общего определения.

В совместном указании Генеральной прокуратуры и МВД РФ «О внесении изменений в перечни статей Уголовного Кодекса Российской Федерации, используемые при формировании статистической отчетности» от 28 декабря 2012 года (указанный перечень был введен в действие совместным Указанием от 15.02.2012 г. №52-11/2, ред.от 15.08.2012 г.) установлены перечни преступлений различной направленности. В их число входит и перечень преступлений, которые по своей сути являются корыстными («из корыстной или иной личной заинтересованности») и в той или иной мере противоречат интересам службы.

---

[13] Российское уголовное право: в 2-х томах. Т. 2. Особенная часть: учебник. // под ред.. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. – М.: ТК Велби. Издательство Проспект. 2003. Стр. 494.
[14] http://bazazakonov.ru/doc/?ID=3877320

В него, исходя из названия Перечня №13[15], рассматриваемые преступления подразделены на несколько групп:

1. «преступления, которые могут быть совершены с использованием своего служебного положения должностным лицом»;

2. «преступления, которые могут совершаться с использованием своего служебного положения государственным служащим и служащим органов местного самоуправления»;

3. «преступления, которые могут быть совершены с использованием своего служебного положения лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации;

4. «преступления, относящиеся к перечню при наличии в статьях Особенной части УК РФ квалифицирующего признака – «совершенные лицом с использованием своего служебного положения»». Причем, в данном случае рассматривается также возможность совершения такого рода преступлений должностным лицом; государственным служащим и служащим органов местного самоуправления; лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации.

5. «преступления, которые могут способствовать совершению преступлений, совершаемых должностным лицом, государственным служащим и служащим органов местного самоуправления, а также лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации».

Аналогичный перечень утвержден и Генеральным Прокурором РА (Приказ №82 «О коррупционных преступлениях» от 19 ноября 2008 года, который дополнен Приказ №12 от 19.03.2013 г.), только в отличие от российского списка здесь эти преступления не подразделяются на различные виды и группы, и этот перечень имеет конкретное название «Виды коррупционных преступлений». И в российском перечне, и в армянском указываются такого рода преступления, которые будут рассмотрены в последующих главах диссертационного исследования.

В данные списки включены:

- корыстные преступления против собственности (например, присвоение и растрата);
- корыстные преступления в сфере экономической деятельности (например, легализация (отмывание) денежных средств);

[15] http://bazazakonov.ru/doc/?ID=3877320

- корыстные преступления против службы в коммерческих и иных организациях (например, злоупотребление полномочиями; коммерческий подкуп и др.);
- преступления против государственной власти, государственной службы или службы в органах местного самоуправления (злоупотребление должностными полномочиями; получение и дача взятки и др.);
- корыстные преступления против правосудия (вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта и др.).

Исходя из изложенного выше, можно согласиться с мнением профессора Максимова о том, что «коррупционное преступление – это предусмотренное в УК РФ общественно опасное деяние, которое непосредственно посягает на авторитет и иные законные интересы публичной власти и службы и выражается в противоправном получении государственным, муниципальным или иным лицом, занимающим государственную или муниципальную должность, либо служащим коммерческой или иной организации (в том числе международной) каких-либо благ (имущества, прав на него, услуг или льгот) либо в предоставлении этим служащим таких благ»[16].

Подобная формулировка понятия коррупционных преступлений дает возможность выделить следующие обязательные для них критерии:

1. прямой ущерб репутации и другим законным интересам публичной власти (т.е. государственной или муниципальной власти) и службы (госслужбы, службы в коммерческих и иных организациях);

2. незаконность либо противоправность действий государственных и муниципальных служащих или лиц, занимающих государственную или муниципальную должность, или служащих коммерческих и иных организаций, направленных на получение тех или иных благ в виде имущества, услуг или льгот;

3. использование виновным занимаемого служебного положения или собственного статуса против интересов службы;

4. специальный субъект, а именно: должностные лица (в том числе лица, занимающие государственные должности в РФ и ее субъектах); не относящиеся к числу последних государственные служащие и служащие органов местного самоуправления; лица, которые выполняют управленческие функции в коммерческой или иной организации;

5. умысел при совершении лицом действий (бездействий), которые объективно причиняют ущерб интересам публичной и непубличной службы;

[16] Максимов С.В. // «Коррупция. Закон. Ответственность» // М., 2000, с.15-16.

6. корыстная или иная личная заинтересованность, которыми лицо руководствуется при совершении преступного деяния. При этом следует учитывать, что личная заинтересованность носит неимущественный характер.

Таким образом, среди этих указанных признаков коррупционных преступлений, можно конкретно выделить присущие им следующие юридические признаки:

1. лицо, находящееся на государственной или муниципальной службе, как субъект преступления;
2. действие (бездействие), связанное с использованием служебного положения, вопреки интересам службы;
3. умышленные действия с корыстной целью[17].

В отличие от корыстных преступлений против государственной власти, которые, являясь должностными, входят в состав коррупционных, круг субъектов коррупционных преступлений до сих пор законодательно не определен. А в науке уголовного права данный вопрос остается все еще не решенным.

Не останавливаясь подробно на проблеме субъектов коррупционных преступлений, лишь отметим, что к числу субъектов указанной группы преступлений (в состав которых входят и должностные преступления) необходимо отнести также лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческой или иной организации. Ими являются лица, «постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации независимо от формы собственности, а также в некоммерческой организации, не являющейся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением»[18]. Субъектами преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях не являются служащие в органах государственной власти или органах местного самоуправления, государственных или муниципальных учреждений или организаций.

В УК РФ законодатель провел формальное разграничение корыстных преступлений на преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30) и преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (глава 23).

В раздел 11 «Преступления против государственной власти» УК РА также включены 4 аналогичные УК РФ главы. Однако в отличие от УК РФ главу 29, предусматривающую преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы

[17] Волженкин Б.В. // «Коррупция и уголовный закон. Правоведение», 1992, с.63-70.
[18] См. ч.1 примечания к ст.201 УК РФ.

в органах местного самоуправления, в УК РА законодатель назвал «Преступлениями против государственной службы».

Таким образом, представленный выше анализ показывает, что:

1. из числа преступлений, направленных против государственной власти выделяются только 3 состава, в диспозиции которых прямо на законодательном уровне в качестве обязательного признака субъективной стороны преступлений закреплен мотив – корыстная и (или) иная личная заинтересованность. Это такие составы, как **злоупотребление должностными полномочиями** (ст.285 УК РФ и ст.308 УК РА), **получение взятки** (ст.290 УК РФ и ст.311 УК РА) и **служебный подлог** (ст.292 УК РФ и ст.314 УК РА). Относительно недавно в УК РА в рассматриваемую группу преступлений были введены еще два состава: **получение незаконного вознаграждения публичным служащим, не являющимся должностным лицом** (ст.311¹ по УК РА) и **использование реального или предполагаемого влияния с корыстной целью** (ст.311² УК РА).

2. Первым и основным критерием классификации рассматриваемых преступлений может выступить ***непосредственный объект*** законодательно сконструированного их состава.

Так, по указанному основанию эти преступления подразделяются на:

а) преступления, которые непосредственно направлены на интересы государственной власти[19].

В этом случае непосредственным объектом данного преступления выступает не только «нормальная, регламентированная соответствующими правовыми актами деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, Вооруженных сил, других войск и воинских формирований», но и «права и законные интересы организаций или граждан либо охраняемые законом интересы общества или государства»[20].

б) преступления, непосредственно посягающие на интересы государственной службы[21].

Отличительная черта данной группы преступлений состоит в том, что непосредственным объектом выступает профдеятельность служащих, направленная на реализацию полномочий государства (РА и РФ), государственных органов, органов местного

[19] Злоупотребление должностными полномочиями (ст.285 УК РФ и ст.308 УК РА)

[20] Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (Постатейный) // под ред. д.юр.н. А.В. Бриллиантова. Комментарий к ст.285 УК РФ. // http: www.ozon.ru/context/detail/id/5096998/

[21] Получение взятки (ст. 290 УК РФ и ст.311 УК РА), служебный подлог (ст.292 УК РФ и ст.314 УК РА), использование реального или предполагаемого влияния с корыстной целью (ст.311² УК РА)

самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, Вооруженных сил, других войск и воинских формирований.

Вторым критерием классификации корыстных преступлений против государственной власти может выступить **субъект** рассматриваемых составов.

а) преступные деяния должностных лиц – *злоупотребление должностными полномочиями* (**ч. 1** ст.285 УК РФ и ст.308 УК РА), *получение взятки* (**ч.1** ст.290 УК РФ и ст.311 УК РА), и *использование реального или предполагаемого влияния с корыстной целью* (ст.311² УК РА);

б) преступные деяния иных лиц, занимающих те или иные госдолжности РФ и субъектов РФ, публичных служащих – *злоупотребление должностными полномочиями* (**ч. 2** ст.285 УК РФ), *получение взятки* (**ч.4** ст.290), *получение незаконного вознаграждения публичным служащим, не являющимся должностным лицом* (ст.311¹ по УК РА), *использование реального или предполагаемого влияния с корыстной целью* (ст.311² УК РА);

в) преступные деяния иностранных должностных лиц, должностных лиц публичной международной организации – *получение взятки* (**ч.2** и **ч.3** ст.290 и ст.311 УК РА).

Третьим критерием классификации корыстных преступлений против государственной власти выступает их субъективная сторона. Ввиду наличия или отсутствия прямого указания в диспозициях статей, входящих в главу 30 УК РФ (главу 29 УК РА) мотива преступления, как одной из признаков субъективной стороны деяний, корыстные преступления против государственной власти могут быть подразделены на:

1. корыстные преступления, т.е. такие составы преступлений, в которых корыстный мотив является обязательным признаком субъективной стороны. Это: злоупотребление должностными полномочиями; получение взятки, дача взятки, посредничество во взяточничестве и служебный подлог[22].

К числу таких преступлений в РА относятся также: «получение незаконного вознаграждения публичным служащим, не являющимся должностным лицом»; «использование реального или предполагаемого влияния»; «дача незаконного вознаграждения публичному служащему, не являющемуся должностным лицом»; «дача незаконного вознаграждения за использование реального или предполагаемого влияния»[23].

2. преступления против государственной власти, носящие корыстный характер (в диспозициях этих составов корыстный мотив прямо не указан, но он наличествует). Сюда

[22] Это соответственно статьи 285 УК РФ и 308 УК РА, 290 УК РФ и 311 УК РА, 291 УК РФ и 312 УК РА, 291¹ УК РФ и 313 УК РА, 292 УК РФ и 314 УК РА.

[23] Это ст.311¹, 311², 312¹, 312.2 УК РА соответственно.

входят нецелевое расходование бюджетных средств; нецелевое расходование государственных внебюджетных фондов, превышение должностных полномочий[24].

Таким образом, из проведенного выше анализа можно прийти к выводу о том, что:

1. корыстные преступления против государственной власти выделяются из числа других по своему мотиву - «корысть» и (или) «иная личная заинтересованность»;

2. корыстные преступления против государственной власти могут быть классифицированы по трем критериям – это: непосредственный объект, субъект и субъективная сторона рассматриваемых составов.

Корыстные преступления против государственной службы (по УК РА) и, соответственно, корыстные преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (по УК РФ) необходимо отличать от других групп преступлений, предусмотренных разделом 11 УК РА и разделом X УК РФ.

3. для полной, правильной и окончательной оценки корыстных (коррупционных) преступлений необходимо разобраться с понятиями «корысть» и «иная личная заинтересованность», которые выступают обязательными признаками субъективной стороны и являются мотивами ряда преступлений против государственной власти.

[24] Ст. 285.1, 285.2 УК РФ соответственно ст. 286 УК РФ (309 УК РА).

§2. *Содержание и правовое определение корыстной и иной личной заинтересованности в преступлениях против государственной власти*

В ряде статей Уголовного Кодекса РФ в качестве обязательного признака субъективной стороны преступлений указывается мотив. Мотивом преступления называется обусловленные определенными потребностями и интересами внутренние побуждения, которые вызывают у лица решимость совершить преступление и которыми оно руководствовалось при его совершении[25]. Одним из мотивов является корысть и (или) иная личная заинтересованность.

Исследование правовых источников позволяет прийти к следующим выводам: запреты на взяточничество и деяния, имеющие в основе корыстный мотив, были установлены издревле. Наказания к таким преступлениям применялись разные: в самом начале они никак не наказывались, в период Ивана Грозного наказывались самым строгим образом – битье кнутом, смертная казнь или тюремное заключение; затем ответственность была смягчена, а в период Петра I снова ужесточена. Термин же «корысть», хоть и впервые был применен в ряде статей Соборного Уложения от 1649 года, однако ему не уделялось должного внимания.

Термины «корысть» и «иная личная заинтересованность» вступают во всеобщее применение с принятием УК РСФСР от 1922 года, и затем применяется УК РСФСР от 1961 года и действующим УК РФ от 13.06.1996 года. Отметим, что ни один из указанных кодексов не раскрыл смысла и содержания понятий «корысть» и «иная личная заинтересованность», не дав никакого определения.

Рассматривая проблему правового определения корысти и иной личной заинтересованности, которые являются мотивами ряда преступлений, предусмотренных УК РФ и УК РА, необходимо обратиться к определению корысти и термина «корыстного преступления», сформулированных доктором юридических наук, профессором А.И. Долговой. Так, корыстные преступления характеризуются А.И. Долговой как такие деяния, «которые заключаются в прямом незаконном завладении чужим имуществом, «совершаются по корыстным мотивам и в целях неосновательного обогащения за счет этого имущества, причем без использования субъектами своего служебного положения, не связаны с нарушением хозяйственных связей и отношений в сфере экономики»»[26].

---

[25]Российское уголовное право. В 2-х томах. Том I. Общая часть // под ред. А.И. Рарога. – М.: «Профобразование». 2003. Стр. 196.

[26] Криминология. Учебник для вузов. // под ред. А.И. Долговой. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА– ИНФРА • М). 2001. стр. 376.

Выделяя признаки корыстных преступлений, к числу которых отнесены чужое имущество, корыстная цель и вне хозяйственные отношения, А.И. Долгова дает следующее определение корыстной цели: «корыстная цель – противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного».

Такое определение корысти, корыстного мотива либо корыстной цели является, на наш взгляд, неприемлемым. Поскольку законодатель в примечании к ст.158 УК РФ указывает в качестве обязательного признака субъективной стороны хищения корыстную цель, а цель – это представление желанного результата, к воплощению которого стремится совершающее преступление лицо, то корыстная цель не может определяться как действие: ведь противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного представляет собой действие, уголовно-правовой акт, составляющий объективную сторону хищения.

Кроме этого, такое определение корыстной цели является ограниченным, поскольку указанная формулировка не включает в себя часть признаков, законодательно регламентированных в определении понятия «хищения»: в рамках законодательного определения хищение включает в себя также изъятие и (или) обращение виновным чужого имущества в пользу других лиц.

Не является правильным и подход законодателя в части применения термина «корыстная цель». Нами предлагается редакция примечания к ст.158 УК РФ в указанной части и замена этого словосочетания на термин «корыстный мотив». Предлагаемая позиция мотивируется следующим: цель, как уже было отмечено, – это мысленная модель будущего результата, к достижению которого стремится лицо при совершении преступления, а мотив – это обусловленная определенными потребностями и интересами внутренняя побудительная сила, которая вызывает у лица решимость совершить преступление и которыми оно руководствуется при его совершении. Эти понятия тесно взаимосвязаны. Исходя из определенных потребностей, человек испытывает сначала неосознанное влечение, затем сознательное стремление к удовлетворению потребности. На этой основе формируется цель поведения[27]. Из изложенного следует, что корысть, как и любой другой мотив в целом, выступает в качестве внутренней побудительной силы к совершению преступления, на основе которой возникает не корыстная цель, а цель, направленная на противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в свою пользу или пользу других лиц (т.е. цель завладения чужим имуществом).

---

[27] Российское уголовное право. В 2-х томах. Том I. Общая часть. // под ред. А.И. Рарога. – М.: Профобразование. 2003. Стр. 196.

Интересна формулировка значения слова «корысть», приведенная в толковых словарях. Так, например, в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова корысть определяется в двух значениях:

1. корысть – это материальная выгода, польза;

2. корысть характеризуется как корыстолюбие, которое определяется как стремление к личной выгоде, наживе, жадность[28]

Приблизительно такое же определение слову «корысть» дано в «Толковом словаре великорусского языка» В. Даля. Здесь корысть определяется как «страсть к приобретению, к поживе; любостяжание, падкость на барыше (выгода, польза, барыш)…»

Из указанных выше определений слова корысть можно прийти к выводу о том, что «в русском языке этим понятием обозначаются крайние формы проявления эгоизма по поводу материальных благ – накопительство, стяжательство, жажда наживы и т.п.»[29].

Однако в рамках уголовного законодательства, в науке и судебной практике понятие корысти применяется в более широком смысле, а именно: корысть в основном рассматривается как стремление к получению какой-либо материальной выгоды или пользы. Такой вывод следует также из Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 27 июня 1975г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве», а также из п.11 аналогичного Постановления Пленума Верховного Суда РФ №1 (в новой редакции) от 27 января 1999г. («О судебной практике по делам об убийстве»), которые дают разъяснение о том, что «по п. «з» ч.2 ст.105 УК РФ (убийство из корыстных побуждений) следует квалифицировать убийство, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или избавления от материальных затрат (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.)».

В рамках УК РФ (и РА) можно выделить два раздела, которые включают корыстные преступления, т.е. преступления с указанными выше мотивами:

1. преступления против собственности (глава 21 раздела VIII УК РФ);

2. преступления против государственной власти (раздел X УК РФ).

Отметим, что в УК РФ (РА) не существует четкого, полного и точного определения корысти и иной личной заинтересованности. Содержание этих двух понятий, включенных в первую группу указанных преступлений, можно вывести из определения термина

---

[28] Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. // Толковый Словарь русского языка. Российская А.Н.; Российский фонд культуры; 3-е изд. // М.: АЗЪ, 1996. Стр.293.

[29] Б.С. Волков // «Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование)» // Казань: Издательство Казанского Университета. 1982. Стр. 45.

«хищение», закрепленного в примечании к ст.158 УК РФ. В отличие от преступлений против собственности, в основе которых лежит мотив корыстной заинтересованности, вторая группа корыстных преступлений мотивируется как корыстной, так и иной личной заинтересованностью. Законодательное определение этих двух мотивов в разделе X УК РФ полностью отсутствует. Однако в научной литературе сложился единый подход к определению рассматриваемых терминов.

Так, п.1 примечания к ст.158 УК РФ («Кража») определяет хищение в статьях УК как «совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездные изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственному или иному владельцу этого имущества». На основе данной нормы и с учетом определения термина мотив можно вывести следующее определение термина «корысть»: корысть – это внутреннее побуждение лица, направленное на извлечение имущественной выгоды либо удовлетворение личных материальных потребностей, т.е. противоправное безвозмездное изъятие и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц. Фактически сформулированное нами определение корыстного мотива включает в себя две части:

1. безвозмездное изъятие и обращение чужого имущества в пользу самого виновного, где очевидно наличие корысти как мотива;

2. противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу других лиц. В таком случае корыстный мотив выявляется посредством заинтересованности виновного в обогащении других лиц и передаче им похищенного имущества. Обогащение выражается в получении имущества родными или близкими виновного или лицами, с которыми он состоит в имущественных отношениях или формирует подобные отношения (получение выплат по долговым обязательствам, взятие в аренду и т.д.).

При таком подходе к понятию «корысть» важно выделить признаки, характеризующие его:

1. стремление к противоправному и безвозмездному завладению чужим имуществом

2. наличие у виновного имущественного (материального) интереса, руководствуясь которым и виновный выполняет действия, направленные на изъятие и (или) обращение чужого имущества в свою пользу или в пользу других лиц.

Противоправность означает совершение преступления, не только запрещенным законом способом (объективная противоправность), но и при отсутствии у виновного прав на это имущество (субъективная противоправность) [30].

Безвозмездность означает изъятие имущества без предоставления взамен эквивалентного возмещения деньгами, другим имуществом, своим трудом и т.д.[31]

Корысть в преступлениях против собственности представляет собой стремление к завладению, изъятию и (или) обращению чужого имущества. Пленум Верховного Суда РФ п.1 своего Постановления от 25 апреля 1995г. №5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» разъяснил, что «предметом хищения является чужое, т.е. не находящееся в собственности или законном владении виновного, имущество»[32].

Отметим, что к числу преступлений против собственности с корыстным мотивом не могут быть отнесены случаи изъятия и обращения виновным чужого имущества с целью временного пользования и его последующего возврата, поскольку в последнем случае отсутствует у виновного материальный интерес.

В качестве мотива как признака субъективной стороны корыстных преступлений против собственности не может выступать иная личная заинтересованность.

Чаще всего термины «корыстная» и «иная личная заинтересованность» применяются законодателем в главе 30 («Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления», в частности в ст.285 – «Злоупотребление должностными полномочиями») раздела X УК РФ. Применяя указанные термины, законодатель не раскрыл их содержание, не указал их смысла и значения. Однако в ряде статей указанной главы законодатель прямо установил корыстную или иную личную заинтересованность в качестве обязательного признака субъективной стороны конкретных составов преступлений. Возникает необходимость раскрытия смысла и содержания «корыстной» или «иной личной заинтересованности во второй группе указанных выше преступлений, а именно преступлений против государственной власти, поскольку правовое определение этих двух альтернативных мотивов полностью отсутствует и в разделе X УК РФ.

---

[30] Российское уголовное право: в 2-х томах. Т. 2. Особенная часть: учебник. // под ред.. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. – М.: ТК Велби. Издательство Проспект. 2003. Стр. 179-180.
[31] См. там же.
[32] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 апреля 1995г. №5 «О некоторых вопросах применения судами законодательства об ответственности за преступления против собственности» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6737/

Согласно п.15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» «под использованием должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы следует совершение таких деяний, которые хотя и были непосредственно связаны с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями»[33]. И далее, в п.16 указанного Постановления дается разъяснение относительно таких признаков субъективной стороны рассматриваемого преступления как мотив. Итак, здесь корыстная заинтересованность определяется как «стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя или других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашения долга, оплаты услуг, уплаты налогов и т.п.)»[34]. Из этого положения и из определения термина «мотив» следует, что ***корыстная заинтересованность как мотив – это внутренняя побуждающая сила, заключающая в стремлении получить имущественную выгоду; проявление материального интереса***. Определение корысти как мотива преступлений против собственности, выведенного из понятия «хищение», и определение корыстной заинтересованности, сформулированное в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий», сравниваются в п.17 указанного Постановления. В нем говорится: «в отличие от хищения с использованием служебного положения злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности образуют такие деяния должностного лица, которые либо не связаны с изъятием чужого имущества (например, получение имущественной выгоды от использования имущества не по назначению) либо связаны с временным и (или) возмездным изъятием имущества». Отсюда можно заметить, что в последнем случае исключаются такие признаки хищения, из которых были выведены и признаки корысти преступлений против собственности: противоправное безвозмездное

[33] Сборник Постановлений Пленумов Верховного Суда РФ (РСФСР) и Верховного Суда СССР по уголовным делам // http://www.ozon.ru/context/detail/id/4990649/
[34] См. там же.

обращение чужого имущества в свою собственность или в собственность других лиц. Таким образом, в зависимости от вида и специфики конкретных составов преступлений смысл и содержание корыстной заинтересованности может меняться.

Термин «иная личная заинтересованность» законодатель использует только в разделе X УК РФ «Преступления против государственной власти». Само слово «заинтересованность» характеризуется как проявление интереса к чему-нибудь, практический интерес к чему-нибудь. Употребляя выражение «иная личная заинтересованность», законодатель исключил из этого понятия материальную выгоду или пользу, которыми характеризуется корыстная заинтересованность. Слово же «личный» в буквальном толковании означает, что виновный действует в свою пользу либо в пользу близких ему лиц, в частности родственников. Пункт 17 указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» раскрывает содержание термина «иная личная заинтересованность» в преступлениях против государственной власти. Иная личная заинтересованность может выражаться «в стремлении должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленном такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т.п.»[35]. Из приведенного положения следует, что иная личная заинтересованность связывается со стремлением виновного получить выгоду неимущественного, нематериального характера.

Таким образом, проведенный уголовно-правовой анализ терминов «корысть» и «иная личная заинтересованность», применяемых в двух разделах УК РФ (глава 21 раздела VIII и раздел X), и исследование Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, РФ показывают, что в содержание рассматриваемых терминов законодатель вложил различный смысл: если в преступлениях против собственности под корыстью подразумевается материальная выгода для виновного или других лиц, избавление от материальных затрат, то в преступлениях против государственной власти корыстью признается имущественная выгода виновного без незаконного безвозмездного обращения имущества в свою собственность или собственность других лиц. Сказанное означает, что в преступлениях против государственной власти исключается признак хищения.

---

[35] П.17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. №19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» раскрывает содержание термина «иная личная заинтересованность» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/

Термин же «иная личная заинтересованность» раскрывается лишь только в Постановлении Пленума Верховного РФ (ранее и СССР), который касается преступлений против государственной власти. Иная личная заинтересованность как мотив преступления не может быть включен в качестве признака субъективной стороны преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, поскольку последние в основном представляют собой различные формы хищения и предполагают обязательно извлечение, получение материальной выгоды, пользы имущественного характера. Иная личная заинтересованность же, как следует из проведенного анализа этого термина и из указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ, включает в себя интерес к выгоде неимущественного характера. Таким образом, анализ самого словосочетания «иная личная заинтересованность», термина мотив и содержания п.17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. №19 позволяет нам сформулировать следующее определение рассматриваемого термина: иная личная заинтересованность – внутренняя побудительная сила, стремление виновного, проявляющиеся в извлечении выгоды неимущественного характера в свою пользу либо в пользу близких ему лиц.

ГЛАВА II: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОРЫСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

§1. Некоторые вопросы субъективных и объективных признаков корыстных преступлений против государственной власти

Рассмотрим некоторые виды корыстных преступлений **против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления.**

Ст. 285 УК РФ предусматривает ответственность за *злоупотребление должностными полномочиями.* Во-первых, субъектом этого преступления является именно должностное лицо. Во-вторых, коррумпированность данного преступного деяния подтверждается его объективной стороной и мотивом. Объективная сторона данного преступления заключается:

«1. в использовании должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, то есть в общественно-опасном деянии. Причем, общественно-опасное деяние может проявляться как в действии, так и в бездействии. Это означает, что оно имеет место как в совершении, так и в невыполнении должностным лицом конкретных действий. Эти действия не выходят за пределы служебной компетенции виновного, но совершаются им (либо в нарушение обязанностей не совершаются) вопреки интересам службы, то есть в ущерб тем целям и задачам, которые поставлены перед данным должностным лицом в соответствии с его статусом;

2. общественно опасные последствия, которые проявляются в существенном нарушении прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства;

3. причинной связи между действием или бездействием должностного лица, злоупотребившего служебными полномочиями, с причинением указанных последствий»[36].

Что касается мотива данного преступления, то в диспозиции рассматриваемой статьи прямо указывается специальный мотив: корыстная или иная личная заинтересованность. Корыстной заинтересованностью на основе сформулированных в предыдущем параграфе данной работы определений следует признать стремление извлечь имущественную выгоду или избавиться от материальных затрат без завладения чужим имуществом, так как в противном случае деяние станет хищением. Под иной личной заинтересованностью же следует понимать стремление получить выгоду неимущественного характера.

---

[36] Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (Постатейный) // под ред. д.юр.н. А.В. Бриллиантова. Комментарий к ст.285 УК РФ. // http: www.ozon.ru/context/detail/id/5096998/

Однако в отличие от диспозиции этой статьи, предусмотренной в УК РФ, диспозиция аналогичной статьи УК РА (ст. 308) содержит прямое указание на то, что данное преступление может быть совершено и путем бездействия (путем неисполнения служебных обязанностей). Не менее интересен и подход армянского законодательства к мотиву. Так, в отличие от российского законодателя армянский законодатель помимо корыстной или иной личной заинтересованности, в качестве мотива выделяет также групповые интересы.

Квалифицированный же состав злоупотребления должностными полномочиями, предусмотренный ч.2 ст.285 УК РФ, устанавливает в качестве его субъекта должностных лиц особенной категории: занимающих госдолжности РФ или госдолжность субъекта РФ лиц,.

Ст.285¹ УК РФ, то есть *нецелевое расходование бюджетных средств*, также следует отнести к корыстным преступлениям. Объясняется это тем, что:

«1. субъект преступления специальный, то есть, как следует из диспозиции, это должностное лицо получателя бюджетных средств;

2. объективная сторона данного преступления характеризуется действиями, направленными на расходование бюджетных средств на цели, не соответствующие условиям их получения, определенным утвержденными бюджетом, бюджетной росписью, уведомлением о бюджетных ассигнованиях, сметой доходов и расходов либо иным документом, являющимся основанием для получения бюджетных средств, в крупном размере.

3. Несмотря на то, что в диспозиции этой статьи прямо не указывается мотив (а именно: корыстная или иная личная заинтересованность), все же он предполагается, поскольку здесь указывается на нецелевое расходование бюджетных средств, под которым можно понимать направление и использование их на цели, несоответствующие условиям получения указанных средств. Например, нецелевым является расходование бюджетных средств на финансирование расходов, не включенных в смету доходов и расходов и другие»[37].

Именно наличие этих трех признаков свидетельствует о высокой степени общественной опасности данного преступления.

Аналогично можно проанализировать и ст. 285² УК РФ – *нецелевое расходование средств государственных внебюджетных фондов.*

Отметим, что УК РА подобных статьей не содержит.

---

[37] Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации (Постатейный) // под ред. д.юр.н. А.В. Бриллиантова. Комментарий к ст.285 УК РФ. // http: www.ozon.ru/context/detail/id/5096998/

В предыдущей главе диссертационного исследования уже говорилось о том, что в совместном Указании Генеральной прокуратуры и МВД РФ «О введении в действие перечней статей Уголовного Кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» от 15.02.2012 г. №52-11/2 (изменен совместным Указанием «О внесении изменений в перечни статей Уголовного Кодекса Российской Федерации, используемые при формировании статистической отчетности» от 28 декабря 2012 года, а в 2013 году утратило силу)[38] были установлены перечни преступлений различной направленности. В их число входят:

– перечень преступлений, которые «могут быть совершены с использованием своего служебного положения коррупционной направленности из корыстной или иной личной заинтересованности должностным лицом, государственным служащим и служащим органа местного самоуправления, лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также преступлений, которые могут способствовать их совершению» (Перечень №13) [39];

– перечень преступлений, коррупционной направленности, одним из обязательных признаков которых является корыстный мотив (Перечень №23)[40]. Это и есть те преступления, которые по своей сути являются корыстными (совершенными «из корыстной или иной личной заинтересованности») и в той или иной мере противоречат интересам службы. В него, исходя из п.3.3 Перечня №23, к группе преступлений, совершенных с корыстным мотивом отнесена также ст.286 УК РФ – ***превышение должностных полномочий*** (ч.1 и ч.2, п.в ч.3 указанной статьи).

Как УК РФ, так и УК РА предусмотрели ответственность должностного лица за *превышение должностных полномочий*. Так же, как и в рассмотренных выше статьях, субъектом этого преступления является должностное лицо. Объективная сторона характеризуется:

1. совершением должностным лицом действий, выходящих за пределы его полномочий.

В отличие от злоупотребления полномочиями превышение должностных полномочий означает совершение должностным лицом явно выходящих за пределы его служебной компетенции действий. Поэтому при квалификации деяния по ст.286 УК РФ (ст.309 УК РА) необходимо точно установить всеобъемлющий контент полномочий должностного лица,

[38] http://bazazakonov.ru/doc/?ID=3877320
[39] См. там же.
[40] http://www.69frspb.caduk.ru/DswMedia/prilojenie7.pdf

регулируемый различными нормативно-правовыми актами и уточнить конкретные нарушения нормативных положений.

Превышение должностных полномочий может выражаться в совершении действий:

а) относящихся к полномочиям другого должностного лица (вышестоящего или равного по рангу; данного или другого ведомства);

б) которые могли бы быть совершены данным должностным лицом, но лишь при наличии особых условий, отсутствовавших в реальной ситуации;

в) которые никем и ни при каких условиях не могут быть совершены, поскольку не входят в компетенцию никого из должностных лиц;

г) составляющих исключительную компетенцию коллегиального органа, но совершенные виновным единолично[41].

2. Общественно-опасными последствиями, т.е существенным нарушением прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества и государства[42];

3. причинной связью между действиями и их последствиями.

Совершение же данного деяния лицом, занимающим государственную должность РФ, государственную должность субъекта РФ или должность главы органа местного самоуправления представляет собой самостоятельный состав рассматриваемого преступного проявления[43].

Еще больший интерес как вид корыстного преступления против государственной власти вызывает *служебный подлог* (ст.292 по УК РФ, ст.314 УК РА). Служебный подлог в уголовном законе определяется как «внесение должностным лицом, а также государственным служащим или служащим органа местного самоуправления, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а также внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание»[44].

По сути, объективная сторона данного преступления состоит из 2-х действий:

1) интеллектуальный подлог, т.е. внесение заведомо ложных сведений в официальные документы. Это означает включение в документ информации, априори не соответствующей действительности;

---

[41] П.19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» от 16.10.2009 №19.
[42] Ст.286 УК РФ и ст.309 УК РА
[43] См. ч.2 ст.286 УК РФ.
[44] Ст.292 по УК РФ, ст.314 УК РА

2) физический подлог, т.е. внесение в официальный документ исправлений, искажающих его действительное содержание. Физический подлог означает искажение действительного содержания подлинного документа. Искажение представляет собой коррекцию, полное или частичное уничтожение оригинала, замена тех или иных формулировок, буквенных или цифровых знаков, внесение дополнений в исходный текст и прочие действия.

Степень общественной опасности данного преступления растет ввиду прямого указания в российском уголовном законе как обязательного признака корыстной или иной личной заинтересованности (мотив), а ст.309 УК РА выделяет в качестве мотива также и групповые интересы.

Наиболее распространенными корыстными, соответственно коррупционными преступлениями являются получение и дача взятки. Отметим, что в диспозиции состава «Получение взятки» говорится о получении взятки должностным лицом лично или через посредника за действия в пользу взяткодателя или представляемых им лиц[45]. Посему подобные действия (бездействия) должны рассматриваться как служебные полномочия должностного лица либо как его возможность данного лица способствовать их совершению. Помимо того, законом устанавливается ответственность за общее покровительство или попустительство по службе. Обязательным критерием получения взяток является ответный характер действий должностного лица. Это одинаково относится как к актам подкупа, когда взятка дается заранее для достижения желанной цели, так и к случаям вознаграждения, при которых взятка дается пост-фактум. Важным является и то, что не каждый факт дарения квалифицируется как преступление[46]. Из сущности данного преступления вытекает также обязательный признак субъективной стороны преступления – корыстный мотив.

Серьезные проблемы в РА создало введенное Законом РА «О введении изменений и дополнений в УК РА» от 09.02.2012 г. №18 изменение, которым введена уголовная ответственность должностного лица за обещание получить взятку или принятие предложения взятки (ч.1 ст. 311 УК РА)[47]. Ст. 5 указанного закона было введено дополнение в диспозицию ч.1 ст.311 УК РА, согласно которому объективную сторону получения взятки начали составлять еще 3 действия. Это: требование взятки, обещание принятия взятки и принятие предложения взятки.

---

[45] ст.290 УК РФ
[46] См. ст.575 ГК РФ.
[47] http:// www.arlis.am

В дальнейшем аналогичным изменениям подверглись и некоторые другие статьи УК РА: коммерческий подкуп (ст.200), подкуп участников и организаторов профессиональных спортивных соревнований и зрелищных коммерческих конкурсов (ст.201), получение незаконного вознаграждения публичным служащим, не являющимся должностным лицом (ст.311[1]), использование реального или предполагаемого влияния с корыстной целью (ст.311[2]), дача взятки (ст.312) и дача незаконного вознаграждения за использование реального или предполагаемого влияния (ст.312[2]).

Данное положение приводит к некоторой трансформации содержания дополнительного признака объективной стороны преступления – момента окончания преступления. В результате такого изменения получение взятки как вид преступления меняет свой состав от материального к материально-формальному, т.е. момент окончания преступления приходится на более раннюю стадию.

В отличие от армянского законодателя, российский законодатель ввел ответственность за обещание или предложение только за посредничество во взяточничестве (ч.5 ст.291.1 УК РФ).

Данная норма вызвала ряд проблем при квалификации преступлений. Одновременно три суда Армении – Апелляционный Уголовный Суд РА, Суд общей юрисдикции первой инстанции административных районов Кентрон и Норк-Мараш г. Ереван – обратились в Конституционный Суд РА с заявлениями о признании указанного выше положения, введенного в ст.311 УК РА, противоречащими Конституции РА.

Суды в своих обращениях указывают, что до принятия указанного выше закона требование взятки, обещание получить взятку и принятие предложения взятки рассматривались либо как приготовление к получению взятки, либо покушение на получение взятки, т.е. в подобных случаях имели дело с неоконченным составом преступления. А принятие указанного Закона привело к тому, что требование взятки, обещание получить взятку и принятие предложения взятки должны будут рассматриваться как оконченное преступление. В обращениях судов также говорится, что эти положения ограничивают возможность добровольного отказа лица от доведения преступления до конца и делают невозможным применение материального состава получения взятки. Такой подход мотивируется судами тем, что при новой законодательной установке получение взятки как состав преступления перестает иметь стадии (приготовление или покушение), что и лишает лицо возможности добровольно отказаться от доведения данного преступления до конца. Одновременно суды обращают внимание на то обстоятельство, что наказание за приготовление или покушение указанного материального состава является более мягким,

чем за формальный состав получения взятки. Это, как отмечается судами, противоречит установленным Конституцией принципам справедливого судопроизводства и равенства всех перед законом и ставит в неравное положение лиц, которые совершили преступление до принятия указанного выше закона, и лиц, совершивших преступление после его принятия.

К тому же Апелляционным Уголовным Судом указывается и то, что принятие такой нормы не является оправданным ввиду отсутствия гарантий, не допускающих превращение должностного лица в жертву провокации взятки, что в свою очередь противоречит Конституции РА.

Как указывается в Постановлении Конституционного Суда на приведенные выше доводы «ответчик, уполномоченный представитель законодательного органа – Национального Собрания РА – представил свои доводы и мотивировал, что необходимость расширения объективной стороны получения взятки и включения указанных выше действий в объективную сторону рассматриваемого преступления непосредственно вытекает из требований и положений международно-правовых актов. В подтверждение своих позиций ответчик привел соответствующие нормы подписанной 27 января 1999 г. «Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию», где выделяются активное и пассивное взяточничество, «Конвенции об гражданско-правовой ответственности за коррупцию» (подписана 04.01.1999 г. в Страсбурге), «Конвенции ООН против коррупции» от 31.10.2003 г. и др.»[48].

В своем Постановлении Конституционный Суд РА признал соответствующими Конституции РА указанные положения, мотивировав это тем, что Республика Армения будучи членом Совета Европы приняла на себя ряд обязательств по принятию соответствующих законодательных актов в направлении борьбы как с активным, так и пассивным взяточничеством и установления уголовной ответственности за эти деяния. Подход Конституционного Суда РА исходит из идей правового государства и направлен на соблюдение требований международно-правовых актов[49].

Анализ научной уголовно-правовой литературы в основном позволяет обособить три варианта решения данной проблемы.

Изложенный в обращениях подход различных судов, находит свое подтверждение также и в науке уголовного права. Так, например, по мнению профессора Цагикяна С.Ш.,

---

[48] Постановление Конституционного Суда РА по делу об определении вопроса соответствия ч.1 ст.311 УК РА Конституции РА на основании обращений Апелляционного Уголовного Суда РА, Суда общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш г. Еревана от 19.01.2013 г. ПКС-1124.
Информация с официального сайта Конституционного Суда РА
http://www.concourt.am/armenian/decisions/common/2013/pdf/sdv-1124.pdf
[49] См. там же.

«могут иметь место случаи, когда должностное лицо делает предложение о даче ему взятки или совершает действия, направленные на получение взятки. Указанные действия должностного лица, а также действия других лиц, направленные на разоблачение должностного лица как преступника и следующие за передачей должностному лицу предмета взятки, должны квалифицироваться как покушение должностного лица на получение взятки, поскольку не имела место дача ему взятки в собственном смысле слова»[50].

Некоторые ученые считают необходимостью переход от формального состава получения взятки к усеченному, т.е. перенесению момента окончания состава получения взятки на более раннюю стадию – момент обещания принять взятку или предложение взятки[51].

Ряд же других ученых придерживаются позиции необходимости выделения в отдельную статью[52] либо в отдельную часть статьи получения взятки[53] обещание получения взятки или принятие предложения взятки публичными служащими. Данный подход мотивируется тем, что за требование или обещание принять взятку как приготовление к получению взятки должностные лица (служащие) не могут нести ответственность, поскольку ч.2 ст.33 УК РА (ч.2 ст.30 УК РФ) устанавливают положение, согласно которому уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому или особо тяжкому преступлению. А ч.1 ст.311 УК РА (290 УК РФ) и все остальные статьи, устанавливающие ответственность за получение взятки служащими (ч.3 и ч.4 ст.200, ст.201, ч.1 и ч.2 ст.311¹, ч.1 и ч.2 ст.311²) по мере наказания не относятся к категории тяжких или особо тяжких преступлений.

Вторым доводом сторонников обособления указанной нормы в отдельную статью или часть статьи является то, что рассмотрение требования, принятия обещания или предложения взятки как приготовления или покушения на получение взятки приводит к смягчению наказания (в случае приготовления – это половина предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК максимального срока наказания в виде лишения свободы; в случае покушения – это три четверти предусмотренного санкцией статьи Особенной части УК максимального срока наказания в виде лишения свободы)[54].

---

[50] С. Цагикян «Проблемы освобождения взяткодателя от уголовной ответственности» // Закон и действительность. №7. Ер., 2009. Стр.1-4

[51] Егорова Н.А. «Уголовная ответственность за коррупцию в свете Европейской Конвенции 1999 года и УК РФ» // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – №3. Стр.89-90.

[52] Мизерий А.Н. // «Уголовно-правовые и криминологические аспекты в органах власти». Дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. // Нижний Новгород, 2000. Стр.144.

[53] Саргсян Г.М. // «Проблемы освобождения взяткодателя от уголовной ответственности». Дис. на соискание ученой степени кандидата юридических наук. // Ер., 2012. Стр.56-58.

[54] См. санкции соответствующих статей УК РФ и РА.

К тому же, как справедливо отмечает в своей диссертационной работе Г.М. Саргсян, исключительно словами, посредством чего и выражается требование взятки, обещание получения взятки или принятие предложения взятки, не может быть заполнен весь круг действий, составляющих покушение или приготовление к преступлению.

Исходя из изложенного, наиболее приемлемой представляется второй подход, соответственно, выделение требования взятки, обещания получить взятку и принятие предложения взятки в отдельную статью.

С точки зрения объективных характеристик получения взятки определенные проблемы вызвало и ч.3 ст.311 УК РА, закрепляющее следующее положение:

«То же деяние, которое совершено:

1.с вымогательством;

2. группой лиц по предварительному сговору;

3. в крупных размерах;

4.утратила силу… »

Поскольку частями первой и второй исследуемой статьи устанавливается ответственность за два фактически разных преступления – **получение взятки** (ч.1 ст.311 УК РА) и получение взятки за заведомо **незаконные действие или бездействие** (ч.2 ст.311 УК РА), - то на практике нередко сталкиваются с проблемой применения ч.3 вышеназванной статьи. Суть этой проблемы заключается в том, что уголовным законом не определено конкретно к какому из указанных деяний (к части 1 или части 2 рассматриваемой статьи) относится закрепленное частью 3 словосочетание «то же деяние». Поэтому представляется необходимостью законодательная редакция уголовно-правовой нормы в рассматриваемой части и соотнесение ч.3 рассматриваемой статьи к двум указанным деяниям (и к ч.1 и к ч.2 ст.311 УК РА). Исходя из этого, предлагается изложить ч.3 ст.311 УК РА следующим образом:

«Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные….»

Отметим, что в УК РФ изменениями на 01.03.2012г. выделил в отдельную статью посредничество во взяточничестве (ст.291.1), чем и разрешила существующую на протяжении многих лет проблему квалификации действий посредника (ранее действия посредника должны были квалифицироваться либо по ст.290 либо по ст.291 УК РФ, вследствие чего возникала проблема, связанная с необходимостью определения, к какой из указанных двух статей отнести деяние посредника: расценить как посредничество в даче взятки или посредничество в получении взятки).

В армянском законодательстве в список преступлений против государственной службы включено посредничество во взяточничестве (ст.313 УК РА). Согласно данной статье под посредничеством во взяточничестве следует понимать способствование договоренности о взятке между взяткодателем и взяткополучателем или исполнения реализации уже состоявшегося такого соглашения. Причем, квалифицированный состав данного преступления устанавливает ответственность за использование служебного положения.

Теперь рассмотрим ст.291.1 УК РФ *«посредничество во взяточничестве».* УК РФ посредничество во взяточничестве характеризует как «непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении или даче взятки в значительном размере».

Отметим, что никакого существенного отличия в формулировках указанных аналогичных статей нет.

При рассмотрении такого уголовно-наказуемого деяния, как посредничество во взяточничестве, особого внимания требует получившее широкое применение в уголовно-правовой литературе понятие «мнимое посредничество». Содержание деяния, которое в научной литературе получило название «мнимое посредничество» раскрывается в ряде постановлений Пленумов Верховного Суда СССР и РФ: Постановления Пленумов Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о взяточничестве» от 24.06.1948г., от 31.07.1962г. и от 23.09.1977г., а также Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000г. №6 (в ред. 23.12.2010г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе». Постановления Пленума Верховного Суда дают разъяснение о необходимости квалификации действий так называемого посредника во взяточничестве как мошенничества в случае, если «он получает от кого-либо деньги или иные ценности якобы для передачи должностному лицу или лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа и, изначально не имея намерения осуществить передачу, присваивает себе предмет взятки или коммерческого подкупа»[55]. Такой подход Пленума Верховного Суда РФ мотивируется двумя важными факторами, которые необходимо учитывать при квалификации данного преступления:

1. направленность умысла виновного. На самом деле, изначальная цель посредника во взяточничестве заключается не в передаче должностному лицу денег или других ценностей,

[55] П.21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000г. №6 (в ред. 23.12.2010г.).

а их присвоение. Посему налицо факт обмана, выступающего обязательным признаком объективной стороны мошенничества, которое ст.159 УК РФ определяется как хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество ***путем обмана или злоупотребления доверием***.

2. в данном случае меняется объект посягательства. Это обстоятельство вытекает непосредственно из первого, т.е. направленности умысла. Тем самым имеет место посягательство на общественные отношения, охраняющие не интересы государственной службы и службы в органах местного самоуправления, а право собственности.

Законом РА «О внесении дополнений в УК РА» от 30.04.2008г. в УК РА были добавлены статьи 311.1 («Получение публичным служащим, не являющимся должностным лицом, незаконного вознаграждения»)[56], 312.1 («Дача публичному служащему, не являющемуся должностным лицом, незаконного вознаграждения»)[57] и 312.2 («Дача незаконного вознаграждения за использование реального или предполагаемого влияния»)[58]. А Законом РА «О внесении изменений и дополнений в УК РА» от 09.02.2012г. в УК РА была введена ст.311.2 («Использование реального или предполагаемого влияния в корыстных целях»)[59]. Законодательное закрепление таких положений в УК РА предоставило уголовному закону РА ряд преимуществ по сравнению с УК РФ. Сказанное объясняется тем, что получение взятки устанавливает ответственность только в отношении должностных лиц за получение незаконного вознаграждения, коммерческий подкуп – в отношении лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих и иных организациях. Статьей же 311.1 УК РА расширен круг субъектов, подлежащих ответственности за получение незаконного вознаграждения – в этот круг входят публичные служащие, т.е. все лица, не являющиеся должностными лицами, но находящиеся на службе. Так, например, по указанной статье УК РА к ответственности могут быть привлечены лица, занимающие должности в аппарате избирательной комиссии муниципального образования, которые признаются муниципальными служащими. По УК РФ подобные случаи будут квалифицироваться по ст.204 коммерческий подкуп, что не является правильным, поскольку избирательная комиссия по определению – это независимый коллегиальный орган, а не организация.

Особый интерес вызывает уголовно-правовая норма УК РА – ***использование реального или предполагаемого влияния в корыстных целях (ст.311²)***.

---

[56] Ст.2 Закона РА «О внесении дополнений в УК РА» от 30.04.2008г.
[57] Ст.3 того же закона.
[58] Ст.4 того же закона.
[59] www.arlis.am

Использование реального или предполагаемого влияния в корыстных целях законодательно определяется как «получение лично или через посредника или требование получения либо получение обещания или принятие предложения должностным лицом или публичным служащим, не являющимся должностным лицом, на получение денег, имущества, прав на имущество, ценных бумаг или каких-либо других преимуществ за содействие в совершении или не совершении в пределах своих полномочий действий в пользу физических или юридических лиц либо для покровительства или попустительства по службе».

С объективной стороны вышеуказанный вид преступления состоит в использовании реального или предполагаемого влияния, которым субъект преступления обладает в связи с выполняемой им служебной деятельностью. Использование реального или предполагаемого влияния совершается путем выполнения действий, входящих в его служебные полномочия:

– заключающихся в способствовании (оказании содействия) в совершении или не совершении каких-либо действий в пользу физических или юридических лиц;

– либо выражающихся в покровительстве или попустительстве по службе.

С субъективной стороны это преступление совершается с прямым умыслом, а обязательным признаком ее, как и всех других корыстных преступлений против государственной власти, является ***корыстный мотив или корыстная цель***, которая выражается:

– в получении лично или через посредника определенных благ или преимуществ;

– в требовании определенных благ или преимуществ;

– в получении обещания о предоставлении определенных благ и преимуществ;

– в принятии предложения о получение указанных в диспозиции рассматриваемой статьи благ и преимуществ.

Субъект данного преступления, как и всех других корыстных преступлений против государственной власти, – специальный. Им выступают должностные лица либо публичные служащие, не являющиеся должностными лицами.

Среди вопросов, касающихся субъективных признаков корыстных преступлений против государственной власти, особое значение имеет проблема субъекта. К понятию субъекта и подходу российского законодателя к указанной проблеме мы обращались в §1 главы I данной работы. Однако в предыдущих параграфах, просто было дано определение должностного лица по ст.285 УК РФ (и ч.3 ст.308 УК РА) в общих чертах и на основании критерия выделения должностных лиц – выполняемые ими функции – было предложено применение вместо понятия «должностное лицо» категории «публичный служащий».

По УК РА круг субъектов, подпадающих под действие статей, устанавливающих уголовную ответственность за совершение корыстных преступлений против государственной власти, за последнее десятилетие подвергся неоднократным изменениям. Этим и обоснуется необходимость более детального исследования субъектов корыстных преступлений против государственной власти, связанных с ними законодательных изменений и проблем, возникающих в связи с этими изменениями.

Отметим, что до введения дополнений и изменений в ст.308 УК РА от 2003 г. («Злоупотребление должностными полномочиями») давалось аналогичное содержащемуся в российском законодательстве определение термина «должностное лицо». Так, еще в УК РА от 07.03.1961 г. должностные лица определялись как «лица, постоянно или временно выполняющие функции представителя власти, а также постоянно или временно руководящие должностями в государственных и общественных учреждениях, организациях или предприятиях, связанные с выполнением организационно-распорядительных, административно-хозяйственных обязанностей либо лица, осуществляющие в организациях такие обязанности по специальному полномочию»[60].

Серьезные законодательные изменения в УК РА начали проводиться с 2005 г. Так, Законом РА «О внесении дополнений в Уголовный Кодекс Республики Армения» от 20.05.05 г. №119 содержание ст.308 было дополнено частью 4, закрепляющей следующие положения: «в связи с совершением деяний, предусмотренных ст.311, 312 и 313 УК РА должностными лицами являются также:

1) лица, осуществляющие функции государственного должностного лица иностранного государства в соответствии с внутригосударственным правом данного государства, а также члены законодательного органа или осуществляющего административные полномочия какого-либо представительского органа иностранного государства;

2) должностные лица международной или наднациональной общественной организации или ее органа, членом которой является Республика Армения, либо в случаях, предусмотренных регламентами этой организации или ее органа, – работники по договору или другие лица, выполняющие функции, соответствующие функциям, осуществляемым такими должностными лицами или работниками;

[60] Ч.3 ст.182 УК РА от 07.03.1961г. в редакции от 2001г. (по УК РА от 2003г в действующей редакции аналогична ст.308 – злоупотребление полномочиями). Указанный Закон принят Национальным Собранием РА 20.05.05г., подписан Президентом – 18.06.05г.

3) члены международной или наднациональной организации, членом которой является Республика Армения, парламентской ассамблеи или другого органа, осуществляющего такую функцию;

4) осуществляющие судебные функции члены или должностные лица международного суда, правомочия которого признаны Республикой Армения;

5) присяжные заседатели судов иностранных государств»[61].

Как следует из вышеперечисленных пунктов, к числу должностных лиц в статьях, устанавливающих ответственность за получение, дачу взятки и посредничества во взяточничестве относятся также лица, занимающие определенные должности в каких-либо международных организациях.

Последующим изменением из п.2 и 3 ч.4 указанной статьи были исключены слова «…, членом которой является Республика Армения»[62], чем и был расширен указанный круг субъектов. Это означает, что законодатель включил в круг должностных преступлений – всех членов международных и наднациональных организаций.

Аналогичные изменения были введены в УК РФ ФЗ РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального Закона ″О противодействии коррупции"» от 25.12.2008 г. №280-ФЗ. Этими изменениями внесено положение, согласно которой «иностранные должностные лица и должностные лица публичной международной организации, совершившие преступления, предусмотренные УК РФ, несут уголовную ответственность по статьям главы 30 УК РФ в случаях, предусмотренных международными договорами РФ»[63]. Данной нормой российский законодатель несколько расширил круг лиц, охватываемый понятием должностного лица, но при этом поставил определенное ограничение, не допускающее включить в этот круг всех представителей иностранных международных и иных организаций и государств. И в этом плане российское законодательство значительно уступало армянскому.

Однако российский законодатель в дальнейшем примечание 5 к ст.285 УК РФ пунктом 5 ст.1 ФЗ РФ «О внесении изменений в УК РФ и Кодекс РФ об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области

---

[61] Ст.3 Закона РА «О внесении дополнений в Уголовный Кодекс Республики Армения» от 20.05.05 г. №119

[62] Ст.4 Закона РА «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Республики Армения» от 28.11.06г. №206

[63] Пункт 5 ст.7 ФЗ РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального Закона ″О противодействии коррупции"» от 25.12.2008 г. №280-ФЗ

противодействия коррупции» от 04.05.2011 №97-ФЗ признал утратившим силу (ч.4). Одновременно указанным законом ст.290 УК РФ была изложена в новой редакции, признающей субъектом получения взятки также и иностранных должностных лиц или должностных лиц публичной международной организации.

А ч.2 ст.4 Закона РА «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Республики Армения» от 09.02.2012 г. №18 был расширен круг преступлений, субъектами которых могли стать и лица, занимающие определенные должности в каких-либо международных организациях. В частности, указанные лица, которые являлись субъектом преступлений, предусмотренных только тремя статьями (ст.311, 312 и 313), введенным изменением стали рассматриваться также субъектом и двух других деяний – это ст.311^2 («использование реального или предполагаемого воздействия в корыстных целях») и 312^2 («дача незаконного вознаграждения для использования реального или предполагаемого воздействия) УК РА.

Эти изменения связаны с тем, что указанные лица, действующие в международных организациях и иностранных государствах, должны подпадать под действие УК РА и РФ в случае совершения ими некоторых из корыстных преступлений против государственной власти РА (РФ). Это такие преступления, как получение взятки (УК РФ и РА), использование реального или предполагаемого влияния с корыстной целью, посредничество во взяточничестве по УК РА.

Уголовно-правовые изменения имели место и в 2008 году. Подверглась изменениям ст.308 УК РА («злоупотребление должностными полномочиями»). Национальное Собрание РА по законодательной инициативе Правительства РА 30 апреля 2008 г. приняло разработанный Генеральной прокуратурой РА проект Закона РА «О введении дополнений в УК РА», который вступил в силу 4 июня 2008 г. Данный Закон ввел в рассматриваемую главу УК еще 3 корыстных преступления – ст.311^1 («получение публичным служащим, не являющимся должностным лицом незаконного вознаграждения»); ст.311^2 («использование реального или предполагаемого влияния в корыстных целях») и ст.312^1 («дача публичному служащему, не являющемуся должностным лицом, незаконного вознаграждения»).

Так, ст.311^1 устанавливает уголовную ответственность в отношении публичных служащих, не являющихся с точки зрения УК должностными лицами, за получение незаконного вознаграждения.

Данная статья отличается от ст. 311 лишь только одним признаком, характеризующим состав преступления, а именно: по субъекту. Если в ст. 311 субъектом является должностное лицо, о котором говорилось в первом параграфе главы 1, то субъектом преступления,

предусмотренного ст.311[1] является публичный служащий, не являющийся должностным лицом

Причем, ч. 5 указанной статьи (в ред. от 2008 г.) публичными служащими, не являющимися должностными лицами, признавала лиц, которые осуществляли публичную службу в соответствии со ст.1 Закона РА «О гражданской службе» от 4 декабря 2001г.

Отметим, что до принятия отдельного Закона «О публичной службе» от 26 мая 2011 г. понятие публичной службы давалось в ст.1 Закона «О гражданской службе». Здесь публичная служба определялась как реализация предоставленных законом государству полномочий, которая включала в себя «реализацию государственной политики органами государственной власти и местного самоуправления, службу в государственных органах и органах местного самоуправления, а также гражданскую работу в государственных органах и органах местного самоуправления»[64]. Но указанная норма не раскрывала смысла и содержания понятия «публичного служащего» и не устанавливала перечень лиц, относящихся к категории «публичный служащий».

Однако анализ указанного закона позволяет сделать выводы о том, что к государственным служащим в РА относились все публичные служащие, т.е. лица, уполномоченные на выполнение государственных функций и функций органов местного самоуправления и приравненные к ним лица.

В этот круг входили все должностные лица, получающие денежное вознаграждение из бюджета государства, целевых внебюджетных фондов, создаваемых органами судебной власти либо органами местного самоуправления; лица, в установленном законом порядке постоянно или временно участвующие в выполнении государственных функций и функций местного самоуправления на общественных началах либо в порядке частной деятельности; лица, избранные в органы государственной власти и местного самоуправления; граждане, зарегистрированные в установленном законом порядке в качестве кандидатов на занятие выборных государственных должностей и в качестве кандидатов в члены выборных органов государственной власти и выборных органов местного самоуправления; служащие хозяйствующих субъектов с участием государства и служащие хозяйствующего субъекта с участием местного самоуправления[65].

26 мая 2011 г. с введением Закона «О публичной службе», ст.1 предыдущего Закона утратила силу. В связи с принятием нового закона 26 мая 2011 г. Национальным Собранием РА был принят также Закон РА «О введении изменений в УК РА», согласно которому была изменена ч.5 ст.311[1]. Введенным изменением в ч.5 указанной статьи было определено

[64] Ст.1 Закона РА «О гражданской службе» от 4 декабря 2001г.
[65] См. там же

понятие публичного служащего, посредством указания ссылки на Закон РА «О публичной службе».

Так, публичным служащим в соответствии с действующим Законом РА «О публичной службе» признаются лица, занимающие какие-либо должности, установленные в списках должностей, относящихся к публичной службе, а также лица, находящиеся в установленных указанным законом случаях и порядке в резерве соответствующих кадров публичной службы. Тем не менее, круг субъектов, охватываемых понятием публичного служащего можно вывести непосредственно из ст. 2 указанного Закона. В рассматриваемой статье устанавливается перечень лиц, на которых распространяется действие этого закона. К этим лицам фактически отнесены лица, занимающие те или иные должности в государственных органах и учреждениях (сюда входят и должности в аппаратах Центрального банка, Совета Национальной безопасности, Прокуратуры), органах местного самоуправления и муниципальных учреждениях, а также в аппарате Защитника прав человека.

Как следует из изложенного выше, утратившая силу ст. 2 Закона РА «О гражданской службе» от 4 декабря 2001 г. устанавливала более широкий круг лиц, включаемых в понятие публичного служащего. Такой подход, действительно, дает возможность охватить все более широкий круг лиц, которые могут подлежать ответственности не только за корыстные преступления против государственной (публичной) власти, но и вообще за коррупционные преступления в целом. Поэтому нами подчеркивается, что существует необходимость включения в понятие публичного служащего всех лиц, указанных в прежде действующем законе (наряду с лицами, признанными в настоящее время публичными служащими).

С точки зрения субъекта интерес представляет еще одно корыстное преступление против государственной власти – служебный подлог.

Как преступление, которое совершается исключительно из корыстной и иной личной заинтересованности, по УК РА служебный подлог с объективной стороны включает в себя более широкий круг действий, нежели предусмотрено диспозицией соответствующей статьи УК РФ. Если по ст.292 УК РФ эти действия состоят во внесении в официальные документы заведомо ложных сведений, исправлений, искажающих их действительное содержание, то по УК РА служебный подлог проявляется в совершении следующих действий:

1. внесение заведомо ложных не только сведений, но и записей;
2. подделка;
3. подчистка;
4. внесение иных числовых записей и изменений;

5. составление или выдача ложных документов[66].

Тем самым диспозиция ст.314 УК РА более полно и четко раскрывает объективную сторону служебного подлога.

Однако с точки зрения субъекта преступления, позиция армянского законодателя несколько уступает российскому. Мотивируется сказанное тем, что субъектами служебного подлога согласно диспозиции ст.314 УК РА являются исключительно должностные лица. А вот российский законодатель устанавливает более широкий круг субъектов, подлежащих ответственности за служебный подлог. Это фактически публичные служащие:

- должностные лица,
- государственные служащие, не являющиеся должностными лицами,
- муниципальные служащие, не являющиеся должностными лицами.

На основе вышесказанного предлагается законодательно изменить ч.1 ст.314 УК РА и изложить ее в следующей редакции:

«Внесение публичным служащим в официальные документы заведомо ложных сведений или записей, подделка, подчистка или внесение иных числовых записей или изменений, а также составление или выдача ложных документов в корыстных целях или из иных личных побуждений, или исходя из групповых интересов…»

Таким образом, эффективность борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти будет обеспечена посредством законодательного анализа и выявления особенностей их объективных и субъективных признаков. В особенности для обеспечения уголовно-правового принципа неотвратимости наказания необходимо расширение круга субъектов, которые должны подлежать уголовной ответственности за совершение не только корыстных преступлений против государственной власти, но и других видов коррупционных преступлений.

[66] Ст.314 УК РА

§2. *Проблемы разграничения корыстных преступлений против государственной власти и их от смежных составов.*

В §1 главы I и §1 данной главы диссертационной работы рассматриваются виды корыстных преступлений против государственной власти, и проводится разграничение этих преступлений друг от друга. Корыстные преступления против государственной власти были классифицированы по трем критериям: непосредственному объекту, субъекту и субъективной стороне преступного посягательства. Было также проведено разграничение указанных видов преступлений от группы преступлений, называемых коррупционными. В целом последняя группа преступлений была дифференцирована следующим образом:

1. преступления против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления;

2. преступления против интересов службы в коммерческих иных организациях.

Однако для раскрытия смысла и содержания корыстных преступлений против государственной власти в полном объеме необходимо провести также и разграничение корыстных преступлений против государственной власти от других составов, включенных в раздел X УК РФ (УК РА). Это:

1. преступления против основ конституционного строя и безопасности государства;

2. преступления против правосудия;

3. преступления против порядка управления.

Отметим, что в числе указанных преступлений также можно выделить преступления, которые имеют корыстный характер. Именно поэтому появляется необходимость разграничения таких преступлений от преступлений против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

Несмотря на то, что в УК РА (РФ) в диспозициях большей части преступлений нет прямого указания на их корыстную мотивацию, тем не менее, можно выделить некоторые преступления, которые по своей сути являются коррупционными, а, следовательно, и корыстными. Эти преступления признаны коррупционными на основе Приказа Генерального Прокурора РА №82 от 19 ноября 2008 года, который был дополнен Приказом Генерального Прокурора РА №12 от 19 марта 2013 года. Так, в группу коррупционных преступлений из числа преступлений против правосудия и порядка управления вошли следующие составы: ч.3 ст.332 («Воспрепятствование осуществлению правосудия и следствия») – по УК РФ ч.3 ст.294; ст.336 («Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности») – по УК РФ ст.299; ст.341 («Принуждение к даче ложных показаний судьей, прокурором, следователем или лицом, производящим дознание») – по УК РФ ст.302, ст.348 («Незаконное

задержание или заключение под стражу») – по УК РФ ст.301, ч.2 и ч.3 ст.349 («Фальсификация доказательств») – по УК РФ ч.2 и ч.3 ст.303, ст.351 («Незаконное освобождение от уголовной ответственности») – по УК РФ ст.300; ст.352 («Вынесение заведомо неправосудного приговора, решения суда или иного судебного акта»), ст.353 («Неисполнение судебного акта») – по УК РФ ст.315.

Наиболее опасными являются преступления, составляющие первую группу – это преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. Это объясняется тем, что посягают на безопасность государства (как внешнюю, так и внутреннюю), общественно-политический и государственный строй РФ (РА), а также на суверенитет российского (армянского) государства. Объектом посягательства данных преступлений являются общественные отношения, обеспечивающие незыблемость основ конституционного строя и безопасность государства[67].

С объективной стороны эта группа преступлений характеризуется действием (лишь в отдельных статьях объективная сторона может проявляться также и в бездействии, например, в статьях 283 – «разглашение государственной тайны» (ст.306 УК РА) и 284 – «утрата документов, содержащих государственную тайну» УК РФ (ст.307 УК РА)).

С субъективной стороны эти преступления характеризуются как прямым умыслом, так и косвенным умыслом. В отдельных статьях может проявляться так же и неосторожная форма вины только в отношении последствий[68].

Субъект, в основном, – общий, только в нескольких статьях субъект может быть специальным – гражданин РФ (РА) (ст. 275 УК РФ и ст.299 УК РА – «государственный шпионаж»); иностранный гражданин или лицо без гражданства (ст.286 УК РФ и ст.302 УК РА – «шпионаж»); лицо, которому государственная тайна была доверена или стала известна по службе или работе (ст.283 УК РФ и ст.306 УК РА – «разглашение государственной тайны»); лицо, имеющее допуск к государственной тайне (ст.284 УК РФ и ст.307 УК РА «утрата документов, содержащих государственную тайну»)[69].

Указанная группа преступлений в данной работе специально рассматриваться не будет, поскольку в их составах отсутствует корыстный мотив и признаки, характеризующие деяния как корыстные: в этих статьях ни прямо, ни косвенно корысть как мотив преступления законодателем (и РФ, и РА) не устанавливается.

---

[67] Рарог А.И. // «Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник» // Изд-е 2-ое, перераб. и доп. - М., Юристъ, 2004. Стр.544.

[68] Громов Н.А., Тихонов А.К., Майоров В.А., Рождествина А.А., Тихонова Е.А. // «Постатейный комментарий к Уголовному Кодексу РФ» // Москва. 2007. Изд. – Гросс-Медиа. Стр.165.

[69] Российское уголовное право: в 2-х томах. Т. 2. Особенная часть: учебник. // под ред.. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. – М.: ТК Велби. Издательство Проспект. 2003. Стр. 467.

В отличие от первой группы преступлений, посягающих на основы конституционного строя и безопасность государства, вторая группа – преступления против правосудия – с точки зрения корыстной мотивации представляет собой огромный интерес.

Теперь перейдем к уголовно-правовому анализу указанных корыстных преступлений против правосудия.

Перечень №13 совместного Указания Генеральной Прокуратуры и МВД РФ «О введении в действие перечней статей Уголовного Кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» №52-11/2 от 15.02.2012 г. включает в себя «преступления, которые могут быть совершены с использованием своего служебного положения ***из корыстной или иной личной заинтересованности*** должностным лицом, государственным служащим, служащим органов местного самоуправления, лицом выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, а также преступлений, которые могут способствовать их совершению»[70]. К числу таких ***корыстных преступлений*** указанием отнесены ч. 3 ст.294, **ст.299, ст.300, ст.301, ст.302, ч.2 и ч.3 ст.303, ст.305, ст.315** УК РФ. Как преступление, способствующее совершению корыстных преступлений, выступает деяние, предусмотренное **ст.309** УК РФ.

В диспозициях указанных выше статей, корыстный мотив как обязательный признак субъективной стороны прямо не закреплен. Однако все указанные преступления относятся к категории корыстных в силу того, что субъектами указанных преступлений совершаются определенные действия (бездействие), которые противоречат интересам осуществляемой ими служебной деятельности. В противовес интересам службы выступают личные, групповые или иные интересы. Конфликт интересов выражается в примененных в диспозициях ряда указанных выше статей УК РФ и РА терминов «заведомость» или «незаконность».

Анализ ч.3 ст.294 *(«Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, совершенные лицом с использованием своего служебного положения»)* УК РФ показывает, что субъект данного преступления – специальный: лицо, использующее свое служебное положение. К таким лицам следует отнести должностных лиц правоохранительных органов, органов федеральной и местной власти, государственных служащих и служащих органов местного самоуправления.

Объективная сторона рассматриваемого корыстного преступления против правосудия характеризуется действиями, которые заключаются в совершении данного преступления путем использования лицом своего служебного положения вопреки интересам службы.

[70] http://bazazakonov.ru/doc/?ID=3877320

Подобное использование служебного положения может осуществляться двояким образом. Лицо использует свои служебные полномочия в пределах своей компетенции вопреки интересам службы либо превышает эти полномочия. Это лицо может воздействовать на лиц, осуществляющих правосудие, а также предварительное расследование, либо непосредственно используя свое служебное положение или возможности занимаемой должности. Причем, диспозиция ч.3 указанной статьи устанавливает более строгую ответственность потому, что ею фактически охватываются сразу два деяния, которые и совершает лицо с использованием своего служебного положения:

1. вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия (ч.1 ст.294);
2. вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела (ч.2 ст.294).

Рассмотрим эти два деяния в отдельности.

Статья 120 Конституции РФ, Закон РФ от 26 июня 1992г. «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996г. «О судебной системе Российской Федерации», Федеральный закон от 17 декабря 1998г. «О мировых судьях в Российской Федерации», УПК, ГПК, АПК и ряд других нормативно-правовых актов РФ устанавливают *независимость судей и подчинение их только Конституции и закону.*

Ч.1 ст.294 УК РФ устанавливает ответственность за вмешательство в деятельность суда, что само по себе влечет также нарушение прав и законных интересов личности. *Объективная сторона* данного преступления состоит во вмешательстве в любой форме в деятельность суда. В томе 2 издания «Российское уголовное право. Особенная часть» под редакцией Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров, А.И. Рарога формами вмешательства могут быть различные уговоры, просьбы, советы, увещевания, какие-либо обещания оказать услуги, непосредственно обращенные к судье либо присяжному заседателю. Формой вмешательства могут также быть признаны пикетирования и подобные действия, устраиваемые непосредственно у здания суда с целью повлиять на исход конкретного судебного дела. Вмешательство может осуществляться как в устной, так и в письменной форме; как через третьих лиц, так и через его родственников. Главное – результат: оказание воздействия на лицо, осуществляющее правосудие[71].

[71] «Российское уголовное право: в 2т. Т.2. Особенная часть».// под ред. Иногамова-Хегай Л.В., Комиссарова В.С., Рарога А.И.// // М., 2006. Стр.529.

В юридической литературе спорным является вопрос о том, наличествует ли состав данного преступления в случае, когда воздействие оказывается на секретаря судебного заседания или других работников суда. Очевидно, что в случае воздействия на судью данный состав наличествует. В отношении этой проблемы в научной литературе сформировались различные подходы. Так, некоторые ученые считают, что в подобных случаях данный состав преступления отсутствует[72]. Другая же часть ученых считает, что в случае воспрепятствования работе других лиц, непосредственно содействующих деятельности судей, например, удерживание секретаря судебного заседания, ведущего протокол, с намерением воспрепятствовать судебному разбирательству налицо состав анализируемого преступления[73].

В издании «Российское уголовное право. Особенная часть» под редакцией Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссаров, А.И. Рарога проводится отграничение советов, критических замечаний, высказываемых в общей форме, от вмешательства в какой бы то ни было форме в деятельность суда. Подача жалобы на действия судьи здесь также не может рассматриваться как разновидность вмешательства.

Ч.2 ст.294 УК РФ устанавливает ответственность за вмешательство в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание, в какой бы то ни было форме.

Закон РФ от 17 января 1992г. «О прокуратуре Российской Федерации» закрепляет недопустимость какого-либо вмешательства в деятельность прокурора или следователя с целью влияния на принимаемые ими решения.

Объективная сторона данного преступления также характеризуется вмешательством, но уже в деятельность не суда, а органов прокуратуры или предварительного расследования. Содержание термина «вмешательство» рассмотрено выше.

И, наконец, третий признак (с субъективной стороны) коррупционных преступлений – умышленные деяния *с корыстной целью* – хотя и прямо не отражен в диспозиции состава преступления, предусмотренного ст.294 УК, подразумевается и очевиден. Это подтверждается прямо закрепленными в качестве обязательного признака субъективной стороны составов, предусмотренных ч.1 и ч.2 (а в ч.3 нашло свое отражение выражение «деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения») ст.294 УК РФ *целями* их совершения. Если в первом случае целью является воспрепятствование осуществлению правосудия, то во втором случае целью является воспрепятствование всестороннему, полному и объективному

[72] См. там же
[73] Агузаров Т.К. // «Уголовно-правовое обеспечение независимости и неприкосновенности судей». Автореф. дисс.на соискание степени кандидата юридических наук. // М., 2004. Стр.17.

расследованию дела, что и свидетельствует о наличии корыстного мотива (личной или иной заинтересованности). Этот мотив явно отражен в *противоречии интересов службы с личными, групповыми или иными интересами субъекта данного преступления, т.е. в конфликте интересов.*

Следующим корыстным преступлением против правосудия является ***привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности*** (ст.299 УК РФ, ст.336 УК РА).

О корыстном характере данного преступления свидетельствуют следующие его уголовно-правовые признаки.

Во-первых, субъектом данного преступления является *должностное лицо*, уполномоченное привлекать подозреваемого в качестве обвиняемого, а именно: *прокурор, следователь* либо *лицо, производящее дознание.*

Во-вторых, объективная сторона этого состава представляет собой *незаконные действия*, в частности, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности. При этом очевиден такой обязательный признак объективной стороны корыстных преступлений, как *использование лицом своего служебного положения*. Наличие указанного демонстрируют два фактора:

1. специальный субъект, которым выступает *должностное лицо*;
2. наличие указанного в диспозиции признака *заведомости*.

Поведение субъекта данного преступления выражается в двух действиях: вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявления обвинения. Хотя данный вопрос в юридической литературе является спорным. Так, существует мнение, согласно которому данное преступление считается оконченным с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого независимо от времени предъявления обвинения лицу[74]. Однако анализ ст.171 и ст.172 УПК РФ показывает, что привлечение в качестве обвиняемого состоит именно из двух действий: вынесения указанного постановления и предъявления лицу обвинения. Поэтому, в тех случаях, когда следователь уже вынес постановление о привлечении в качестве обвиняемого (а предъявить обвинение он должен в течение 3-х дней), но по обстоятельствам, не зависящим от его воли, не смог предъявить обвинение, речь может идти о стадии покушения на данное преступление. Однако данный вопрос также является спорным, поскольку в научной литературе существует точка зрения, согласно которой в данном случае имеет место не покушение, а только приготовление[75]. Все же, несмотря на наличие разногласий среди ученых, состав

[74] Курс советского уголовного права в 6 т.// Т.6. М., 1971, с.110, 111.
[75] «Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации».// под ред. Скуратова Ю.И., Лебедева В.М. (автор – Малков В.П.) // М., 2001. Изд. – «Норма». Стр.757, 758.

данного преступления по своей конструкции является формальным, преступление считается оконченным с момента предъявления ему обвинения.

В-третьих, с субъективной стороны коррупционность данного преступления подтверждается прямым указанием в диспозиции на наличие *заведомости*. Должностному лицу, совершившему корыстное деяние, был заранее известен факт невиновности подозреваемого, привлекаемое невиновно в совершении преступления. Именно признак «*заведомости*» свидетельствует о наличии ***конфликта интересов*** должностного лица, действующего не в интересах службы (как должно в действительности быть), а ***вопреки*** им. Это и говорит о наличии у субъекта анализируемого преступления *корыстного мотива либо личной или иной заинтересованности*. Однако отметим также, что состав данного преступления отсутствует в случаях привлечения в качестве обвиняемого лица, которое может быть освобождено от уголовной ответственности в предусмотренном уголовным законом порядке. Это объясняется тем, что привлекаемое к ответственности лицо может быть признан виновным в совершении преступления, но подлежит освобождению от ответственности на основании норм уголовного законодательства.

Интересным является подход армянского законодателя к аналогичному преступлению[76]. Рассматриваемая статья по УК РА состоит из 4-х частей, тогда как соответствующая статья по УК РФ содержит только 2-е части. Армянский законодатель в **ч.1 ст.336 УК** подробно и полностью раскрывает суть и содержание привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности и конкретно перечисляет действия, которые по своему характеру могут составить объективную сторону рассматриваемого преступления. Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности имеет место в случаях, когда неустановленно событие преступления и не имеются факты, подтверждающие причастность лица к событию преступления или наличие в его деянии состава преступления.

Ч.2 и ч.3 ст.336 УК РА устанавливают ответственность за то же деяние, повлекшее в первом случае по неосторожности, а во втором – умышленно тяжкие последствия.

Ч.4 ст.336 УК РА устанавливает ответственность за совершение деяний, предусмотренных ч.1. ч.2 или ч.3 указанной статьи, соединенных

1. с обвинением в тяжком или особо тяжком преступлении;

2. с созданием искусственных доказательств обвинения.

Что касается п.1 ч.4 ст.336 УК РА, то он, на наш взгляд, несколько излишен, поскольку обвинение лица в тяжком или особо тяжком преступлении само по себе является тяжким последствием, что уже предусмотрено ч.3 ст.336 УК РА.

---

[76] См. ст.336 УК РА.

Тем не менее, несмотря на это, подход армянского законодателя является наиболее полным и верным.

Незаконное освобождение лица от уголовной ответственности **(ст.300 УК РФ, ст.351 УК РА)** – корыстное преступление против правосудия, входящее в группу преступлений, направленных против нормальной деятельности органов прокуратуры и предварительного расследования, осуществляющих уголовное преследование.

Субъект преступления прямо указан в диспозиции соответствующей статьи: *прокурор, следователь или лицо, производящее дознание*. Именно эти *должностные лица* обладают возможностью незаконного освобождения лица от уголовной ответственности, пользуясь своим служебным положением.

Объективная сторона анализируемого преступления заключается в *незаконном освобождении лица подозреваемого или обвиняемого от уголовной ответственности.*

Незаконное освобождение от уголовной ответственности предполагает вынесение постановлений о прекращении уголовного дела либо о прекращении уголовного преследования[77]. Незаконное освобождение фактически является разновидностью превышения должностных полномочий.

Корыстный мотив здесь обозначен термином *«незаконность»*, в чем и находят свое выражение действия должностного лица, *противоречащие интересам службы*. Сам термин «*незаконность»* освобождения от уголовной ответственности» отражает заинтересованность соответствующего должностного лица. Незаконность освобождения от уголовной ответственности в ряде постатейных комментариях к УК РФ характеризуется как «отсутствие уголовно-правовых или уголовно-процессуальных оснований освобождения лица. Прекращение возбужденного уголовного дела по основаниям, не предусмотренным законом, недопустимо»[78]. Причем о корыстном характере данного преступления говорится и в других изданиях: «данное преступление может быть связано с получением взятки (ст.290); выполнением просьбы или требований при вмешательстве в деятельность прокурора, следователя или лица, производящего дознание (ст.294) либо с угрозой или насильственными действиями в отношении указанных должностных лиц при производстве ими предварительного расследования (ст.296) УК РФ»[79].

Корыстным является также ***незаконное задержание, заключение под стражу или содержание под стражей*** **(ст.301 УК РФ, ст.348 УК РА).** ***Субъект*** данного преступления –

---

[77] Ст.24, 27 УПК РФ

[78] «Постатейный комментарий к УК РФ» от 2007 г. // под руководством д. юр. н, профессора Н.А. Громова

[79] «Постатейный комментарий к УК РФ» от 2005 г. под редакцией председателя Верховного Суда РФ, д. юр. н., профессора В.М. Лебедева

специальный: по **ч.1** ст.301 УК РФ, так же, как и по ч.1 ст.348 УК РА, субъектом является *прокурор*, *следователь* или *лицо, производящее дознание*, а по **ч.2** указанной статьи субъектом может быть *судья*. На наш взгляд, ошибочным является существующее в научной литературе мнение, согласно которому субъектом преступления, предусмотренного ч.2, кроме судьи, признается также прокурор, следователь или дознаватель. Наш подход мотивируется тем, что Конституция РФ закрепляет право каждого на свободу и личную неприкосновенность. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются *только по судебному решению*. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов[80]. При этом, следует помнить, что Конституция РФ устанавливает: «Конституция имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации»[81]. Аналогичные нормы содержатся и в Конституции РА (ст.18 и ст.6 соответственно).

С субъективной стороны данное преступление признается корыстным, поскольку здесь, хотя и скрыто, но все же проявляется *корыстный мотив*. Он находит свое отражение в терминах *«незаконность»* и *«заведомость»*.

Задержание, заключение под стражу и содержание под стражей могут быть признаны незаконными, если они произведены с нарушением условий и требований, установленных соответственно ст.92 ст.108 и ст.109 УПК РФ (ст.129, ст.137 и ст.138 УПК РА).

Заведомость же незаконного задержания, заключения под стражу или содержания под стражей означает достоверное знание о совершении задержания, заключения под стражу или содержания под стражей при отсутствии законных оснований или с нарушением порядка, правил их применения.

Как уже отмечалось, наличие терминов «незаконность» и «заведомость» свидетельствует о ***противоречии интересов службы личным, групповым интересам***. Руководствуясь именно личными, групповыми или иными интересами, должностное лицо перестает действовать в интересах службы.

С объективной стороны состав данного преступления заключается в совершении 3-х отдельных преступлений: *задержания*, *заключения под стражу* и *содержания под стражей*.

К числу корыстных преступлений против правосудия относится и ***принуждение к даче показаний*** (**ст.302** УК РФ, **ст.341** УК РА). Корыстный характер данного преступления

[80] Ст.22 Конституции РФ
[81] Ст.15 Конституции РФ

подтверждается целым рядом прямо закрепленных в диспозиции рассматриваемой статьи признаков, присущих всем коррупционным преступлениям в целом.

Во-первых, *субъектом* данного преступления являются:

1. *следователь* или *лицо, осуществляющее дознание*;
2. любое лицо, осуществляющее принуждение *с ведома или молчаливого согласия следователя* либо *дознавателя*. Эти лица также включены в список субъектов, законодательно определенных в примечании к ст.285 УК РФ, к примеру, оперативные сотрудники; сотрудники, задействованные в доставке подозреваемого (обвиняемого) из мест заключения под стражу; лица, работающие на внештатной основе; граждане, помогающие следователю на добровольной основе.

Отметим, что в отличие от ст.302 УК РФ в соответствующей статье УК РА (ст.341) круг субъектов данного преступления указан в его названии и, кроме следователя или лица, производящего дознание, включает в себя также судей. Поэтому по УК РА в качестве субъекта сего преступления, помимо следователя или дознавателя, является и *судья*. При этом, в отличие от аналогичной статьи УК РФ по ст.341 УК РА лица, осуществляющие принуждение с ведома или молчаливого согласия следователя или дознавателя**, не являются** субъектами.

На наш взгляд, как ст.341 УК РА, так и ст.302 УК РФ нуждаются в редакции с точки зрения субъектов. В указанную статью УК РА в круг субъектов следует включить также лиц, осуществляющих принуждение ***с ведома или молчаливого согласия*** следователя или дознавателя. А в соответствующую статью УК РФ в круг субъектов необходимо включить также судей. Такой подход дает возможность более полно охватить круг субъектов данного преступления, что является необходимым для реализации задач и принципов (в частности, принцип неотвратимости наказания) уголовного закона.

Во-вторых, объективную сторону данного преступления составляют *действия по принуждению* подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний; эксперта, специалиста – к даче заключения или показаний путем угроз, шантажа или иных незаконных действий. В издании «Уголовное право РФ. Особенная часть» от 2004 г. под редакцией профессора А.И. Рарога раскрывается содержание термина принуждение: «*принуждение* проявляется в применении неправомерных действий, которые вынуждают лицо давать показания, нарушая принцип добровольности дачи показаний».

Диспозиция рассматриваемой статьи в качестве обязательного признака объективной стороны преступления выделяет такие *способы* принуждения, как шантаж, угрозы и прочие

действия незаконного характера. По сути, собственно способы совершения данного преступления уже являют собой своеобразные действия, характеризующиеся использованием лицом занимаемого им служебного положения.

И, в-третьих, с субъективной стороны наличие *корыстного мотива* подтверждается теми или иными незаконными действиями должностного лица, которое использует занимаемое служебное положение против *интересов службы*. Сам факт того, что данное должностное лицо действует незаконно, уже говорит о наличии *конфликта интересов*, причем вовсе не важно, лицо какими мотивами руководствуется – из корыстной, личной или иной заинтересованности. И при наличии данного конфликта должностное лицо отдает приоритет не интересам службы, а своим личным, групповым или иным интересам.

Не менее интересным и важным является корыстное преступление, предусмотренное **ч.2 ст.303 УК РФ** и **ч.2 ст.349 УК РА** (***«Фальсификация доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником»***).

Субъектом данного преступления являются следующие должностные лица:

1. *лицо, производящее дознание*;
2. *следователь*;
3. *прокурор*.

Объективной стороной выступает *фальсификация доказательств в рамках уголовного дела*, которая в «Российском уголовном праве. Т.2. Особенной части» определяется как «искажение фактических данных, являющихся вещественными или письменными доказательствами»[82]. Предметы данного преступления (вещественные и письменные доказательства) определяются соответственно ст.81 УПК РФ и ст.71 ГК и ст. 75 АПК РФ.

Все действия, направленные на совершение данного преступления и выполняемые указанными выше субъектами, представляют собой разновидность действий по *использованию лицом своего служебного положения*. Фактически, это преступление является разновидностью превышения должностных полномочий.

Исходя из изложенного выше, важно указать на то, что фальсификация доказательств является *незаконным* способом обеспечения доказательственной базы уголовного дела. Именно «незаконность» действий, заключающихся в фальсификации доказательств по уголовному делу путем использования дознавателем, следователем или прокурором своего служебного положения, указывает на скрытый *корыстный мотив (личную или иную заинтересованность)*.

---

[82] «Российское уголовное право: в 2т. Т.2. Особенная часть».// под ред. Иногамова-Хегай Л.В., Комиссарова В.С., Рарога А.И.// // М., 2006. Стр.536.

УК РФ (**ст.305**) выделяет в качестве преступления против правосудия ***вынесение заведомо неправосудного приговора, решения, или иного судебного акта.*** Аналогичную статью содержит и УК РА (ст.352).

В качестве субъекта указанного преступления являются *судьи любых судов и звеньев, присяжные и арбитражные заседатели*, т.е. должностное лицо, которое выступает в качестве первого признака, указывающего на коррупционный характер рассматриваемой статьи.

Объективная сторона данного преступления заключается в вынесении заведомо незаконного, несправедливого приговора, решения или иного судебного акта, т.е. в принятии судом акта, неверного с точки зрения закона относительно рассматриваемого вопроса[83]. Вынесение судьей заведомо неправосудного приговора в определенной степени представляет собой превышение должностных полномочий, которое само по себе является действием по *использованию лицом своего служебного* (в данном случае *должностного*) положения, поскольку принимать приговор, решение или иной судебный акт вправе только судья.

Неправосудность приговора, решения или иного судебного акта определяется как «их несоответствие установленным по делу обстоятельствам, грубое нарушение требований материального и процессуального закона»[84].

Вынесение ***заведомо неправосудного*** приговора, решения или иного судебного акта представляет собой действие, направленное против государственной власти в целом, и против нормального осуществления правосудия судом в частности. Это означает, что, субъект данного преступления (судья), нарушая нормальную деятельность суда по осуществлению правосудия, действует против интересов своей службы, в чем и проявляется главный признак субъективной стороны признаваемого корыстным преступления – *конфликт интересов*.

Отметим, что с точки зрения корыстности данного преступления, **ст.352** УК РА имеет преимущество по отношению к соответствующей статье (ст.305) УК РФ. Преимущество подхода армянского законодателя состоит в том, что в диспозиции ст.352 УК РА он *прямо* закрепил необходимый и обязательный для корыстного преступления признак его субъективной стороны – *корыстные или иные личные побуждения*. Данная статья по УК РФ, также как и по УК РА (**ч.1** и **ч.3**), с субъективной стороны характеризуется прямым умыслом. Преимущественное положение указанной статьи по УК РА состоит и в том, что в

[83] См. там же. Стр.538.
[84] «Постатейном комментарии к УК РФ» от 2005г. под редакцией председателя Верховного Суда РФ, доктора юридических наук, профессора В.М. Лебедева

ч.2 устанавливается ответственность за вынесение заведомо несправедливого приговора, решения или иного судебного акта, повлекшего *по неосторожности* тяжкие последствия, т.е. предусматривается ответственность и за действия с двумя формами вины. К тому же, вовсе нет необходимости отделять вынесение заведомо незаконного приговора суда к лишению свободы от тяжких последствий. Сам по себе незаконный приговор к лишению свободы является тяжким последствием для лица, поскольку он представляет собой лишение этого лица основных конституционных прав, свобод и законных интересов.

Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (**ч.1 ст.309** УК РФ и **ч.1 ст.340** УК РА).

Объективной стороной корыстного преступления выступает *подкуп* свидетеля или потерпевшего для получения от них ложных показаний либо подкуп эксперта, специалиста в тех же целях, а также переводчика для осуществления им неправильного перевода (**ч.1**).

Субъективная сторона рассматриваемого преступления, как следует из диспозиции статьи 309, характеризуется прямым умыслом, причем обязательным его признаком в данном случае является *цель*, которая заключается стремление добиться ложных показаний, заключения, перевода.

Несмотря на то, что субъектом данного преступления, направленного против правосудия, является *любое* физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста,

И, наконец, последним корыстным преступлением против правосудия является ***неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта*** (**ст.315** УК РФ и **ст.353** УК РА). Отметим, что данное преступление относится к числу преступлений против правосудия, угрожающих таким общественным отношениям, которые обеспечивают *нормальный режим работы исполняющих судебные акты органов*.

Субъект данного преступления, в отличие от субъекта предыдущего состава преступления, – специальный, а именно: *представитель власти, государственный служащий, служащий органа местного самоуправления, служащий государственного или муниципального учреждения, коммерческой или некоммерческой организации*[85]. Частное лицо, отказывающееся исполнить судебное решение в соответствии с диспозицией рассматриваемой статьи не может быть привлечено к ответственности по ст.315 УК РФ.

В отличие от ст.315 УК РФ аналогичная ст.353 УК РА состоит из трех частей, которые выделены по признаку субъекта:

[85] См. примечания к ст.201 и ст.285 УК РФ.

- субъект ч.1 рассматриваемой статьи – специальный: должностные лица государственных органов и органов местного самоуправления (правильным было бы применение в диспозиции категории «публичные служащие»);
- субъект ч.2 рассматриваемой статьи – также специальный: должностные лица организаций;
- субъект ч.3 рассматриваемой статьи – также специальный, но не в силу занимаемой им должности или осуществляемой им служебной деятельности, а выделяемый по признаку гражданства: гражданин, который совершает данное деяние в течение месяца после применения к нему административного взыскания за совершение одного и того же деяния.

Такой подход армянского законодателя решает существующую в РФ проблему, связанную с привлечением к уголовной ответственности за данное деяние частного лица.

Объективная сторона рассматриваемого преступления состоит в злостном ***неисполнении*** вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта либо ***воспрепятствование их исполнению***. Вступившие в законную силу судебные акты являются обязательными для всех без исключения государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, коммерческих и некоммерческих организаций, должностных лиц и лиц, осуществляющих управленческие функции в соответствующих организациях, физических лиц и должны подлежать исполнению на всей территории РФ[86]. Неисполнение судебного акта подрывает авторитет суда, свидетельствует о неуважении к суду, мешает реализации задач и целей, стоящих перед правосудием[87]. Злостным признается неисполнение, продолжающееся после письменного предупреждения суда[88].

Неисполнение в научной литературе, как правило, характеризуется как бездействие. Виновное лицо не выполняет судебного решения в установленные для этого сроки: оставляет без движения исполнительный лист о взыскании денежных сумм, уклоняется от передачи в указанные сроки имущества в натуре истцу и т.д. Такое преступление является длящимся. Неисполнение судебного акта может быть совершено и путем действия. В этом случае виновное лицо, несмотря на имеющийся в судебном акте запрет, принимает на службу осужденного к лишению права занимать должности на государственной службе или в органах местного самоуправления либо на работу, связанную с осуществлением

[86] «Российское уголовное право: в 2т. Т.2. Особенная часть».// под ред. Иногамова-Хегай Л.В., Комиссарова В.С., Рарога А.И.// // М., 2006, с.556.
[87] См. там же.
[88] Рарог А.И. // «Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник» // Изд-е 2-ое, перераб. и доп. - М., «Юристъ», 2004. Стр. 576.

определенной профессиональной или иной деятельности. *Воспрепятствование* исполнению судебного акта осуществляется активным поведением. Виновный создает препятствия для реализации судебного приговора, решения, иного акта. Воспрепятствование может заключаться в сокрытии исполнительного листа, копии приговора, медленном освобождении помещения в целях воспрепятствования его передаче новому владельцу и т.д.[89]

Фактически неисполнение субъектами данного преступления судебного приговора, судебного решения или иного судебного акта либо воспрепятствование их исполнению представляют собой разновидность превышения должностных полномочий либо злоупотребления ими, что и проявляется в *использовании служащими своего служебного положения* вопреки интересам службы.

С субъективной стороны данное преступление характеризуется умыслом, которое выражается в злостном неисполнении указанных судебных актов. В диспозиции аналогичной ст.353 УК РА вместо термина «злостное неисполнение», что указывает на умышленный характер данного преступления, прямо закреплено словосочетание «умышленное неисполнение». Подход армянского законодателя представляется более приемлемым.

Корыстность данного преступления подтверждается наличием *конфликта интересов служащих* с их личными, групповыми или иными интересами. Доказательством сказанному является проведенный выше анализ объективной стороны исследуемого преступления и содержания терминов «неисполнение» и «воспрепятствование», который и позволяет говорить о том, что, указанные лица действуют незаконно, *вопреки интересам своей службы*. А сам факт того, что лицо действует вопреки интересам службы, свидетельствует о наличии у лица иных интересов, которыми и являются личные, групповые или иные интересы.

Третью группу преступлений составляют преступления против порядка управления (глава 32 УК РФ и 31 УК РА). Конституция РФ (также и РА) наряду с органами государственной власти признает также местное самоуправление. Объектом посягательства данной группы преступлений являются общественные отношения, направленные на охрану нормальной деятельности как органов государственной власти, так и органов местного самоуправления. При такой постановке проблемы появляется необходимость выяснения отличий рассматриваемых двух групп преступлений, которые в целом направлены на защиту общественных отношений по охране нормальной деятельности органов публичной власти.

---

[89] Приведенные примеры, характеризующие объективную сторону данного преступления, взяты из «Российского уголовного права: в 2т. Т.2. Особенная часть».// под ред. Иногамова-Хегай Л.В., Комиссарова В.С., Рарога А.И.// М., 2006. Стр.557.

Итак, преступления против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления направлены на охрану общественных отношений по защите ***интересов*** государства, службы в государственных органах и органах местного самоуправления, нарушение которых приводит к парализации нормальной деятельности и нормального функционирования указанных органов. В данную группу входят нормы, в основном, направленные на защиту государственного аппарата от коррупции. Ведь опасность поражения всего государственного аппарата и общества различными коррупционными проявлениями заставила перевести борьбу с такого рода коррупционными проявлениями на первый план уголовной политики. Преступления же против порядка управления направлены на охрану общественных отношений, складывающихся между субъектами управления (в данном случае – это представители органов государственной власти и местного самоуправления) и объектами управления (т.е гражданами и различными организациями). Устанавливая эту группу преступлений, законодатель попытался обеспечить, «режим наибольшего благоприятствования в целях их нормальной реализации»[90].

Вторым отличительным признаком рассматриваемой группы преступлений является субъект. Если в преступлениях против интересов государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления субъект, в основном, – специальный, то в преступлениях против порядка управления субъект – общий, т.е. лицо, достигшее 16-и лет. Если же предусмотренные главой 32 УК РФ преступления совершаются должностными лицами или служащими, то они привлекаются к уголовной ответственности по статьям главы 31 УК РФ (главы 30 УК РА).

В указанном выше Перечне №13 из числа преступлений против порядка управления к корыстным преступлениям отнесена только ***ст.320 УК РФ («Разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении должностного лица правоохранительного или контролирующего органа»)*** [91]. Это преступление включено в ту группу корыстных преступлений указанного Перечня, которые могут быть совершены должностным лицом, государственным служащим, служащим органов местного самоуправления, лицом выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Такой подход правоохранительных органов означает, что данное преступление признается корыстным только в случае, если оно совершено специальным субъектом – публичным служащим, использующим свое служебное положение.

---

[90] «Российского уголовного права: в 2т. Т.2. Особенная часть».// под ред. Иногамова-Хегай Л.В., Комиссарова В.С., Рарога А.И.// М., 2006. Стр.55.
[91] http://bazazakonov.ru/doc/?ID=3877320

Таким образом, корыстные преступления против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления отличаются друг от друга и от смежных с ними составов по всем 4 признакам состава преступления:

1. по объекту посягательства. Если объектом посягательства преступлений, предусмотренных армянским и российским законодательством, являются общественные отношения по охране интересов службы, то объектом преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства – незыблемость основ конституционного строя и безопасность государства; преступлений против правосудия – нормальная деятельность судов и содействующих им органов; против порядка управления – общественные отношения, направленные на охрану нормальной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления[92].

2. по объективной стороне практически все корыстные преступления против государственной власти характеризуются использованием служебного положения должностными лицами и служащими в органах местного самоуправления[93].

3. субъект преступлений в отличие от преступлений, против основ конституционного строя и безопасности государства, правосудия и порядка управления – практически всегда специальный (причем, лицо, которое использует служебное положение вопреки интересам службы)[94].

4. по субъективной стороне практически большинство преступлений главы 29 УК РА и главы 30 УК РФ характеризуются наличием корыстного мотива.

Однако корыстный мотив прямо закреплен в диспозициях нескольких статей – ст.308 УК РА (ст.285 УК РФ), ст.311 УК РА (ст.290 УК РФ) и ст.314 УК РА (ст.292 УК РФ), ст.311^1 по УК РА и ст.311^2 УК РА.

---

[92] Глава 29 УК РА и глава 30 УК РФ.
[93] Статьи 285 – 286, 290 – 292 УК РФ, 308, 309, 311 – 314 УК РА
[94] См. там же.

§3. *Вопросы усовершенствования уголовного законодательства в контексте повышения эффективности расследования и объективности квалификации корыстных преступлений против государственной власти*

Квалификация преступлений означает «установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой»[95]. «Квалификация преступлений, – отмечается в Томе 2 издания «Российское уголовное право. Особенная часть», – понимается двояко: во-первых, как процесс установления соответствия конкретного деяния уголовно-правовой норме, т.е. логический процесс познания юридической сущности совершенного общественно-опасного деяния; во-вторых, как результат, вывод, конечное суждение, полученное в результате процесса познания и содержащее юридическую оценку имеющегося преступления»[96].

Имеющиеся в УК РФ и РА законодательные пробелы и проведенные в связи с этим изменения, естественно, не могли не повлиять на судебно-следственную практику, которая и позволяет выявлять проблемы, возникающие при квалификации преступлений.

Во-первых, серьезные проблемы возникают при выявлении и расследовании корыстных преступлений против государственной власти, поскольку указанная группа преступлений характеризуется повышенным уровнем скрытости (латентности).

Исследования следственной и судебной практики показывают, что большинство корыстных преступлений против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления выявляется на основе заявлений (сообщений) граждан о совершенном преступлении. Причем, как правило, заявления о подобного рода преступлениях, в особенности в случаях взяточничества, подаются гражданами только в случаях, когда между взяткодателем и взяткополучателем возникает конфликт. Так, по проведенным исследованиям уголовных дел в период с 2003 по 2013 гг. данный информативный источник составил около 73%. Если обратиться к исследованиям, проведенным учеными до 2003 г., то можно заметить следующее. За период 1980-1991 гг. данное основание выявления преступлений составил более 72%[97], а за период 1992-2003 гг. этот показатель несколько уменьшился – до 55%[98]. При этом, непременно следует отметить корректность позиции по данному вопросу профессора С.Ш. Цагикяна о том, что такого рода

---

[95] Кудрявцев В.Н. // «Общая теория квалификации преступлений. 2-е издание» // М., 2001. Стр.5.
[96] «Российское уголовное право: в 2т. Т.2. Особенная часть».// под ред. Иногамова-Хегай Л.В., Комиссарова В.С., Рарога А.И.// // М., 2006. Стр.11
[97] Волженкин Б.В, Квашис В.Еф., Цагикян С.Ш. // «Ответственность за взяточничество. Социально-правовые и криминологические проблемы» // Ер.: «Айастан». 1988. Стр.69.
[98] Цагикян С.Ш. // «Противодействие коррупции в Армении» // С.-П.: «Антарес». 2006. Стр.204.

показатели связаны с широко распространенным явлением «мнимого посредничества». Как отмечает профессор С.Ш. Цагикян в издании «Противодействие коррупции» на примере взяточничества, «…убедившись в том, что они оказались достаточно примитивным образом обмануты, многие взяткодатели, передавшие деньги «мнимым» посредникам для вручения их должностным лицам, как правило, не добившись их возвращения, заявляют об этом в органы внутренних дел».

В подтверждение сказанному приведем пример из судебной практики. Итак, гражданин Р.Г., занимающий должность заместителя директора фонда «Центр» при муниципалитете г. Ереван, был включен в список членов комитета[99] по проведению строительных работ на территории Северного проспекта, функции которого заключались в проведении учета недвижимого имущества, находящегося на указанной территории, оформления ценового предложения и работ по реализации указанного имущества. В целях реализации указанных программ соответствующим постановлением Правительства РА было принято решение о предоставлении квартир гражданам взамен отчуждаемого имущества[100]. Так, гражданин Р.Г., будучи знакомым с гражданкой Т.О., имея намерение путем обмана заполучить некую сумму, пообещал Т.О. в качестве возмещаемого имущества предоставить ей и другим собственникам, проживающим с ней в одной и той же квартире, несколько отдельных квартир, потребовав взамен определенную сумму **якобы** с целью передачи части данной суммы другим членам комитета. Получив требуемую сумму, Р.Г. не выполнил никаких обещанных Т.О. действий. В результате этого Т.О., не имея никаких шансов вернуть принадлежащую ей сумму, обратилась в полицию РА с соответствующим заявлением.

Такое поведение взяткодателей объясняется наличием в УК РФ (и УК РА) нормы, которая устанавливает, что «лицо, давшее взятку, освобождается от уголовной ответственности, если оно активно способствовало раскрытию и (или) расследованию преступления и либо имело место вымогательство взятки со стороны должностного лица либо лицо после совершения преступления добровольно сообщило о даче взятки органу, имеющему право возбудить уголовное дело»[101]. Отметим, что в 2012 г. в УК РА были введены законодательные изменения, в частности была изменена ч.4 ст.312 УК РА, предусматривающая случаи освобождения взяткодателя от ответственности. Так, Закон РА «О введении изменений и дополнений в УК РА» от 9.02.2012 г. ст.6 установил, что при

[99] Решение Правительства №1648 «О мероприятиях по регулированию работ, направленных на осуществление строительных программ Северного проспекта» от 27.08.2003г.
[100] Решение Правительства РА №950 «Об утверждении порядка приобретения, реализации и оформления ценового предложения земельных участков и недвижимого имущества, находящегося в зоне отчуждения Северного проспекта г. Ереван» от 05.10.2001г.
[101] Примечание к ст.291 УК РФ и ч.4 ст.312 УК РА

заявлении взяткодателем о факте взяточничества он не станет нести уголовную ответственность, если добровольно сообщил о факте взяточничества правоохранительным органам **в течение трех суток**. Такая установка представляется необходимостью, поскольку взяткодатель имеет возможность обдумать совершенный им поступок и за установленный законом срок сообщить о своем деянии, то есть он имеет шанс осознать, что в противном случае будет подлежать уголовной ответственности. Необходимость наличия в уголовном законодательстве данной нормы доказывается приведенными выше показателями. Ведь большинство рассматриваемых преступлений раскрывается именно на основе заявлений самих граждан, что имеет огромное значение в борьбе с данными преступлениями. В противном случае, как отмечал профессор С.Ш. Цагикян, это могло привести и на практике приводило «взяткополучателя и взяткодателя к созданию единой линии защиты, заключающейся в отрицании самого факта получения и дачи взятки». Указанное положение играет значительную роль в вопросах подобного рода единства, раскрытия, пресечения и профилактики отмеченной группы преступлений. Поскольку в УПК РА в качестве поводов к возбуждению уголовного дела прямо не закреплена «явка с повинной», то отметим, что добровольное заявление само по себе является явкой с повинной.

Законом РА «О внесении изменений в УК РА» от 16.05.2014 г. выше названная норма снова подверглась изменению:

– во-первых, помимо указания на то, что сообщение о совершенном преступлении должно быть добровольным, специально включено условие о том, о совершенном преступлении лицо должно сообщить органам уголовного преследования до того, как об этом стало им известно;

– во-вторых, внесено уточнение относительно трехдневного срока: лицо должно сообщить в течение 3-х дней ***с момента совершения преступления***;

– в-третьих, сужен круг субъектов, которым лицо должно сообщить о совершенном преступлении: лицо должно сообщить не правоохранительным органам, а конкретно органам уголовного преследования;

– в-четвертых, лицо оказало содействие в раскрытии преступления;

– в-пятых, лицо освобождается от уголовной ответственности в случае, если имело место вымогательство взятки и лицо выполнило все указанные выше условия. В предыдущих редакциях рассматриваемой нормы вымогательство взятки и добровольное сообщение указывались посредством разъединительного союза «или», что означало, что лицо освобождается от уголовной ответственности за получение взятки в одном из двух указанных альтернативных случаев: либо, если имело место вымогательство взятки, либо,

если лицо добровольно сообщило. Тем самым законодатель усложнил процесс освобождения взяткодателя от уголовной ответственности.

Вторым по количественным показателям источником выявления корыстных преступлений против госвласти выступает сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, поступившее из других источников. В целом по проведенным исследованиям уголовных дел в период с 2003 по 2013 гг. из оставшихся 27% дел около 16% выявляются посредством применения оперативно-розыскных мероприятий.

А источники выявления корыстных преступлений против государственной власти, основанных на применении оперативно-розыскных мероприятий можно подразделить на 2 группы. Первую составляют деятельность уполномоченных на то органов по осуществлению контроля за проведением определенных работ вышестоящими органами. Входящие в эту группу источники составляют около 11%.

Так, например, в одном из приговоров одного из судов первой инстанции общей юрисдикции г. Еревана указано, что рассматриваемое дело в отношении одного из сотрудников отдела пограничного контроля «Звартноц» пограничных войск РА Службой национальной безопасности РА (далее просто СНБ) при правительстве РА возбуждено со стороны следственного управления СНБ РА, действующего при Правительстве РА. Данный сотрудник за определенное денежное вознаграждение помог некоему гражданину РА и его родственникам (гражданам РА) пересечь границу РА без прохождения предусмотренного законом пограничного контроля на основе поддельных паспортов иностранных граждан.

Остальные 5% (из 16%) составляют проводимые правоохранительными органами оперативно-розыскные и следственные действия[102].

Так, например, на основе целенаправленных оперативно-розыскных мероприятий были выявлены преступления, совершенные самими сотрудниками СНБ РА, которые впоследствии понесли уголовную ответственность по ст. 311, 312 (в некоторых случаях совокупности со ст.306) УК РА, совершенные в соучастии. Так, суть одного из дел заключалась в том, что один из сотрудников, в свое время являющийся начальником другого, воспользовавшись тяжелым материальным положением и близкими отношениями с последним, который занимал руководящую должность в органах СНБ РА, предложил за определенную сумму предоставить ему информацию о телефонных переговорах, которые на тот момент подлежали тайному прослушиванию со стороны СНБ РА. Запрашиваемую информацию он должен был передать своему знакомому и коллеге. Дело было раскрыто в результате зафиксированных нарушений по проведению оперативно-розыскных

[102] Данная статистика составлена диссертантом на основании исследования материалов судебной практики за период с 2003 по 2013 гг.

мероприятий, а именно после проведенной сделки все прослушиваемые объекты отключили телефонные номера, в результате чего прервалась естественная телефонная связь с их окружением, и сотрудники СНБ РА вместе попытались избежать телефонных переговоров между собой. Так, была предоставлена информация о прослушивании телефонных переговоров около 30 объектов. В результате таких действий интересам государства был нанесен существенный вред.

В общем, все преступления (16% от общего числа дел) выявляются и раскрываются на основе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Только с одной лишь небольшой разницей: выявление рассматриваемых преступлений является более эффективным в случаях, когда устанавливается контроль за деятельностью уполномоченных лиц (посредством проверки отчетности) и наравне с этим проводятся оперативно-розыскные мероприятия.

Если обратиться к проведенным учеными ранее исследованиям[103], то можно заметить, что на основании оперативно-розыскных мероприятий в период 1980-1991 гг. было выявлено 22%, а в период 1992-2003 гг. – 25% дел.

Проведенное исследование показывает, что выявление корыстных преступлений против государственной власти на основе оперативно-розыскных мероприятий за последнее десятилетие (2003-2013 гг.) снизился от 7 до 10%.

Остальные 11% рассматриваемых дел из указанных выше 27% составляют вторую группу и раскрываются на основании выявления последствий и материальных следов преступления, сведений о преступлении органом дознания, следователем, прокурором, судом, судьей в процессе осуществления своих полномочий, то есть на основании выделения подобных преступлений из другого дела. Если обратиться к показателям, полученным учеными ранее, то можно заметить следующее: в период 1980-1991 гг. на данном основании было выявлено всего лишь около 6% дел. По сравнению с этим показателем в настоящее время раскрываемость преступлений по данному основанию возросла. Однако по сравнению с показателем, полученным в период 1992-2003 гг. (до 20%)[104], уровень выявления преступлений по данному основанию спал.

Тем самым, на основании проведенных исследований, в качестве первой и самой главной проблемы выявления и раскрытия корыстных преступлений против государственной власти можно выделить их скрытый характер, который в научной литературе принято называть термином «латентность».

---

[103] Цагикян С.Ш. // «Противодействие коррупции в Армении» // С.-П.: «Антарес». 2006. Стр.204.
[104] См. там же. Стр.205.

Отметим, что исследования судебной практики за период с 2003 по 2013 гг. показывают, что практически все преступления, выявляемые на основе заявлений граждан, раскрываются с помощью оперативно-розыскных мероприятий. Как уже было отмечено, практически все 73% дел, раскрытых на основе заявлений, были выявлены благодаря применению после получения заявлений оперативно-розыскных мероприятий (в частности, прослушивание телефонных переговоров).

11% дел, выявленных на основе контроля со стороны вышестоящих уполномоченных на то органов, также раскрыты посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий, в частности таких, как наведение справок, исследование предметов и документов.

В целом, если обратиться к количественным показателям, то получается, что 84% всех уголовных дел по корыстным преступлениям против государственной власти раскрывается посредством применения оперативно-розыскных мероприятий.

Несовершенство уголовно-процессуального законодательства РА (РФ) в вопросе обеспечения доказательственной базы корыстных преступлений против госвласти приводит к снижению эффективности борьбы с подобными преступлениями со стороны органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Во избежание этого необходимо признание сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств и, следовательно, источников выявления, с одной стороны, корыстных преступлений против госвласти, а с другой – всех прочих корыстных преступлений, носящих латентный характер. Кроме того, для усиления борьбы с корыстными преступлениями против госвласти необходимым становится расширение круга субъектов, подлежащих уголовной ответственности за совершение не только корыстных преступлений против государственной власти, но и прочих видов коррупционных преступлений.

Установление проблем выявления и расследования корыстных преступлений против государственной власти является первым и важным шагом на пути разрешения обнаруженных проблем. К тому же, исследование, установление проблем выявления и расследования корыстных преступлений против государственной власти составляют основу второго не менее важного шага на пути разрешения указанных проблем. Этим шагом является необходимость анализа законодательства в рассматриваемой части и выявления его пробелов, которые должны быть основаны на исследовании, анализе и обобщении судебной практики по уголовным делам корыстных преступлений против государственной власти.

Во-вторых, немалые проблемы в вопросе квалификации корыстных преступлений против государственной власти создало и исключение из УК РФ и РА ***института неоднократности***.

Так, ФЗ РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Российской Федерации» от 8 декабря 2003 года N 162 статья 16 УК РФ «Неоднократность» была признана утратившей силу. По такому же пути пошел и армянский законодатель, который исключил из УК РА повторность в 2011 году Законом РА «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Республики Армения» от 23 мая 2011 года. Такой подход российского законодателя, вслед за которым пошел и армянский законодатель, по мнению многих ученых-специалистов является неприемлемым. В данном контексте особо можно отметить корректность подхода академика Э.Ф. Побегайло: «Отказ от понятия неоднократности – не решение проблемы. Оно входит в явное противоречие с задачами борьбы с профессиональной преступностью. Дело в том, что криминальный профессионализм прежде всего проявляется в систематическом совершении не разнородных, а преимущественно тождественных и однородных преступлений, образовывавших неоднократность…Подавляющее большинство уголовных кодексов зарубежных стран содержат нормы, регламентирующие институт неоднократности (повторности) преступлений»[105].

Ряд других ученых, считают, что «изъяв неоднократность из Уголовного кодекса РФ, законодатель фактически проигнорировал серьезные теоретические разработки проблемы множественности преступлений, убедительно доказывающие, что повторение преступлений – типичный вариант криминальной активности, вызывающий серьезное возрастание общественной опасности содеянного и нуждающийся в специальной криминализации»[106].

Отметим, что главной причиной законодательных реформ, направленных на изъятие неоднократности из УК РФ (УК РА), явилось нарушение конституционного и уголовно-правового принципа недопущения осуждения лица дважды за одно и то же преступление. Так, неоднократность в определенной степени граничила с рецидивом преступлений, а это означало, что неоднократность давала возможность дважды учитывать факт судимости как при квалификации преступного деяния, так и при назначении наказания. Грань между неоднократностью и рецидивом стиралась в части соотношения неоднократности с выделяемым в научной литературе таким видом рецидива как специальный, которому не было уделено должного внимания при составлении УК РФ 1996 г.

---

[105] Э.Ф. Побегайло «Кризис современной российской политики» // Уголовное право. 2004. №4. Стр.115.
[106] Галиакбаров Р.Р., Соболев В.В. «Уголовный кодекс РФ: поправки с пробелами» // Уголовное право. 2004. № 2. Стр.15.

Под специальным рецидивом в научной литературе понимается совершение лицом после осуждения за умышленное преступление нового тождественного или однородного ему преступления[107].

Причем, тождественным преступлением признается преступление, ответственность за которое предусматривается одной и той же статьей или частью статьи УК.

Однородными же признаются преступления, которые посягают на одинаковые или сходные объекты и совершаемые с одинаковой формой вины, т.е. это преступления, которые предусматриваются различными статьями Особенной части УК[108]. Неоднократность же до его изъятия из УК определялась в самом уголовном законе как «совершение двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи УК»[109]. Во избежание возникшей проблемы российский законодатель (намного позднее и армянский) вместо изыскания путей ее разрешения просто изъял из УК положение о неоднократности и связанное с ней такое словосочетание, как «совершение преступления лицом, ранее совершившим преступление», выступающее квалифицирующим признаком ряда статей Особенной части УК РФ (РА), создав тем самым намного более серьезные проблемы, чем те, которые имелись.

Интересна в этом вопросе позиция Конституционного Суда РФ, который в одном из своих Постановлений признал рассматриваемую норму не противоречащей Конституции, мотивировав такой подход следующим образом:

«Наличие в уголовном законодательстве различных форм учета прежней судимости при определении ответственности лица за вновь совершенное преступление, в том числе при неоднократности или рецидиве преступлений, во всяком случае ***не означает*** возможность двойного учета одних и тех же обстоятельств одновременно как при квалификации преступлений, так и при назначении наказания, поскольку иное противоречило бы и конституционному принципу равенства всех перед законом и судом в сфере уголовно-правовых отношений.

Регулируя правовые последствия судимости, УК РФ устанавливает, что отягчающее обстоятельство, если оно предусмотрено соответствующей статьей Особенной части в качестве признака преступления, само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания (часть вторая статьи 63). Такая юридическая конструкция не

---

[107] Рарог А.И. // «Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник» // Изд-е 2-ое, перераб. и доп. - М., Юристъ, 2004. Стр.323.
[108] См. там же. Стр.313.
[109] Ст.16 УК РФ в ред. от 2001 г.

допускает повторного осуждения лица за одно и то же преступление, в том числе в процессе правоприменения.

Следовательно, по смыслу уголовного закона при назначении наказания исключается как возможность повторного учета судимости в случаях, когда она указывается в качестве самостоятельного квалифицирующего признака состава преступления, так и возможность ее двойного учета в случаях, когда через судимость раскрываются содержащиеся в Общей и Особенной частях УК РФ понятия «неоднократность преступлений» или «совершение преступления лицом, ранее совершившим преступление». Иное истолкование соответствующих положений, как противоречащее статьям 50 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, является недопустимым, а основанные на нем ошибочные правоприменительные решения должны исправляться вышестоящими инстанциями судов обшей юрисдикции»[110].

Кроме этого, неоднократность в определенной степени граничила и с совокупностью преступлений. Об этом свидетельствовала законодательная установка относительно того, что неоднократностью может быть признано также совершение двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями Особенной части УК[111]. Однако эту проблему можно было решить не путем полного отказа от института неоднократности, а путем отказа от положения, которое граничило с совокупностью преступлений, т.е. лишь от одной части указанной статьи.

Таким образом, после изъятия из УК РФ и РА положений о неоднократности, часть их была отведена к такому виду множественности, как совокупность, а часть, по поводу которой в научной литературе возник спор, была отведена к рецидиву. Но это не решение проблемы. Академик Э.Ф. Побегайло в своей научной статье «Кризис современной российской уголовной политики» справедливо отмечает, что «прежняя судимость в случае совершения нового тождественного или однородного преступления перестала быть квалифицирующим обстоятельством»[112]. Единственное положение в УК, где особо выделяется данный признак, – это «п.а» ч.1 ст.63 УК РФ (п.1 ч.1 ст.63 УК РА), однако и здесь данный признак отдельно не учитывается, а говорится о рецидиве в целом и то,

---

[110] П.1.4 Постановления Конституционного Суда по делу о проверке конституционности положений Уголовного Кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Останкинского Межмуниципального (районного) Суда города Москвы и жалобами ряда граждан» от 19 марта 2003 г. №3-П.
// **http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_41474/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/**

[111] Ч.1 утратившей силу ст.16 УК РФ в ред. до 2003 г. и ч.3 ст.16 УК РА в ред. до 2011 г.

[112] Э.Ф. Побегайло «Кризис современной российской уголовной политики» // Уголовное право. 2004. №4. Стр.115.

рассматривающемся как отягчающее наказание обстоятельство, а не как квалифицирующий признак того или иного состава преступления. Именно совершение тождественных или однородных преступлений является одним из основных характеристик групповой, организованной или профессиональной преступности[113].

Однако для сравнения отметим, что позиция армянского законодателя в данном вопросе, хоть и последовавшего за российским, имеет определенное преимущество. Оно заключается в том, что в качестве отягчающего наказание обстоятельства наряду с рецидивом в п.1 ч.1 ст.63 УК РА выделяется такое обстоятельство, как ***совершение преступления в виде промысла***.

Профессор А.Н. Игнатов, выступая против такого подхода российского законодателя к создавшейся проблеме еще в 2003 г., писал, что также полный отказ от понятия неоднократности приведет к еще большим сложностям. Рассматривая данную проблему на конкретном примере, профессор А.Н. Игнатов пришел к выводу о том, что «исключение неоднократности приведет к резкому смягчению наказания за систематическое совершение преступлений, не являющихся тяжкими, но достаточно распространенных, как, например, кражи, мошенничество, и одновременно к усилению ответственности за совершение, например, двух тяжких преступлений, так как в этом случае будет применен принцип сложения наказаний с выходом за пределы максимальной санкции»[114]. В основе примера А.Н. Игнатова лежит такое корыстное преступление, как кража. Так, на примере кражи ученый объясняет, что «лицо, совершившее серию краж, каждая из которых подпадает под признаки ч. 1 ст.158 УК РФ, может быть осуждено максимально на два года лишения свободы, поскольку в этом случае при квалификации всех доказанных преступлений по совокупности при назначении наказания применяется принцип поглощения большим наказанием меньшего. Поэтому, если даже десять раз назначить ему наказание по ч.1 ст.158 УК РФ два года лишения свободы, окончательный его срок останется тем же. В то время как по существующему законодательству, действия такого, возможно, профессионального преступника будут квалифицированы как кража, совершенная неоднократно и ему может быть назначено наказание в виде шести лет лишения свободы»[115].

Выделенная проблема, которую А.Н. Игнатов рассматривал на примере таких корыстных преступлений, как кража и мошенничество, в наибольшей степени проявляется в

---

[113] См. там же.
[114] А.Н. Игнатов «Некоторые аспекты реформирования уголовного законодательства» // Журнал российского права. Изд. – «Норма», М., 2004. №9. Стр.25.
[115] См. там же

корыстных преступлениях против государственной власти (например, в таких, как злоупотребление должностными полномочиями, получение взятки и др.).

Аналогична ситуация и с должностными преступлениями. Так, по УК РФ максимальный предел лишения свободы, предусмотренной санкцией ч.1 ст.290 УК РФ составляет до трех лет (по ч.1 ст.311 УК РА – пять лет). Если обратиться к норме за неоднократностью, то можно заметить, что санкцией ч.4 ст.290 УК РФ, где «п.б» устанавливалась ответственность за получение взятки неоднократно (которая признана утратившей силу ФЗ РФ от 08.12.2003 N 162-ФЗ) в виде лишения свободы на срок от 7-и до 12-и лет с конфискацией имущества или без такового. По УК РА же санкция п.4 ч.3 ст.311 (утратила силу Законом РА «О введении изменений и дополнений в УК РА» от 05.12.06 г. №256) устанавливала ответственность за получение взятки неоднократно и устанавливала максимальный срок лишения свободы в 10 лет с возможностью применения дополнительного вида наказания.

Сказанное относится и к случаям, связанным, например, со злоупотреблением должностными полномочиями (по УК РФ ст.285, по УК РА ст.308), служебным подлогом (по УК РФ ст.292, а по УК РА – ст.314) и т.д.

Выводы А.Н. Игнатова подтвердились судебно-следственной практикой. Анализ судебно-следственной практики показал, что весьма немалое количество корыстных преступлений против государственной власти совершаются именно по признаку повторности.

Так, результаты исследования материалов уголовных дел за период с 2008 до 2011гг. показывают, что около 65% дел по обвинению во взяточничестве, от общего числа изученных, состоят из одного эпизода, около 5% – из двух эпизодов и около 30% – от 3 до 16 эпизодов. Этот показатель, фиксирующий систематический характер данных преступлений, несколько изменился по сравнению с данными, полученными за период до 2006г. Так, в соответствии с исследованиями многоуважаемого доктора юридических наук, профессора С.Ш. Цагикяна «в общем числе изученных дел по обвинению во взяточничестве один эпизод фигурировал в 55% дел, два эпизода – в 26 % дел, от 3-х до 16-и эпизодов – в 19%»[116]. Эти исследования показали, что многоэпизодность является характерным признаком взяточничества. Сказанное означает, что взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями и ряд других корыстных преступлений против государственной власти носят систематический, повторяющийся характер, в особенности, если учесть, что количество дел с эпизодами от 3-х до 16 резко возросло (более чем в 1,5 раза). А это показывает, что отказ в

[116] Цагикян С.Ш. // «Противодействие коррупции в Армении» // С.-П.: «Антарес». 2006. Стр.179.

такой ситуации от понятия неоднократности, и как следствие смягчение ответственности за совершение тождественных или однородных преступлений, непременно стал благоприятной почвой для роста рассматриваемой группы преступлений и губительно сказывается на политике борьбы с данной группой преступлений.

Итак, отказ от неоднократности, как не раз отмечалось, не является решением проблемы, которая существовала еще до ее изъятия из УК РА (РФ).

Существует в научной литературе много разработок для решения проблемы, которая возникла вследствие отсутствия грани между неоднократностью и специальным рецидивом, неоднократностью и совокупностью.

Так, например, профессор Р.Р.Галиакбаров решение проблемы рассматривает не в полном отказе от неоднократности, а лишь в отказе от той части неоднократности, которая нарушает конституционный запрет на осуждение лица дважды за одно и то же преступление и которая тем самым граничит со специальным рецидивом. Р.Р. Галиакбаров предлагает вернуть в УК РФ статью 16 в частях первой и третьей, а исключить же необходимо ч.2 ст.16[117].

Представляется, что наиболее приемлемым из множества вариантов решения проблемы являлась позиция Пленума Верховного Суда РФ, который в одном из своих постановлений, рассматривая вопросы квалификации деяний соучастников при получении взятки, неоднократность получения взятки отнес к обстоятельствам, характеризующим личность участников деяния[118].

Из изложенного выше следует, что необходимо вернуть части 1 и 3 (с небольшими изменениями) статьи 16 УК РФ и дополнить данную статью еще одной частью, которую можно изложить следующим образом: «в случаях, когда неоднократность не предусмотрена статьей Особенной части УК в качестве квалифицирующего деяние признака, она должна быть рассмотрена как обстоятельство, характеризующее личность виновного». При такой формулировке, естественно, неоднократность уже не может быть включена в перечень обстоятельств, отягчающих наказание. А ранее действовавшее и граничащее с совокупностью преступлений положение, признающее неоднократностью также факты совершения двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями УК изъять из ч.1 рассматриваемой статьи.

---

[117] Галиакбаров Р.Р., Соболев В.В. «Уголовный кодекс РФ: поправки с пробелами» // Уголовное право. 2004. № 2. Стр.15.

[118] П.18 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10.02.2000 №6 (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 07.02.2007 №7, 23.12.2010 №31, 22.05.2012 №7) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_26228/

Таким образом, предлагается изложить нормы касающиеся неоднократности в следующей редакции:

«1. Неоднократностью преступлений признается совершение лицом двух или более преступлений, предусмотренных одной статьей или частью статьи настоящего Кодекса.

2. В случаях, когда неоднократность не предусмотрена статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве квалифицирующего состава преступления, она должна быть рассмотрена как обстоятельство, характеризующее личность виновного.

3. В случаях, когда неоднократность преступлений предусмотрена настоящим Кодексом в качестве обстоятельства, влекущего за собой более строгое наказание, совершенные лицом преступления квалифицируются по соответствующей части статьи настоящего Кодекса, предусматривающей наказание за неоднократность преступлений».

Предлагаемая редакция статьи 16 уголовного закона, с одной стороны не только не нарушает принцип справедливости, но и, наоборот, призвана обеспечить требование принципа справедливости относительно того, что «…меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, будут соответствовать также характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного»[119]. Следовательно, и за совершение однородных и тождественных преступлений будет назначаться справедливое наказание, а не чрезмерно мягкое. При этом, соблюдается также и конституционный принцип недопущения осуждения лица дважды за одно и то же преступление, поскольку предлагаемая редакция построена по принципу «или…или», а не «и…и». С другой же стороны, будет удалено сходство неоднократности со специальным рецидивом, поскольку она перестанет затрагивать основное свойство рецидива – неснятую или непогашенную судимость.

Аналогичные изменения в предложенной редакции необходимы также и для УК РА (путем возврата первых двух частей с небольшими изменениями и отказа от ч.3 и ч.4 утратившей силу ст.21 УК РА).

При квалификации преступлений большое значение имеет соблюдение правил, выработанных уголовно-правовой доктриной, поскольку УК, как РФ, так и РА лишь в редких статьях и по конкретным вопросам устанавливает правила квалификации деяния по той или иной статье особенной части УК. За пределами законодательной регламентации остались правила квалификации преступлений против государственной власти в общем и корыстных преступлений против государственной власти в частности. Так, в ряде случаев устанавливаются специальные правила квалификации преступлений. К таким случаям

[119] Часть 1 ст.6 УК РФ.

относится и конкуренция уголовно–правовых норм. «В уголовном праве под конкуренцией уголовно-правовых норм понимаются случаи, когда преступное деяние охватывается одной или более статьями Особенной части Уголовного Кодекса»[120]. В подобных случаях применяется норма, наиболее всеобъемлюще отражающая фактически совершенное преступление.

О разграничении корыстных преступлений против государственной власти от других групп преступлений и их от смежных составов говорилось еще почти в самом начале настоящей диссертационной работы, но с теоретической точки зрения.

Именно поэтому необходимостью становится рассмотрение вопроса о том, какая квалификация применяется следственными и судебными органами, столкнувшимися со случаями, когда одновременно в деянии можно обнаружить такие признаки смежных составов преступления, как злоупотребление должностными полномочиями, получение взятки и служебный подлог.

На первый взгляд никаких проблем не должно возникать, поскольку соотношение злоупотребления должностными полномочиями и получения взятки, не раз в научной литературе рассматривается как соотношение общей и специальной нормы. «Состав злоупотребления должностными полномочиями является общим по отношению к специальным составам должностного злоупотребления, предусмотренным как главой 30 УК (например, ст.289-291), так и другими его главами (например, ст. 299-302, 305). В соответствии с правилами разрешения конкуренции уголовно-правовых норм использование должностным лицом своих служебных полномочий вопреки интересам службы, если оно одновременно подпадает и под ст. 285 УК и под иную статью УК, предусматривающую специальный вид должностного злоупотребления, должно квалифицироваться по специальной норме. Например, привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, представляющее специальный вид должностного преступления, должно квалифицироваться не по ст.285, а по ст.299 УК» [121].

Рассмотрим соотношение этих преступлений непосредственно на примере из судебной практики РФ и РА.

Гражданин П., работающий в поликлинической службе ООО «Медицинский центр Аштарак», являющийся врачом и председателем медицинской комиссии по освидетельствованию кандидатов для получения водительских прав, осужден по ч.1 ст.308 и п.4 ч.3 ст.311 УК РА (обратим внимание на то, что применена совокупность указанных двух

---

[120] «Российское уголовное право: в 2т. Т.2. Особенная часть».// под ред. Иногамова-Хегай Л.В., Комиссарова В.С., Рарога А.И.// М., 2006. С.18.
[121] См. там же. Стр.501.

норм). В основе обвинительного заключения следственных органов и приговора суда по данному делу легли действия гражданина П., совершаемые в пользу указанных лиц:

1. как в пределах своих полномочий (предоставление справок о годности к управлению транспортным средством). Так, например, исходя из корысти, потребовав и заполучив от разных кандидатов различные суммы взяток, выдал им указанные справки. Кроме того, гражданин П. без получения даже установленного законом взноса, исходя из иной личной заинтересованности (такой как, например, знакомство, дружественные или близкие отношения) выдал справки 19 кандидатам.

2. так и за совершение незаконных действий, а именно в определенных случаях в отношении некоторых без проведения освидетельствования предоставил такого рода справки, опять-таки исходя из иной личной заинтересованности.

В целом в научной уголовно-правовой литературе злоупотребление должностными полномочиями часто рассматривается как общая по отношению к другим должностным преступлениям норма, но с некоторыми исключениями. В приведенном примере злоупотребление должностными полномочиями не может быть рассмотрена как общая к частному норма. Объясняется сказанное тем, что в таком случае указанное выше деяние должно было быть квалифицировано только как получение взятки, совершенное повторно[122]. Однако в этом случае мы столкнемся с тем, что из квалификации содеянного будет упущена определенная часть объективной стороны преступления: совершение действий в пользу 19 лиц исходя из иной личной заинтересованности.

Решение данной проблеме дает Пленум Верховного Суда РФ, который в п.19 своего Постановления «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10.02.2000 г. (в ред. Постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 06.02.2007 N 7, от 23.12.2010 N 31, от 22.05.2012 N 7) разъяснил, что «ответственность за дачу и получение взятки или коммерческий подкуп не исключает одновременного привлечения к уголовной ответственности за действия, образующие самостоятельное преступление. В таких случаях содеянное подлежит квалификации ***по совокупности преступлений***. Взяткополучатель, совершивший в интересах взяткодателя или представляемых им лиц незаконные действия, образующие состав иного преступления, подлежит ответственности по совокупности преступлений – по части второй статьи 290 УК РФ и соответствующей статье УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями, незаконное освобождение от уголовной ответственности, фальсификация доказательств и т.п)».

[122] Отметим, что неоднократность из УК РА была изъята в 2011г., а в рассматриваемый приговор был принят в 2008 г., когда еще в УК РА действовали нормы о повторности.

Такой подход к решению проблемы можно признать оправданным еще и потому что при квалификации деяния гражданина П. по совокупности указанных двух преступлений последний был осужден к лишению свободы сроком на 4 года и штрафу в размере, 300-кратном минимальному размеру оплаты труда (далее МРОТ). Причем, в заключительной части приговора суда за совершение деяния, предусмотренного п.4 ч.3 ст.311 УК РА, суд назначил наказание в виде лишения свободы сроком на 4 года, а за совершение деяния, предусмотренного ч.1ст.308 УК РА, – штраф в размере 300-кратном МРОТ (300.000 армянских драм). Назначенные в отдельности за каждое преступление наказания были полностью сложены. Рассмотрение ч.1 ст.308 УК РА исключительно как общей нормы привело бы к нарушению цели наказания – восстановлению социальной справедливости, потому что в таком случае полученная осужденным за взяточничество сумма не подлежала бы конфискации и осталась бы у виновного. Сказанное подтверждается тем, что санкция п.4 ч.3 ст.311 УК РА не усматривает механизма назначения судом дополнительного наказания, например, штрафа.

В этом аспекте преимущество по отношению к УК РА имеет УК РФ. ФЗ РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального Закона ″О противодействии коррупции"» от 26 июля 2006 г. была введена в УК РФ статья о конфискации имущества, которая позднее была изменена и, начиная с 25 ноября 2008 г. в перечень статей, установленных в ст.104.1 УК РФ, были включены также статьи 285, 290 УК РФ. «П.а» ч.1 ст.104.1 УК РФ предусматривает случаи обязательной конфискации имущества и доходов, полученных в результате совершения целого ряда преступлений, в число которых после указанных изменений были включены и нормы ст.285, 290 УК РФ. Согласно указанной норме конфискация осуществляется в пользу государства, за исключением имущества, принадлежащего законному владельцу.

Такое законодательное изменение, имевшее место в 2008 г. предоставляет возможность отказа от квалификации деяния по совокупности рассматриваемых преступлений, поскольку этим разрешается указанная выше проблема.

Случаи обязательной конфискации имущества или дохода, приобретенных преступным путем, предусматривает и УК РА, но только в случаях совершения 2-х видов преступлений: легализация (отмывание) денег и финансирование террористических группировок.

Аналогичные законодательные изменения необходимы и для УК РА.

Об обязательной конфискации имущества или денег, полученных в результате злоупотребления должностными полномочиями, говорится и в п.23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» от 16 октября 2009 г. №19.

По тому же принципу необходимо рассмотреть соотношение злоупотребления должностными полномочиями со служебным подлогом.

Итак, по делу начальника паспортного отделения Армавирского областного управления Полиции РА, гражданина Р. суд пришел к убеждению в правильности квалификации следственных органов деяния Р. по совокупности преступлений, предусмотренных ч.1 ст.308 (злоупотребление должностными полномочиями), ч.1 ст.314 (служебный подлог) и ч.2 ст.311 (получение должностным лицом взятки за заведомо неправомерное действие или бездействие) УК РА.

Так, гражданин Р., являясь начальником паспортного отделения Полиции РА в период с января 2005 г. по апрель 2007 г. посредством злоупотребления должностными полномочиями, совершения служебных подлогов и личностного получения взятки более чем 80 гражданам Грузии предоставил на ложных основаниях паспорта гражданина РА.

В представленном случае исключение какого-либо эпизода или какой-либо части деяния, составляющих объективную сторону совершенного преступления, не полностью бы отразило фактически совершенное деяние. Именно поэтому, соблюдая самое главное правило квалификации преступлений – применения тех норм Особенной части УК, которые наиболее полно отражают объективную сторону совершенного деяния, вытекающее непосредственно из принципа справедливости, – содеянное необходимо квалифицировать по совокупности указанных преступлений. При этом следует учесть следующую особенность, которая раскрывается Пленумом Верховного Суда РФ. Так в п.17 (абзац 3) Постановления «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» от 16 октября 2009г. №19, дается разъяснение о том, что «по правилам ст.17 УК РФ (совокупности) должен решаться вопрос, связанный с правовой оценкой действий должностного лица, совершившего служебный подлог. В случаях, когда такое лицо в связи с исполнением своих служебных обязанностей внесло в официальные документы заведомо ложные сведения либо исправления, искажающие их действительное содержание, содеянное должно быть квалифицировано по ст.292 УК РФ. Если же им, наряду с совершением действий, влекущих уголовную ответственность по ст.285 УК РФ, совершается служебный подлог, то содеянное подлежит квалификации по совокупности со ст.292 УК РФ».

Таким образом, если служебный подлог совершен в связи с исполнением служебных полномочий, то деяние должно квалифицироваться исключительно как служебный подлог. Но если при этом совершаются незаконные действия, наряду с введением ложных сведений или искажением имеющихся сведений, входящих в круг полномочий должностного лица, то содеянное квалифицируется по совокупности преступлений.

В приведенном выше примере, на наш взгляд, позиция Армавирского губернского суда является правильной. Ведь гражданин Р. В связи с занимаемой должностью был уполномочен выдавать паспорта граждан РА. Но вводя ложные сведения в паспорта, а именно регистрация граждан другого государства по существующим адресам (законные действия в пределах его полномочий) или несуществующим адресам г. Армавир (неправомерные действия, осуществляемые опять-таки в пределах его полномочий) за определенное вознаграждение выдавал паспорта гражданина РА. Именно поэтому деяние данного лица требовало квалификации по совокупности 3-х конкурирующих норм Особенной части УК РА.

Проведенное диссертантом исследование судебной практики по ряду дел о злоупотреблении должностными полномочиями, причем, как армянской, так и российской, начиная с 2003 по 2013 гг., позволило прийти к следующему выводу: в большинстве случаев имеет место ошибочная квалификация деяний по статьям 308 УК РА (285 УК РФ), которые на самом деле подпадают под признаки, характеризующие состав мошенничества.

Среди этих ошибок наибольшая доля приходится на период с 2003 по 2008 гг.[123]

Приведем самый очевидный с рассматриваемой точки зрения пример.

Так, старшие оперуполномоченные 4-го управления Службы национальной безопасности РА (гражданин Т. и гражданин В.) были осуждены по ч.1 ст.308 УК РА (злоупотребление должностными полномочиями).

Суть данного дела состоит в следующем.

Гр-н А., находился со своим родственником (гр-ном Г.) в неприязненных отношениях, и, с целью навредить ему и заодно заполучить от него определенную сумму денег, с просьбой оказать ему содействие в получении некоторой суммы денег от гр-на Г. обратился к другу (гр-ну Ав.), имевшему друзей в правоохранительных органах. Гр-н Ав., решив помочь своему другу и имея друзей, сотрудников СНБ РА, рассказал последним (гр-нам Т. и затем В.) о состоявшемся между ним и гр-ном А. разговоре и познакомил с ними своего друга гр-на А. Последний, вступив в сговор с гр-нами Т. и В., с намерением причинить вред гр-ну Г. и получить от него определенную сумму денег посредством гр-н Т. и В.

[123] См. приговоры Судов РА в период с 2003 по 2013 гг.

(сотрудников СНБ РА) предоставил им информацию о ***якобы*** нелегальном нахождении на территории РА гр-на Г. и ***якобы*** об осуществлении последним незаконной предпринимательской деятельности. В ответ на предоставление такой информации гр-ну А. сотрудники СНБ РА, гр-не Т. и В. обещали подарить автомобиль сразу после получения денег от его родственника.

Т. и В. в ходе исполнения своих служебных полномочий не зарегистрировали полученную устную информацию об иностранном гражданине, не доложили об этом руководству СНБ РА и непосредственному начальству. Более того, используя личные связи и имея целью установление личности гр-на Г. и каким-то образом получения от него определенной суммы денег, Т. и В. обратились за помощью к друзьям В. (начальнику отделения уголовного розыска отдела Малатии Полиции РА – гр-ну Д. и оперуполномоченному отделения – гр-ну Дан.). Т. и В. представили последним необходимость проведения таких действий, как установление личности гражданина Г., и ряда других действий, в качестве оперативно-розыскных мероприятий, проводимые со стороны СНБ РА.

Далее, Т. и В. встретились с гр-ном Г., сообщили ему о том, что являются сотрудниками СНБ РА и представили сообщенную гр-ном А. информацию, как официально зарегистрированной, на основе которой в СНБ РА якобы составлены материалы. И описав гр-ну Г. сложившуюся ситуацию (якобы чтобы не пустить в ход материалы, а, следовательно, и не депортировать с территории РА гр-на Г. и чтобы не запретить ему осуществление экономической деятельности), от гр-на Г. потребовали и в дальнейшем получили 15000 долларов США, которые поделили между собой и использовали в личных нуждах.

Итак, в деяниях гр-н Т.и В. наличествует 2 состава преступления:

1. злоупотребление должностными полномочиями (использование знакомых связей и выполнение иных незаконных действий – например, наличие устного заявления, которое не зарегистрировали);

2. мошенничество, т.е. завладение чужим имуществом (в данном случае деньгами) путем обмана. В представленном случае, они официально не зарегистрировали имеющееся у них устное сообщение о незаконной деятельности гр-на Г., представили последнему сообщенную информацию как уже зарегистрированную и якобы для того, чтобы не проводить установленные законом действия, потребовали от Г. сумму денег в крупных размерах.

Судебно-следственными органами данное деяние было квалифицировано только как злоупотребление должностными полномочиями, что, на наш взгляд, является неправильным.

Тем самым, судом из квалификации деяния была упущена та часть, которая указывает на наличие в деяниях гр-н Т. и В. состава мошенничества. Непременно, это сказалось и на наказании, которое судом было назначено в виде штрафов в размере 250.000 армянских драм. Указанное связано с нарушением принципа справедливости, согласно которому: «наказание и иные меры уголовно-правового воздействия, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать ***тяжести преступления, обстоятельствам его совершения***, личности виновного, должны быть необходимыми и достаточными для его исправления и предупреждения новых преступлений»[124].

Некорректно также привлечение виновных к уголовной ответственности только за совершение мошенничества, поскольку из правовой оценки деяний, совершенных Т. и В., было бы упущено то обстоятельство, что они являются должностными лицами и использовали свое служебное положение вопреки интересам службы в личных и корыстных целях.

Такого рода ошибки в квалификации с одной стороны исходили из того законодательного пробела, который имелся в УК РА до 2011 года. Так, Законом РА «О внесении дополнений в УК РА» от 30 апреля 2008 г. ч.2 ст.178 УК РА в качестве квалифицирующего признака мошенничества введено обстоятельство – совершение указанного деяния под предлогом получения взятки. Использование служебного положения как квалифицирующий признак мошенничества был введен в УК РА лишь в 2011 году Законом РА «О внесении изменений и дополнений в УК РА» от 23 мая 2011 г.[125]

В таких условиях квалификация деяния, совершенного гр-нами Т. и В. лишь как мошенничество означало бы упущение из субъективной стороны преступления такого обстоятельства как специальный субъект преступления. Отметим, что УК РФ таких пробелов не имел с самого начала. Аналогичное положение в УК РФ сформулировано как мошенничество с использованием служебного положения.

При этом необходимо ввести в УК РА признанное ч.1 ст.17 Закона РА «О введении изменений и дополнений в УК РА» от 23.05.2011 г. №143 утратившим силу положение, устанавливающее ответственность за «мошенничество, совершенное с использованием служебного положения». Позиция армянского законодателя является несколько

[124] Часть 1 ст.10 УК РА.
[125] www.arlis.am

ограниченной, поскольку здесь данное преступление отнесено к категории преступлений средней тяжести. До указанных изменений оно относилось к категории тяжких преступлений.

В условиях наличия таких законодательных пробелов судебно-следственные органы должны применить квалификацию деяния по совокупности преступлений: злоупотребление должностными полномочиями и состав мошенничества в крупном размере.

Немало проблем возникает при квалификации отдельных видов взяточничества.

Проанализируем сказанное на примерах из судебно-следственной практики.

В 2001 г. решением Правительства РА была утверждена программа, устанавливающая порядок покупки, изъятия, формирования ценового предложения и реализации недвижимого имущества и земельных участков, находящихся в зоне отчуждения Северного проспекта. 27 августа 2003 г. по решению мэра г. Ереван №1648 в целях реализации государственных строительных программ была создана комиссия, ведущая работы по ведению учета, формированию ценового предложения, и реализации недвижимого имущества, находящегося на предназначенной для застройки территории Северного проспекта. В состав этой комиссии был включен также заместитель директора фонда развития «Центр» муниципалитета «Центр», гражданин Г. Являясь членом комиссии и участником работ по реализации недвижимого имущества в указанной зоне, гражданин Г. согласился на предложение гражданки О. посредством дачи взятки всем членам комиссии вместо одной квартиры организовать выделение гражданке О. и остальным сособственникам (сестрам О.) отдельных квартир в качестве компенсации.

Гражданин Г., воспользовавшись тем, что знаком с гражданкой О. и ее сестрами, обращением к нему последних с просьбой помочь им, их доверительным отношением к себе и их готовностью вознаградить за решение вопросов об обмене квартир и будучи уведомленным о том, что решением Правительства РА №950 предусмотрено предоставление квартир взамен отчуждаемой, имея намеренность путем обмана завладеть предлагаемой гражданкой О. суммой, обещал им помочь, однако никаких действий в их пользу не совершил. В дальнейшем, когда уже комиссия в соответствии с предусмотренными законом требованиями 24 декабря 2003 г. приняла решение о замене квартиры гражданки О. и ее сестер стоимостью в 103 тыс. долларов США 4-мя отдельными, гражданин Г., приписав действия комиссии себе и под предлогом передачи взятки членам комиссии, завладел, согласно ранее достигнутой договоренности, предложенной гражданкой О. суммой в 23000 долларов США (особо крупный размер).

Анализируя данный случай, можно заметить, что в обвинительном заключении и далее в приговоре Суда общей юрисдикции первой инстанции административных районов Кентрон и Норк-Мараш г. Ереван указывается на такие признаки, которые полностью характеризуют состав мошенничества. К этим признакам относятся:

1. направленность умысла и намерение завладеть предложенной гражданкой О. суммой;

2. доверительные, близкие отношения с гражданкой О.

3. завладение чужим имуществом путем обмана: в данном случае всей комиссией было принято решение в пользу гражданки О. на установленных нормативно-правовыми актами основаниях. Осужденный Г., воспользовавшись таким решением (в пользу гражданки О.), сообщил ей, что оно было вынесено в результате предпринятых им действий и, за эти действия получил с гр-ки О. деньги «якобы» для передачи их членам комиссии за принятое ими в ее пользу решение. Получив деньги, таким образом осужденный О. завладел ими.

Проблема соотношения злоупотребления должностными полномочиями и мошенничества рассмотрена также и Пленумом Верховного Суда РФ. Так, в п.17 Постановления «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении служебных полномочий» от 16 октября 2009г. №19 говорится об отличии хищения с использованием служебных полномочий от злоупотребления должностными полномочиями. Последний случай образуют «такие деяния должностного лица, которые либо не связаны с изъятием чужого имущества (например, получение имущественной выгоды от использования имущества не по назначению), либо связаны с временным и (или) возмездным изъятием имущества»[126].

В приведенном выше примере следственные и судебные органы должны были квалифицировать содеянное как мошенничество.

Причем, квалификация подобного деяния как посредничества во взяточничестве в научной литературе не признается, поскольку подобные случаи получили название «мнимое посредничество». К «мнимому посредничеству» относятся случаи, когда лицо обещает выполнить посреднические услуги, получает от взяткодателя деньги или иные ценности якобы для передачи должностному лицу в качестве взятки, но фактически присваивает их[127].

Такого же подхода придерживаются и ряд других ученых, например, Б.В. Здравомыслов, а также Б.В. Коробейников и М.Ф. Орлов, которые считают, что в основе квалификации случаев, называемых «мнимым посредничеством» должна лежать

---

[126] Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении служебных полномочий» от 16 октября 2009г. №19 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/

[127] Б.В. Волженкин, В.Еф. Квашис, С.Ш. Цагикян // «Ответственность за взяточничество. Социально-правовые и криминологические проблемы» // Ер.: «Айастан». 1988. Стр.52, 54, 60, 67.

направленность умысла виновного (не на передачу определенных благ другим лицам, а на их присвоение. А направленность умысла и указывает на то, что виновный совершает свои действия на основе обмана[128].

Предложенная позиция подтверждается и положениями Постановления Пленума Верховного Суда, где говорится: «если использование должностным лицом своих служебных полномочий выразилось в хищении чужого имущества, когда фактически произошло его изъятие, содеянное полностью охватывается ч.3 ст.159 УК РФ или ч.3 ст.160 УК РФ и дополнительной квалификации по ст.285 УК РФ не требует»[129].

При этом, в том же, п.17, указанного Постановления Верховного Суда РФ предусматривается необходимость квалификации содеянного по совокупности указанных преступлений (например, мошенничество и злоупотребление должностными полномочиями). В случаях, когда «должностное лицо, используя свои служебные полномочия, наряду с хищением чужого имущества, совершило другие незаконные действия, связанные со злоупотреблением должностными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности, содеянное надлежит квалифицировать по совокупности указанных преступлений».

С такой квалификацией деяния можно согласиться только в случае отсутствия в уголовном законодательстве норм ответственности за мошенничество, совершенное с использованием служебного положения.

Именно такую позицию поддержал и Суд общей юрисдикции первой инстанции административных районов Кентрон и Норк-Мараш г. Ереван по другому схожему делу.

Так, в соответствии с Законом РА «О государственных некоммерческих организациях» и решению Правительства РА от 25.07.2002 г. №1392 все государственные общеобразовательные учебные заведения, в том числе и старшая школа №36 г. Гюмри, были переоформлены в государственные некоммерческие организации и были утверждены их уставы. Приказом министра образования и науки РА от 14.02.2003 г. №90 старшей школе №36 г. Гюмри на праве собственности было сдано имущество стоимостью в 11.632.600 армянских драм, право на отчуждение которого в соответствии с указанным выше законом и уставом школы было передано школе, а фонд в лице Правительства РА никаких прав на это имущество не имел. Директор старшей школы №36 г. Гюмри, гражданка П. в мае 2003 г., в целях отчуждения сданных школе на праве собственности 20-и станков письменно

---

[128] Коробейников Б., Орлов М. «Ответственность за взяточничество» //Советская юстиция, №20, 1970. Стр.19-20.

[129] Пункт 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении служебных полномочий» от 16 октября 2009г. №19 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/

обратилась к начальнику секретариата Министерства образования и науки РА для получения соответствующего разрешения. Встретив начальника по ведению хозяйства и обслуживанию, гражданина А., предложила последнему 1500 долларов США, если тот окажет ей содействие в получении положительного ответа на указанное письменное обращение. Будучи уведомленным в силу занимаемой им должности о том, что в соответствии с Законом РА «О государственных некоммерческих организациях» право отчуждения имущества, сданного на праве собственности школе, принадлежит самой школе, и министерство в этом вопросе никаких полномочий не имеет, будучи уверенным в том, что ответ на обращение будет вытекать непосредственно из закона и в обращении не может быть отказано, что сам директор не в курсе всего сказанного, гражданин А. решил завладеть указанной выше крупной суммой. О том, что школа вправе владеть, пользоваться и распоряжаться указанными станками по своему усмотрению, гражданин А. директору указанной школы не объяснил. Тем самым создал впечатление, что постарается помочь гражданке П. в получении соответствующего разрешения.

10 июня 2003 г., не участвуя в составлении ответа к обращению и узнав, что обращение разъяснительного характера уже подписано, используя свое служебное положение вопреки интересам службы, исходя из личной заинтересованности, в надежде получить 1500 долларов США, путем обмана заполучил от гражданки П. указанную сумму денег.

В данном случае злоупотреблением служебными полномочиями суд счел ситуацию, когда гражданин А., узнав об обращении директора к министру и догадавшись, что директор не в курсе законодательных изменений, имея личную заинтересованность и зная, что отказа в обращении не будет, не разъяснил гражданке П. о праве свободного распоряжения имуществом школы. Это незаконные действия, связанные со злоупотреблением служебными полномочиями.

В данном случае и следственные органы, и суд справедливо квалифицировали деяние гр-на А. по совокупности указанных статей, за что и был осужден.

Аналогичного подхода требуют не только случаи «мнимого» посредничества во взяточничестве, но и случаи, где налицо ошибочная квалификация деяния, содержащего признаки мошенничества, в качестве получения взятки.

Так же рассматривается вопрос о разграничении таких составов, преступлений, как превышение должностных полномочий и получение взятки.

Исследования судебной практики[130] показали, что провести эту грань весьма не сложно. Главное при рассмотрении данного соотношения – это определение круга полномочий должностного лица. Диспозиция уголовно-правовой нормы, которая устанавливает ответственность за превышение должностных полномочий, по сути является бланкетной, поскольку в случае полной и объективной правовой оценки того или иного деяния должностного лица налицо отсылка к составным правовым актам.

Любая государственная должность и любая государственная служба (как в РА, так и в РФ) в качестве обязательного условия выдвигает наличие паспорта. В данном документе полностью раскрываются суть и содержание соответствующей должности, квалификация и особенно права и обязанности лица, занимающего указанную должность (т.е. пределы полномочий, которые предоставляются данной должностью).

С учетом вышеизложенного и с целью устранения коллизий между рассматриваемыми нормами (превышение должностных полномочий и злоупотребление должностными полномочиями), представляется необходимостью законодательная регламентация рассматриваемых статей УК РФ и РА. Так, указанные ст.286 УК РФ и ст.309 УК РА можно изложить в следующей редакции: «Совершение должностным лицом умышленных действий, явно выходящих за пределы полномочий, ***предусмотренных его паспортом должности…»***. Естественно, для того чтобы четко можно было определить, имело ли место превышение должностных полномочий или нет, необходимо для всех должностей государственных структур (аппаратов, управлений, подразделений, учреждений), для которых законом не предусматривается наличие паспорта должности, ввести указанный вид документа. Представляется, что в подобном случае проблем, связанных с установлением круга полномочий должностного лица и разграничением составов «превышение должностных полномочий» и «злоупотребление должностными полномочиями» не возникнет.

На практике интерес вызывают случаи, когда должностное лицо, за совершение действий, выходящих за пределы своих полномочий, требует и получает взятку.

Рассмотрим сказанное на двух различных примерах из судебно-следственной практики.

Пример 1. Суд общей юрисдикции первой инстанции Котайкского областного суда РА квалифицировал деяние гр-на Я., оперуполномоченного отделения уголовного розыска Котайкского областного управления Полиции РА, по совокупности преступлений, предусмотренных ст.309 (превышение должностных полномочий) и ст.311 (получение взятки, причем квалифицированный состав) УК РА. Суть данного дела состоит в

[130] Исследования проведены диссертантом и основываются на материалах судебных дел по корыстным преступлениям против государственной власти в период с 2003 по 2013 гг.

следующем: давняя знакомая Я., женщина легкого поведения П., вместе со своей подругой с целью получить за оказанные ими услуги от гр-н И. и М. сумму пригласила к себе домой Я., рассказала ему про задолженность гр-н И. и М., попросила его помочь в получении задолженной суммы.

Воспользовавшись случаем и имея целью вымогательство взятки, гр-н Я. приказал своему напарнику, только вступившему на службу оперуполномоченному, помочь ему отвести гр-н И. и М. в управление, ничего не объяснив последним. Затем, гр-н Я. нашел М. и, представившись последнему сотрудником полиции, потребовал, чтобы М. с ним направился в полицию ***якобы*** для участия в таком процессуальном действии, как предъявление для опознания по делу о дорожно-транспортном происшествии (далее ДТП). Итак, гр-н Я., явно выходя за пределы своих полномочий, без наличия предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством оснований подверг последнего приводу в управление. Здесь же Я. сообщил М., что основанием привода является заявление гр-ки П. и ее подружки об изнасиловании. Далее без официальной регистрации указанных заявлений гр-н Я. начал процесс подготовки материалов по делу об изнасиловании.

Таким же образом и под тем же предлогом гр-н Я. подвергает приводу и гр-на И. и продолжает процесс подготовки материалов по делу об изнасиловании.

Далее, Я., чтобы не возбудить уголовное дело в отношении М. и И. по факту изнасилования и не привлечь их к уголовной ответственности, потребовал от них взятку в размере 3000 долларов США. Однако Я. и М. достигли соглашения относительно суммы взятки. Я., после того, как получил 2000 долларов США в качестве взятки, спустя некоторое время связался с М. и сообщил, что гр-ка П., действительно хочет подать на них заявление и сообщить ложные сведения о том, что якобы ее и подружку изнасиловали. Гр-не М. и И., встретившись с П., пообещали ей дать 300 долларов США за то, чтобы она не подала на них заявления. Однако обещанную П. и ее подружке сумму в размере 300 долларов США так и не дали.

Пример 2. Суд общей юрисдикции первой инстанции Армавирской области РА осудил гр-н О. и Н. за покушение на получение взятки, совершенное группой лиц по предварительному сговору и превышение должностных полномочий. О. и Н. являлись сотрудниками сопровождающего батальона управления г. Ереван Полиции РА. Один из подсудимых, которого О. и Н. уже несколько раз сопровождали из уголовно-исполнительного учреждения в зал судебного заседания, гр-н Д., по окончании одного из судебных заседаний попросил О. и Н. о том, чтобы они предоставили ему возможность увидеть свою подружку и сестру, пока не завершились судебные заседания других

заключенных. Сопровождающие полицейские, нарушив требования утвержденного Правительством РА порядка и явно выходя за пределы предусмотренных нормами указанного порядка полномочий, отклонились от службы, вступили в контакт с заключенным и дали ему мобильный телефон для того, чтобы последний связался со своей подружкой. Кроме того, для совершения в пользу заключенного незаконных действий (предоставление возможности до возврата в изолятор встретиться с подружкой и сестрой) потребовали от него и достигли с ним соглашения относительно суммы взятки. Далее, гр-н Д., встретившись со своей подружкой и сестрой, под предлогом разменять деньги и дать полицейским обещанную сумму взятки вышел из помещения, где он сидел с полицейскими и совершил попытку бегства. Гр-н Д. был пойман только после того, как О. и Н. сообщили о факте бегства своему начальству.

Приведенные выше два примера сходятся в том, что и в первом, и во втором случаях имеет место оконченный состав превышения должностных полномочий и неоконченный состав получения взятки (преступный замысел не был доведен до конца). Позиции судов в вопросе квалификации указанных преступлений сходятся. Суды квалифицировали деяния по совокупности преступлений – превышение должностных полномочий и покушение на получение взятки.

Такой подход представляется, вполне оправданным. Ведь и в первом, и во втором случаях имеет место совершение одними и теми же лицами двух разных преступлений: превышение должностных полномочий и получение (или покушение на получение) взятки. Говорить здесь о том, что совершенные лицами деяния объединены единым умыслом, и в первом и во втором примерах невозможно, поскольку умысел на получение определенной суммы (взятки) возник лишь после того, как сотрудниками правоохранительных органов было допущено превышение должностных полномочий. Сказанное полностью подпадает под признаки ст.20 УК РА, которая дает определение совокупности. Так, согласно УК РА совокупностью преступлений признаются «случаи совершения лицом двух или более преступлений, предусмотренных различными статьями УК, ни за одно из которых лицо не было осуждено»[131].

В данных случаях указанные деяния включают в себя как состав превышения должностных полномочий, так и состав получения взятки, поскольку в первом примере лицо потребовало взятки за бездействие (т.е. за несовершение законных действий), а во втором примере лицо потребовало взятки за совершение неправомерных действий.

[131] Пункт 1 ст.20 УК РА

Дело в том, что в УК РА и РФ имеется коллизия. Суть ее состоит в том, что уголовно-правовая норма (и российская, и армянская) о получении взятки устанавливает ответственность лишь за совершение двух деяний:

«1. получение должностным лицом взятки за совершение или не совершение какого-либо действия ***в пределах своих полномочий*** в пользу взяткодателя или представляемого им лица, за способствование совершению или не совершению такого действия либо за покровительство или попустительство по службе с использованием своего служебного положения;

2. получение должностным лицом взятки за ***незаконное*** действие или бездействие в пользу взяткодателя или представляемого им лица»[132].

За пределами рассматриваемых статей остается случай, когда должностное лицо за совершение действий, хоть и неправомерных, т.е. явно выходящих за пределы его полномочий, получает взятку.

Проблема в том, что в таком случае отсутствует состав взяточничества, поскольку лицо не совершило никаких действий, которые по объективной стороне преступления могут быть расценены как получение взятки: действия должностного лица в данном случае не входят в круг его полномочий, а это противоречит первому пункту, но и не являются неправомерными, что противоречит указанному выше второму пункту.

В указанном случае квалифицировать деяние исключительно как превышение должностных полномочий было бы неправильным, поскольку при таком подходе был бы упущен факт получения должностным лицом материального вознаграждения за совершение тех или иных действий, которые выходят за пределы полномочий должностных полномочий. А правовая оценка деяния только как получение взятки не является допустимой, поскольку, как уже отмечалось, деяние не подпадает под признаки, описанные в диспозиции получения взятки. Такой подход противоречит основаниям уголовной ответственности и уголовно-правовому принципу законности. Исходя из этого, необходимо отметить, что квалифицировать в таком случае деяние по совокупности, как превышение должностных полномочий и получение взятки, также недопустимо.

С учетом представленных выше проблем предлагается законодательное изменение ст.290 УК РФ и ст.311 УК РА и введение в них отдельной части, устанавливающей ответственность за получение взятки, совершенное с превышением должностных полномочий при отсутствии признака незаконности.

Предлагается изложить новую часть ст.290 УК РФ следующим образом:

---

[132] Ст.290 УК РФ и ст.311 УК РА

«2.1 Деяния, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, ***совершенные с превышением должностных полномочий*** при отсутствии признаков, указанных в ч. 3 настоящей статьи».

Данное положение должно быть изложено в аналогичной норме и в соответствующей статье УК РА (с указанием вместо ч.3 ст.290 УК РА на соответствующую ей часть 2 рассматриваемой статьи).

В противном случае деяние лица, включающие в себя два отдельных вышеуказанных состава, следует квалифицировать по совокупности преступлений: превышение должностных полномочий и получение взятки. Такой подход мотивируется тем, что лицо, совершая действия, выходящие за пределы его полномочий, пытается заполучить определенную сумму денег, создавая впечатление, что совершает эти действия в пределах своих полномочий.

Таким образом, несмотря на ряд проведенных серьезных законодательных изменений в сторону совершенствования УК РФ и РА с 2008 г., все же появляется необходимость дальнейшего усовершенствования уголовного законодательства. На основе исследований материалов уголовных дел из судебной и следственной практики нами были выведены наиболее распространенные случаи ошибочной квалификации корыстных преступлений против государственной власти, целый ряд законодательных пробелов, влекущих за собой ошибочную квалификацию преступлений, и предложены возможные пути их решения. Именно выявление таких ошибочных случаев квалификации преступлений и устранение указанных законодательных пробелов с учетом криминологических характеристик создают основу для более эффективного предупреждения корыстных преступлений против государственной власти.

ГЛАВА III: СИСТЕМА ПРАВОВЫХ, КРИМИНОЛОГИЧЕСКИХ И ОРГАНИЗАЦИОННЫХ МЕР ПО БОРЬБЕ С КОРЫСТНЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ПРОТИВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

§1. Реализация общесоциальных мер предупреждения как необходимое условие сдерживания корыстных преступлений против государственной власти

Для получения полной картины корыстных преступлений против государственной власти, недостаточно их рассмотрение лишь с уголовно-правовой позиции. Для этого необходимо выделить криминологические особенности корыстных преступлений против государственной власти: определить состояние, уровень и динамику указанной группы преступности. Общеизвестно, что в криминологии при исследовании преступности выделяются два основных критерия: количественный и качественный показатель. Количественными показателями являются состояние, уровень и динамика преступности, а к качественному показателю относится структура преступности. Не останавливаясь подробно на характеристиках преступности в целом, вкратце раскроем содержание указанных выше 3-х основных характеристик преступности.

При исследовании состояния, уровня и динамики той или иной группы преступлений, необходимо учесть то обстоятельство, что в ряде случаев имеются преступления, которые по тем или иным причинам остались все же неизвестными правоохранительным органам, следовательно, и не вошли в число официально зарегистрированных.

Преступления, которые по тем или иным причинам не были официально зарегистрированы, в криминологии получили название латентной преступности.

Общепринято, что наибольшей латентностью среди всех групп преступлений обладают именно корыстные преступления против государственной власти причем все преступления, которые могут быть отнесены к числу корыстных преступлений против государственной власти: например, злоупотребление должностными полномочиями, виды взяточничества, служебный подлог.

Объясняется сказанное тем, что, как правило, эти преступления совершаются исходя из корыстной или иной личной заинтересованности (относительно некоторых из них этот мотив указан в диспозициях соответствующих статей в качестве обязательного признака субъективной стороны преступления). Это означает, что в большинстве случаев, например, случаи получения, дачи взятки, рассматриваемые преступления совершаются по обоюдному согласию сторон (должностное лицо (служащий) и потерпевшие) и выявление такого рода преступлений является серьезной проблемой для правоохранительных органов. О латентном

характере этих преступлений говорилось и в предыдущих параграфах диссертационной работы, где были проведены исследования относительно источников их выявления. «Не случайно, по мнению экспертов, латентность должностных преступлений превышает 90%»[133]. К тому же, высокая степень латентности исследуемой группы преступлений подтверждаются исследованиями судебно-следственной практики, результаты которой показали, что около 35% преступлений от общего числа взяточничества длятся годами, из которых около 5% включают в себя 2 эпизода, а 30% – от 3-х до 16-и.

На основе анализа судебно-следственных статистических материалов можно сделать вывод о том, что в структуре преступности в целом корыстные преступления против государственной власти и в РА, и в РФ составляют лишь 0,8%. Такая низкая раскрываемость еще раз подтверждает скрытый, высоколатентный характер корыстных преступлений против государственной власти. Корыстные преступления против государственной власти составляют всего 30% от общего числа коррупционных преступлений. В структуре же самой корыстной преступности против государственной власти по результатам исследований в РА приблизительно 40% занимают виды взяточничество, 40% – злоупотребление должностными полномочиями и по 10% – превышение должностных полномочий и служебный подлог. Эти данные несколько изменились за последние 2-3 года, в течение которых случаи злоупотребления должностными полномочиями стали превышать случаи получения взятки от 3 до 5 %[134].

Исследования же российских ученых выдают несколько иную картину структуры корыстной преступности против государственной власти: «в структуре должностных преступлений преобладают: служебный подлог (35% – 7000-8000 преступлений ежегодно), получение взятки (20% – 4000-4500), злоупотребление должностными полномочиями (17% – 3500-4000), превышение должностных полномочий (16% – 3500)»[135].

Таким образом, если в РФ в структуре данной группы преступлений преобладающее большинство занимает служебный подлог и лишь почти по 20% выделяются получение взятки, злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий, то в РА на первый план выдвигаются получение взятки и злоупотребление должностными полномочиями.

---

[133] Криминология. Учебник для ВУЗов // под ред. В.Д. Малкова, – Москва. 2006. Изд. – «ЮстицИнформ». Стр.324.

[134] Эти показатели выведены диссертантом на основе исследований и анализа материалов судебных дел РА по корыстным преступлениям против государственной власти на период с 2003 по 2013 гг.

[135] Криминология. Учебник для ВУЗов // под ред. В.Д. Малкова, – Москва. 2006. Изд. – «ЮстицИнформ». Стр.324.

Проведенные исследования корыстной преступности против государственной власти показывают, что показатели их меняются ежегодно. Динамику корыстной преступности против государственной власти целесообразно представить в таблицах, на основе чего и в дальнейшем определить уровень данной группы преступлений.

Итак, статистика по имеющимся судебно-следственным материалам на период с 2003 по 2013 гг. подтвердили высокий уровень латентности корыстных преступлений против государственной власти, так как получение, дача взятки, посредничество во взяточничестве, злоупотребление должностными полномочиями и служебный подлог обладают не только наименьшей степенью раскрываемости особенно в период с 2003 по 2007 гг. Отметим, что по тем же данным в РА было зарегистрировано в 2003 г. всего 4 факта получения взятки, в 2004 г. – 4 факта получения взятки и 29 фактов злоупотребления должностными полномочиями, 2005 г. – 8 фактов получения взятки и 32 факта злоупотребления должностными полномочиями, 2006 г. – 22 факта получения взятки и 25 фактов злоупотребления должностными полномочиями, в 2007 г. – 7 фактов получения взятки и 26 фактов злоупотребления должностными полномочиями, 2008 г. – 63 факта получения взятки и 69 фактов злоупотребления должностными полномочиями, 2009 г. – 56 фактов получения взятки и 79 фактов злоупотребления должностными полномочиями, 2010 г. – 60 фактов получения взятки и 72 факта злоупотребления должностными полномочиями, в 2011 г. – 70 фактов получения взятки и 56 фактов злоупотребления должностными полномочиями и, наконец, 2012 г. – 84 факта получения взятки и 75 фактов злоупотребления должностными полномочиями[136].

Из приведенной статистики следует:

– по сравнению, с 2003 г. за последние 3 года (2010-2012 гг.) уровень раскрываемости получения взятки повысился соответственно в 15, почти 18 и 21 раз (см. таблицу 1).

– по фактам злоупотребления должностными полномочиями можно заметить, что по сравнению с 2003-2004 гг. уровень раскрываемости злоупотребления должностными полномочиями значительно вырос особенно в 2008 г. – почти в 2,5 раза, в 2009 и 2012 гг. – почти в 3 раза

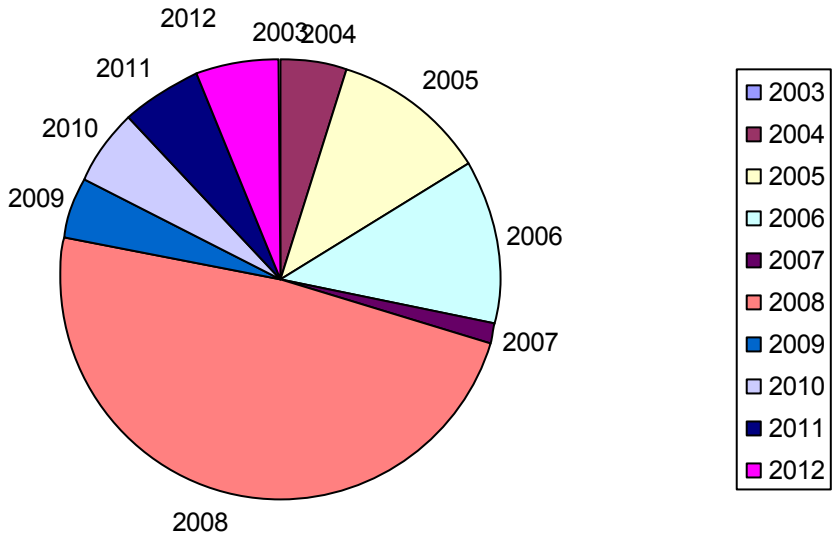
[136] Статистика составлена на основе статистических данных органов следствия, прокуратуры и судов. См. таблицы 1 и 2.

ТАБЛИЦА 1

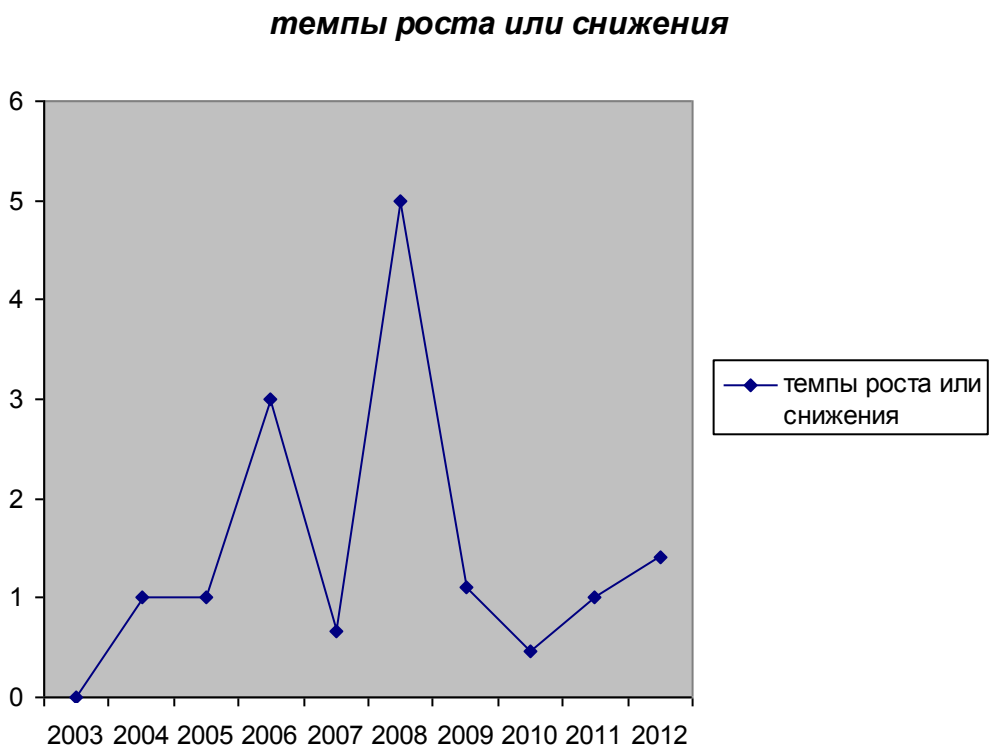
Показатели видов взяточничества

ГОД	ФАКТЫ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ (к предыдущему году)	ТЕМПЫ ПРИРОСТА (СНИЖЕНИЯ) (в разы)
2003	3	-
2004	3	0
2005	7	+ 2.3
2006	17	+ 2,3
2007	5	- 3,4
2008	49	+ 9,8
2009	43	- 0,9
2010	50	+ 1,2
2011	59	+ 1,2
2012	79	+1,3

темпы прироста или снижения получения взятки



ГОД	ФАКТЫ ДАЧИ ВЗЯТКИ (к предыдущему году)	ТЕМПЫ ПРИРОСТА (СНИЖЕНИЯ) (в разы)
2003	1	0
2004	1	1
2005	1	1
2006	3	3
2007	2	-0,7
2008	10	+5
2009	11	+1,1
2010	5	-0,5
2011	5	+1
2012	7	+1,4



ГОД	ФАКТЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ (к предыдущему году)	ТЕМПЫ ПРИРОСТА (СНИЖЕНИЯ) (в разы)
2003	0	0
2004	0	0
2005	0	0
2006	5	+5
2007	0	0
2008	4	+4
2009	5	-1,25
2010	5	+1
2011	6	+1,2
2012	3	-0,5

темпы прироста или снижения посредничества во взяточничестве

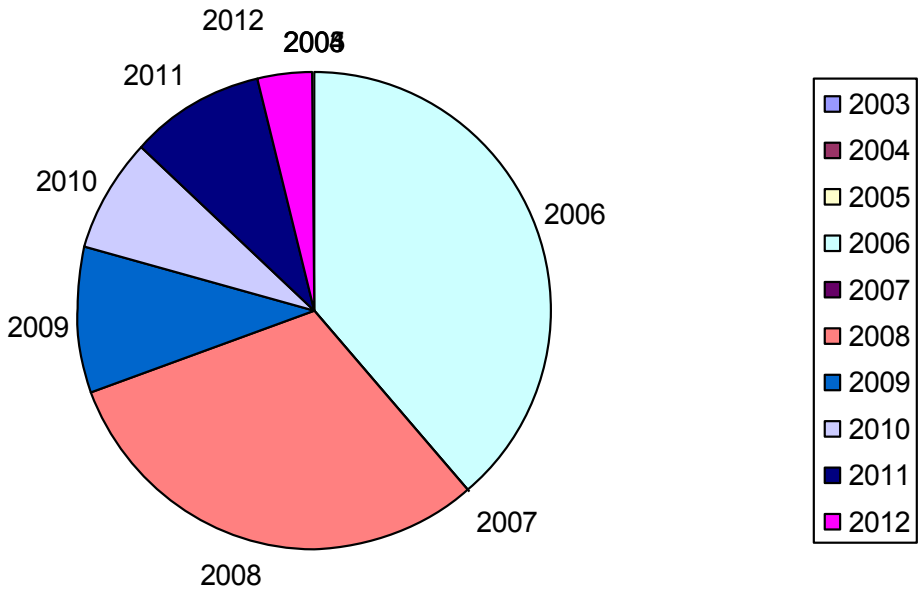


ТАБЛИЦА 2

Показатели злоупотребления должностными полномочиями

ГОД	ФАКТЫ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ (к предыдущему году)	ТЕМПЫ ПРИРОСТА (СНИЖЕНИЯ) (в разы)
2004	29	–
2005	32	+ 1,1
2006	25	- 0,8
2007	26	+ 1
2008	69	+ 2,7
2009	79	+ 1,1
2010	62	- 0,8
2011	56	- 0,9
2012	75	- 1,3

За последние 5 лет (с 2008 по 2012 гг.) значительно повысился также уровень такого корыстного преступления против государственной власти, как служебный подлог и такого

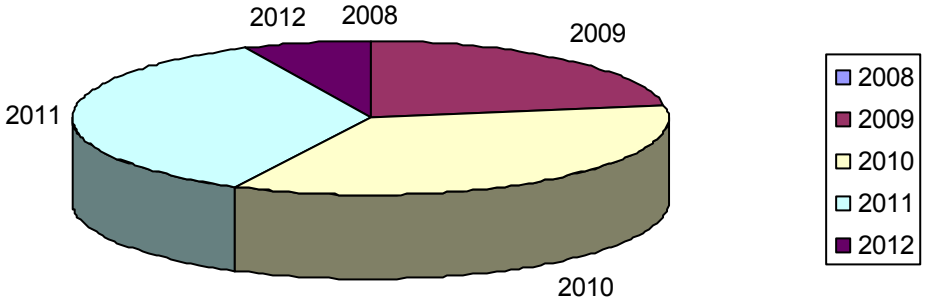
должностного преступления, как превышение должностных полномочий, хотя в целом они составляют лишь очень малую часть рассматриваемой группы преступлений (см.таблицу 3).

Таблица 3

Показатели превышения должностных полномочий и служебного подлога

ГОД	ФАКТЫ ПРЕВЫШЕНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ (к предыдущему году)	ТЕМПЫ ПРИРОСТА (СНИЖЕНИЯ) (в разы)	ФАКТЫ СЛУЖЕБНОГО ПОДЛОГА	ТЕМПЫ ПРИРОСТА (СНИЖЕНИЯ) (в разы)
2008	6	–	8	–
2009	7	+ 1,2	5	- 0,6
2010	3	- 0,4	5	0
2011	1	-0,3	5	0
2012	3	+ 3	1	- 0,2

темпы прироста или снижения служебного подлога

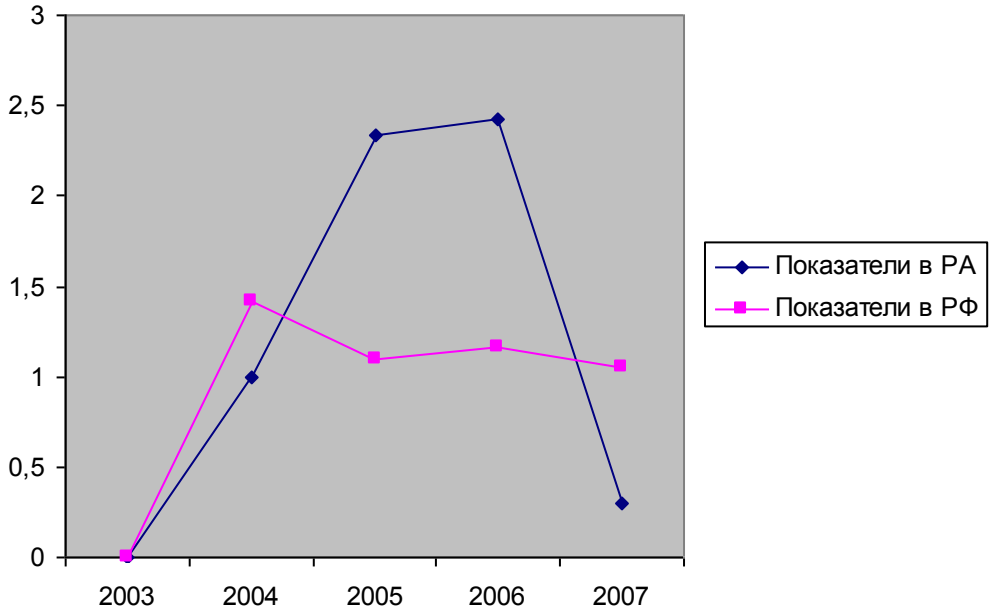


Динамика получения взятки (рассчитывается в тыс. населения), например, в России имеет следующие показатели[137]:

ГОД	ФАКТЫ ПОЛУЧЕНИЯ ВЗЯТКИ (к предыдущему году)	ТЕМПЫ ПРИРОСТА (СНИЖЕНИЯ) (в разы)
2003	**5,0**	**–**
2004	**7,1**	**+ 1,4**
2005	**7,8**	**+ 1,1**
2006	**9,1**	**+ 1,2**
2007	**9,6**	**+ 1,1**

[137] Криминология. 4-е издание, переработанное и дополненное // под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова, – Москва. 2009. Изд. – «Норма». Стр.410.

сравнительный график по фактам получения взятки в РФ и РА



Как следует из указанной таблицы, в РФ намечается рост получения взятки, хотя и в относительно малых темпах. Если сравнить полученные в указанной таблице и таблице 1 данные, то можно заметить, что за тот же период в РА вначале (2004-2006 гг.) тоже имеет место повышение уровня раскрываемости фактов получения взятки, причем в весьма больших темпах (уровень повышалась ежегодно в 2-3 раза). Однако в 2007 г. в РА резко снижается уровень раскрываемости фактов получения взятки – в 3 раза, а в последнее время, как в РФ, так и в РА уровень раскрываемости видов взяточничества продолжает расти, хотя и в малых темпах.

Выше было отмечено, что состояние любой преступности определяется не только общим количеством совершенных на конкретной территории и в тот или иной промежуток времени преступлений, но и количеством совершивших преступление на конкретной территории в конкретный период времени лиц.

Так, по изученным материалам судебно-следственной практики за период с 2003 по 2010 гг. в РА сложилась следующая картина.

Из общего числа совершивших корыстные преступления против государственной власти лиц, около 90% составляют лица мужского пола, а лишь 10% – женского пола.

По сравнению с проведенными учеными ранее исследованиями относительно случаев получения взятки, данный показатель за предыдущее десятилетие увеличился на 9%. Но если сравнить имеющиеся данные с более ранними показателями, то можно заметить, что в

период с 1982 по 1991 гг. процент женщин, осужденных ***только*** за взяточничество, составлял 45%[138]. В настоящее время лишь 10% лиц, осужденных за корыстные преступления против государственной власти ***в целом***, куда входят взяточничество (получение, дача, посредничество), злоупотребление должностными полномочиями, превышение должностных полномочий, служебный подлог вместе взятые, составляют женщины.

За последние десять лет несколько изменились также возрастные характеристики лиц, осужденных за совершение корыстных преступлений против государственной власти. Полученные результаты исследований необходимо сравнить с проведенными учеными ранее исследованиями. Так, в порядке 60% указанных преступлений совершаются лицами в зрелом возрасте (от 36 до 55 лет), 30% – в сравнительно молодом возрасте (от 25 до 35 лет) и лишь 11% рассматриваемых преступлений совершаются лицами преклонного возраста (от 56 до 65 лет). Изменения эти связаны с тем, что повысился показатель относительно лиц в возрасте от 25 лет (показатель здесь составляет 30%), а показатель относительно лиц в возрасте до 65 лет снизился (на 12%). Если сравнить эти показатели с исследованиями ученых за предыдущее десятилетие, то можно заметить, что в настоящее время данная группа преступлений имеет тенденции «омолаживания»[139].

Изменились также показатели образовательного уровня лиц, осужденных за корыстные преступления против государственной власти. Так, согласно исследованиям профессора С.Ш. Цагикяна, показатель образовательного уровня взяткополучателей в период с 1993г. по 2003г., по сравнению с последним десятилетием существования СССР, повысился с 71% до 80%. Проведенный в данной работе анализ показал, что за период с 2003 по 2013 гг. уровень образованности повысился с 80 до 86%. Причем, в своей работе профессор С.Ш. Цагикян отмечает, что уровень образованности взяткополучателей не менялся на протяжении нескольких лет и не доходил до 50%, а это свидетельствует еще и о том, что «взяточник стал более образованным и изощренным»[140].

Отметим, что сравнение с исследованиями С.Ш. Цагикяна проводится с учетом того, что исследования ученым проведены только на примерах взяточничества, а исследования, проводимые диссертантом, охватили более широкий спектр – корыстные преступления против государственной власти. Такого рода сравнительный анализ оправдан тем, что виды взяточничества сами по себе являются корыстными преступлениями против государственной власти, наряду со злоупотреблением должностными полномочиями, служебным подлогом.

---

[138] Цагикян С.Ш. // «Противодействие коррупции в Армении» // С.-П.: «Антарес». 2006. Стр.173.
[139] Цагикян С.Ш. // «Противодействие коррупции в Армении» // С.-П.: «Антарес». 2006. Стр.174.
[140] См. там же.

При исследовании совершающих преступления лиц необходимо учесть наличие или отсутствие факта судимости. Ведь именно данный факт позволяет определить состояние той или иной преступности в конкретный период на конкретной территории.

С учетом этого, показатели по рассмотренным судебно-следственным и статистическим материалам за последние десятилетия в РА ни один из лиц, подвергшихся уголовной ответственности за корыстные преступления против государственной власти, не имел судимости. Это вполне очевидно и объяснимо, поскольку все они являются должностными лицами. Только в редких случаях (от 1 до 3%) от общего числа выделяются лица, подвергшиеся уголовной ответственности за совершение тождественных преступлений. Самый высокий показатель (3%) лиц, имеющих судимость, был зарегистрирован в 2010 г. Из них 1% составляли лица, совершившие злоупотребление должностными полномочиями, ранее осужденные за корыстные преступления против государственной власти, а 2% – лица, совершившие служебный подлог, ранее осужденные за такого же рода деяния.

При изучении криминологических особенностей корыстных преступлений против государственной власти необходимо учесть, такой ее признак как распространенность. Так, выявление признака распространенности данной группы преступлений позволит нам определить ее специфические особенности в тех или иных регионах страны, специфику деятельности должностных лиц и служащих, что, безусловно, может стать основой разработки мер их предупреждения.

Итак, по результатам ежегодно проводимого международной организацией «Transparency International» социологического исследования «Барометр мировой коррупции», в Республике Армения корыстными преступлениями против государственной власти наиболее поражены система медицины и здравоохранения (24%), далее находятся правоохранительные органы (полиция – 21%, судебная система – 18%) и занимает система образования (12%).

Ситуация в РФ несколько иная: по степени пораженности корыстными преступлениями против государственной власти выделяются сначала вся правоохранительная система, затем социальная сфера и система здравоохранения и далее – система образования.

Результаты исследований показали, что ситуация за последние десять лет особо не изменилась. Так, исследования профессора Г.А. Сатарова на 2002 год показали, что из 46% опрошенных граждан указали на то, что пользуются услугами обычных поликлиник, из них

34% сталкивались с ситуацией необходимости дополнительных неформальных выплат в тех случаях, когда имеется дефицит этих услуг или когда эти услуги очень низкого качества[141].

Вне зависимости от того, какие именно сферы социальной жизни больше всего поражены корыстными преступлениями против государственной власти, социальные последствия данной группы преступлений весьма многочисленны и различны и включают в себя несколько аспектов: материальные, моральные, политические и др. К основным и обязательным характеристикам социальных последствий большинства преступлений ученые относят три признака:

1. многообъектность;
2. неустранимость;
3. относительная изменчивость.

Эти характеристики социальных последствий, как уже было отмечено, относятся к большинству преступлений, в том числе и корыстным преступлениям против государственной власти.

Особенности указанных признаков социальных последствий преступности рассматриваются в работе многоуважаемого профессора С.Ш. Цагикяна «Противодействие коррупции в Армении» применительно к коррупции. Но поскольку, корыстные преступления против государственной власти, как отмечалось в предыдущих параграфах данной работы, являются составной частью коррупционных проявлений, то представляется целесообразным вкратце раскрыть каждый из указанных выше признаков.

Многообъектность, как признак социальных последствий означает нарушение не только нормальной деятельности государственного аппарата, но и конституционные принципы верховенства закона, социальной справедливости и неотвратимости наказания. Следует согласиться с утверждением профессора С.Ш. Цагикяна относительно того, что коррупционными проявлениями (корыстными преступлениями против государственной власти в том числе) «ограничиваются конституционные права и свободы человека и гражданина,…уничтожаются духовные, моральные и общественные ценности, подрывается авторитет государства и причиняется вред демократическим основам правления обществом»[142].

Естественно, как и любое другое преступление, корыстные преступления против государственной власти также наносят ущерб различным интересам, в первую очередь интересам службы. Но в зависимости от степени распространения корыстных преступлений

---

[141] Г.А. Сатаров / «Диагностика российской коррупции: социологический анализ» / Фонд ИНДЕМ, Москва. 2002. Стр.18.
[142] Цагикян С.Ш. // «Противодействие коррупции в Армении» // С.-П.: «Антарес». 2006. Стр.56.

против государственной власти, меняется и такой показатель как тяжесть последствий. «Неудержимое распространение коррупции, резкое ухудшение социально-экономического состояния страны, ее жизнедеятельности меняют сознание людей. Неуважение к закону, власти, честному труду, безразличие к судьбам других людей, отрицание человеческих ценностей и национальных интересов становятся нормой жизни подавляющего большинства населения»[143].

Так, социологические исследования показали, что около 67% опрошенных предпринимателей выразили готовность оплатить требуемую взятку. Лишь 21% опрошенных высказали мнение, что не оплатят взятку, из коих 84% отметили, что другого варианта получения услуги не имеется. Из лиц, согласных дать взятку, лишь 6% сообщили о том, что в любом случае попытались бы достичь договоренности о получении услуг за более низкие цены[144].

Аналогична и ситуация в России: около 60% опрошенных предпринимателей согласны дать взятку, причем 44% из числа опрошенных предпринимателей сообщили о том, что взяток можно избежать, но с ними делать дела легче. 30% из числа опрошенных лиц, которые отказались дать взятку, указали на то, что причиной отказа является то, что сумма взятки для них была слишком дорогой (в РФ)[145].

Следовательно, в зависимости от того, насколько высок уровень и степень распространенности коррупционных проявлений (в особенности корыстных преступлений против государственной власти) в стране, настолько и становятся тяжкими социальные последствия указанной группы преступлений.

В силу многообъектности социальных последствий корыстных преступлений против государственной власти меры, предпринимаемые для их устранения, не могут полностью компенсировать причиненный ими материальный и моральный ущерб. В этом и проявляется ***относительная неустранимость*** социальных последствий корыстных преступлений против государственной власти. В тех странах, где полностью воцарились противоправность, незаконность, низкий уровень жизни, обстановка недоверия государству, где имела место социальная дезорганизация общества – устранить последствия корыстной преступности против государственной власти практически невозможно.

---

[143] См. там же. Стр.57.

[144] «Коррупция в Армении. Исследование домашнего хозяйства и предприятий 2009г.» / Программа мобилизации антикоррупционной деятельности USAID. Стр.45-46. http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/projects/corruption_2008_2010/2009_Corruption_Survey_Report_Armenian.pdf

[145] Г.А. Сатаров / «Диагностика российской коррупции: социологический анализ» / Фонд ИНДЕМ, Москва. 2002. Стр.12, 18.

Относительная изменчивость последствий корыстных преступлений против государственной власти означает, что нанесенный корыстными преступлениями против государственной власти ущерб является категорией динамичной, переменной. Корыстные преступление против государственной власти, как было отмечено выше, приводят к моральной дезорганизации общества, меняя сознание и психологию людей[146].

Таким образом, изучение состояния, уровня, динамики, а также определение степени распространенности, т.е. криминологических особенностей корыстных преступлений против государственной власти, имеет существенное значение в деле предупреждения отмеченной группы преступлений.

В перечне основных направлений борьбы со всеми видами преступлений, в том числе и корыстными преступлениями против государственной власти, можно выделить в качестве главной меры коррекцию законодательства, поскольку большинство других мер противодействии преступлений (в том числе и рассматриваемой группы) связаны с изменением законодательства или принятием новых законов и подзаконных актов.

Итак, важным фактором, способствующим росту корыстных преступлений против государственной власти, является несовершенство законодательства. Однако этой проблеме во многих исследованиях, посвященных борьбе с коррупцией, не уделяется должного внимания. Все же некоторые ученые обратились к этой проблеме. Так, например, в работе «Предотвращение и борьба с коррупцией» криминолога Д. Шнайдера говорится, что «коррупция может возникать как из-за пробелов в законодательстве, так и вследствие усложненных и трудно применимых на практике норм права»[147]. Необходимость усовершенствования законодательной базы по части антикоррупционной политики заключается в стремлении минимизировать **легальные условия**, содержащие коррупционные риски.

Можно выделить ряд основных пробелов законодательства, первым в числе которых является то, что **существующие нормы права обеспечивают слишком большой спектр альтернативных возможностей для должностного лица, дают ему широкий выбор между различными вариантами поведения по своему усмотрению, то есть налицо дискреционные полномочия.**

Проведенные нами исследования подтверждают выше изложенное.

Так, например, санкция ст.308 УК РА («Злоупотребление должностными полномочиями») устанавливает альтернативные виды наказаний: штраф 200-300-кратном

---

[146] Цагикян С.Ш. // «Противодействие коррупции в Армении» // С.-П.: «Антарес». 2006. Стр.57.
[147] «Антикоррупционная политика. Учебное пособие» // под ред. Г.А. Сатарова //Изд. – Фонд Индем. М. 2004. Стр.268.

минимальному размеру оплаты труда, либо лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком максимум до 5-и лет, либо арестом от 2-х до 3-х месяцев, либо лишение свободы сроком максимум до 5-и лет.

Несмотря на то, что в главе 10 УК РА «Назначение наказания» установлены принципы назначения наказаний, тем не менее, положения о назначении наказаний являются не конкретизированными, и вопрос о мере наказания остается на усмотрении судей. Так, на практике можно выделить случай, когда судом за получение незаконного вознаграждения в размере 7 950 000 драм (15 000$) назначено было наказание в виде штрафа 200-кратном минимальному размеру оплаты труда (200 000 драм). Такое же наказание было назначено судом и в другом случае получения незаконного вознаграждения, почти в 2 раза превышающего вышеуказанную сумму. С этой точки зрения можно считать, что при квалифицированном виде деяния назначено такое же наказание, что и в случае простого состава. На практике можно выделить и случай, когда судом за получение незаконного вознаграждения в размере 8000 драм назначено было наказание в виде штрафа 400-кратном минимальному размеру оплаты труда (400 000 драм). Более мягкое наказание (300 000 драм) было назначено судом и в другом случае получения незаконного вознаграждения, сумма которого ***в 6 раз*** превышала размер вышеуказанной суммы. Из приведенного примера видно, что на практике возможны случаи, когда за совершение более тяжкого деяния назначается более мягкое наказание.

Задача политики борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти в данной сфере представляется намного более сложной, чем, просто полная ликвидация свободного усмотрения. Задача состоит, во-первых, в минимизации таких возможностей, а во-вторых, в компенсировании их жесткими процессуальными нормами и эффективностью института судебного обжалования. При такой постановке вопроса особое значение имеют решения Кассационного суда РА, которые носят прецедентный характер. Указанная выше проблема в определенной степени разрешилась в связи с введением Судебного Кодекса РА от 21 февраля 2007 года, который в ч.1 ст.50 («Цель деятельности и правомочие Кассационного Суда РА») установил в качестве цели Кассационного Суда обеспечение ***единообразного*** применения закона. С рассматриваемой точки зрения наиболее тяжелой по данной проблеме ситуация была в период с 1998 по 2008 гг. Ведь до 1998 г. все еще действовали наследованные от советской системы правосудия механизмы: Пленум Верховного Суда РА все еще был вправе давать разъяснения законов, которые были обязательны для всех судов РА. Несмотря на некоторые недостатки этих механизмов, тем не

менее, судебная практика была едина, снизилась возможность судебных ошибок при применении законов[148].

Почву для злоупотреблений, нарушений или взяток создавали нормы, регулирующие деятельность не только судебных органов, но и правоохранительных.

Так, до 2008 г. существовала серьезная проблема, указывавшая на отсутствие четко определенной грани между органами, входящими в целом в систему правоохранительных. Невозможно было определить, какой именно орган правоохранительной системы уполномочен возбудить какое конкретно дело и осуществить уголовное преследование. Так, ст.103 Конституции РА до 2005 г., признавая Генеральную Прокуратуру единым централизованным органом, которым руководит генеральный прокурор, оставляла за прокуратурой право возбуждать уголовное преследование в случаях и порядке, прямо предусмотренных законом. Причем, прокуратуре Конституцией было дано право только возбуждать уголовное преследование, а не реализовывать его. До проведенных изменений в УПК РА ст.189 («Органы предварительного расследования») противоречила Конституции РА в части, согласно которой предварительное расследование по уголовным делам могли осуществлять следователи прокуратуры, полиции и национальной безопасности. Однако такое несоответствие УПК РА Конституции было устранено путем изменения ст.189 УПК РА, внесенного 28 ноября 2007 г. Этим изменением к органам предварительного расследования были отнесены следователи специальной следственной службы[149].

Кроме того, с рассматриваемой точки зрения российское законодательство имеет еще одно весьма не маловажное преимущество. Дело в том, что в РФ принят Федеральный Закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г. №273-ФЗ, который устанавливает правовые основы и принципы противодействия коррупции, меры по профилактике коррупции; регулирует проблемы, связанные с возникновением конфликта интересов на государственной и общественной службе, права, обязанности и ограничения лиц, замещающих определенные должности.

В РА такого закона не имеется, хотя существует необходимость в его принятии.

Следующим основным пробелом законодательства является отсутствие регулирующих поведение должностного лица правовых норм.

В развитых правовых системах данная проблема получает разрешение за счет высокого уровня правосознания госслужащего, понимающего: принцип «все, что не

---

[148] А. Тонапетян, А. Алумян, А. Григорян /«Анализ норм действующих в РА законов, порождающих коррупцию»./ Изд. – «Центр борьбы с терроризмом». Ер. 2005. Стр.11.
[149] А. Тонапетян, А. Алумян, А. Григорян /«Анализ норм действующих в РА законов, порождающих коррупцию»./ Изд. – «Центр борьбы с терроризмом». Ер. 2005.. Стр.27.

запрещено, то дозволено» не относится к публичным служащим (служащим государственных и муниципальных органов), обладающим властными полномочиями, за пределы которых чиновники не должны выходить. В развитых демократических правовых обществах чиновник также осознает, что указанный принцип распространяется только на тех субъектов права, кто не обладает служебными полномочиями, то есть тех, кто сам решает, реализовывать или не реализовывать принадлежащее ему субъективное право.

Очень точно в «Своде правил поведения прокуроров» регулируются вопросы относительно ответственности прокуроров за нарушение установленных правил поведения[150]. Такой подход превращает нормы, закрепленные в «Своде правил поведения прокуроров», в императивные. Принятие же морально-нравственных норм, не устанавливающих ответственности за их нарушение или устанавливающих лишь меры морального воздействия, не только свидетельствовало бы об очень низкой степени их эффективности, но и превратило бы их в фикцию.

Представляется необходимостью разработка аналогичных механизмов ответственности за нарушения этических норм поведения, как для судей, так и для прокуроров и иных служащих РА и РФ. Можно пойти и по принципу сочетания мер морального воздействия с юридическими мерами ответственности. По такому принципу изложены нормы об ответственности в «Кодексе этики и служебного поведения федерального государственного гражданского служащего органов прокуратуры РФ»: в качестве мер ответственности за нарушение положений указанного Кодекса указываются ***меры морального воздействия*** (устное замечание, предупреждение о недопустимости неэтичного поведения, требования о публичном извинении и другие) либо в специально предусмотренных законами случаях – ***меры юридической ответственности***.

На пути реализации целого ряда общесоциальных мер предупреждения корыстных преступлений против государственной власти, как в РФ, так и в РА большое значение будет иметь и создание аналогичных морально-этических норм, устанавливающих правила поведения дознавателей, следователей и иных работников системы правоохранительных органов.

Третьим основным пробелом является наделение органов исполнительной власти (правительство и ведомства), а также должностных лиц правом принимать подзаконные нормативные акты либо отсутствие запрета на такое право. В данном контексте можно обозначить либо отсылочные нормы в законах (например, «порядок реализации такого-то права определяется Правительством»), либо слишком обобщенное

[150] Ч.1 ст.47 Закона РА «О прокуратуре» от 22.02.2007г.

законодательное регулирование того или иного общественного отношения, что зачастую делает невозможным реализацию гражданами своих прав без надлежащей ведомственной конкретизации.

В контексте рассматриваемой нами проблемы интересным является опыт зарубежных государств, который показывает следующее.

Как в РА, так и в РФ, не имеется единого закона или хотя бы отдельных законов в различных сферах общественной жизни, устраняющих либо, по крайней мере, снижающих коррупционные риски[151]. Так, например, в США имеется целый ряд подобных отдельных законов: закон об административных процедурах, закон о борьбе со злоупотреблениями во внешнеэкономической деятельности, закон об этике государственной службы, закон о защите осведомителей, законы о ненадлежащих претензиях, законы о свободе информации и о гласности в работе правительства, законодательство о борьбе с отмыванием денег, законодательство о защите чести и достоинства и т.д.

В государстве, где есть *система сдержек и противовесов*, есть взаимозависимости и ограничения ветвей власти, никакие государственные институты не располагают монопольной полнотой власти. В наиболее законченном виде этот принцип воплощен в структуре власти в США, однако и при парламентарной демократии в определенной мере имеет место некоторое разделение полномочий. Согласно законодательству США процесс создания органами исполнительной власти того или иного акта должен быть подконтролен общественности. Правительственные ведомства США обязаны сообщать о своих намерениях относительно выработки очередных регулирующих актов принимать во внимание мнение достаточно широкого круга общественности, как отдельных лиц, так и групп лиц, а также в специальном заявлении обосновывать суть и цели готовящегося акта. Новый регулирующий акт может быть оспорен в суде, если он был принят с нарушениями процедурных норм или если его конечный вариант не соответствует действующему законодательству[152].

В Германии, напротив, парламентарная система меньше контролирует исполнительную власть в процессе выработки подзаконных актов, однако и здесь порядок применения отдельными землями нормативных и регулирующих актов общефедерального значения должен быть одобрен верхней палатой парламента, которая представляет органы власти земель[153].

---

[151] За исключением принятого в РФ Федерального Закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008г. №273-ФЗ.

[152] С. Роуз-Аккерман /«Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. Перевод с английского О.А. Алякринского»/ Изд. – Логос. М. 2010. Стр.193-194.

[153] См.там же. Стр.195.

Упорядочение системы, структуры и функций органов исполнительной власти – это одна из общесоциальных мер предупреждения корыстных преступлений против государственной власти. Эта мера означает не только изменения и реформы, но и постоянное изучение исполнительной власти, чьи система, структура и функции не могут быть неизменными. Такой подход предполагает постоянное общественное и государственное внимание к органам исполнительной власти. В направлении реализации данной меры ни в РА, ни в РФ не сделано никаких шагов. Эта мера вытекает непосредственно из анализа политических систем со слабыми законодательными органами. Так исследуя латиноамериканские системы, можно прийти к выводу о том, что там наиболее сильны исполнительные ветви власти. Вследствие того, что законодательные органы в странах Латинской Америки имеют слабое влияние, в органах исполнительной власти процветает коррупция[154].

Указанные выше примеры зарубежных государств, показывают, что реформа административного законодательства является одной из важнейших общесоциальных мер предупреждения корыстных преступлений против государственной власти.

При исследовании и внедрении опыта зарубежных государств в национальную правовую сферу, не следует забывать национальные особенности и реальную действительность соответствующего государства.

Важной мерой предупреждения всех корыстных преступлений против государственной власти является формирование эффективного механизма *контроля над процессом распределения и расходования бюджетных средств*. В данной сфере корыстные преступления против госвласти получают максимально опасный характер, поскольку махинации с бюджетными средствами ставят под удар в первую очередь социальные функции государства, а, следовательно, ущемляют интересы наиболее уязвимых слоев общества. И поэтому еще издревле существовал институт контроля за расходованием «казенных денег». Смысл предупредительных мер в этом направлении заключается в поиске и применении все более эффективных форм и методов контроля. Необходимо подчеркнуть, что в данном контексте в РА и РФ реализованы практически все выделяемые ранее учеными необходимые меры:

1. установление максимально дифференцированной бюджетной классификации. Ведь, чем в более общей форме в законе о федеральном бюджете (и актах о бюджетах других органов) закреплены расходные статьи, тем больше появляется возможностей для манипулирования бюджетными средствами;

---

[154] С. Роуз-Аккерман /«Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. Перевод с английского О.А. Алякринского»/ Изд. – Логос. М. 2010. Стр.196.

2. введение механизмов финансовой прозрачности при расходовании бюджетных средств государственными, муниципальными органами и учреждениями (принципы составления смет и их исполнения);

3. введение системы специализированных мер ответственности в отношении должностных лиц за нарушения при использовании бюджетных средств, а также персональной ответственности должностных лиц в сфере распоряжения вверенными им средствами и имуществом;

4. обеспечение прозрачности государственных или муниципальных закупок и заказов, а также прозрачности проведения конкурсов;

5. законодательное ужесточение требований к финансовой отчетности государственных, муниципальных предприятий;

6. расширение функций и полномочий антимонопольных органов;

7. придание Счетной палате статуса основного органа государственного финансового контроля за расходованием бюджетных средств с расширением ее властных полномочий;

8. ликвидация институтов «уполномоченных банков»;

9. ликвидация института внебюджетных фондов[155].

Направление укрепления ***судебной власти*** не является универсальной, поскольку оно действует не во всех странах. Это означает, что в развитых странах проблемы укрепления судебной власти вовсе не существует. Такая проблема стоит перед странами с переходной экономикой. Укрепление судебной власти подразумевает сразу два равноценных направления: снижение уровня корыстных преступлений против государственной власти в самой судебной системе и правовую эффективность этой системы в борьбе с указанными преступлениями «вовне».

Так, например, в Италии независимые магистраты сыграли ключевую роль в проведении недавних антикоррупционных расследований. В Индии Верховный суд настоял на расследовании случаев коррупции, которые правительство пыталось скрыть. Тогда суд освободил премьер-министра от должности, оставаясь на которой он бы мог контролировать следствие. В Испании верховный суд принудил чиновников обнародовать информацию о тайных махинациях с банковскими счетами министерства внутренних дел. Суд здесь также настоял на том, что в данном случае неприкосновенность, которой пользуются испанские государственные чиновники, неприемлема, поскольку речь идет о возможности сокрытия ею преступной деятельности, в которой подозреваются чиновники. В Корее апелляционный суд

---

[155] S. Tsaghikyan, A. Alekyan «The basic criteria of anticorruption policy» // Ардарадатутюн. 2010. Март 3 (1). // ГНКО «Юридический институт Министерства Юстиции Республики Армения», МинЮст РА. Изд. ООО «Самарк», Ер.: 2010. Стр. 77-80.

поддержал обвинение в коррупции, выдвинутое против двух экс-президентов страны[156]. Таким образом, честная и авторитетная судебная система имеет особое значение для борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти на правительственном уровне и для обеспечения законности в стране.

К числу мер предупреждения корыстных преступлений против государственной власти относятся также:

1. необходимость обучения государственных должностных лиц,

2. просветительская кампания и расширение доступа граждан к информации;

3. проведение политики тщательного отбора кандидатов на должности государственных и иного рода служащих;

4. увеличение роли парламента. Практически все европейские страны имеют высшие аудиторские палаты и институты омбудсмена, ответственные перед парламентом, осуществляющие контролирующие функции и функции борьбы с корыстными преступлениями. Слаба реакция парламента на инициативы и отчеты омбудсменов относительно нарушенных прав и законных интересов граждан, являющихся следствием корыстных преступлений против государственной власти, а меры обычно недостаточны. Депутаты могут быть слабо заинтересованы в принятии законов, несущих в себе конфликт интересов или в расследовании заявлений о корыстном поведении членов парламента и министров, являющихся их коллегами по партии. Укрепление потенциала парламентов, институтов парламентского контроля и надзора является составной частью мер предупреждения корыстных преступлений.

5. необходимы коалиции, формирующиеся учеными, средствами массовой информации и профсоюзами. «Такие коалиции проводят просветительские кампании и мероприятия, помогают в процессе исследований и разработки законодательства. Такая коалиция существует, например, по направлению борьбы с коррупционными преступлениями – Антикоррупционная инициатива в рамках Пакта за стабильность Совета Европы, благодаря которой разрабатываются последовательные национальные стратегии, программы и планы действий по борьбе с коррупцией»[157]. В деле предупреждения корыстных преступлений против государственной власти также могут и должны создаваться такого рода коалиции.

---

[156] С. Роуз-Аккерман /«Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. Перевод с английского О.А. Алякринского»/ Изд. – Логос. М. 2010. Стр.201-202.

[157] Проект Программы развития ООН /«Борьба с коррупцией в пост-коммунистических государствах: уроки практики»/ Разработанна Региональным центром поддержки в Братиславе в сотрудничестве с Институтом открытого общества, Будапешт Братислава. 2002. Стр.12.

6. единый орган по противодействию корыстных преступлений против государственной власти. Направлениями его деятельности должны стать не только корыстные преступления против государственной власти, но и коррупционные преступления. Этот орган не должен входить в структуру правоохранительных органов, поскольку важной гарантией его независимости является подотчетность его президенту и парламенту[158].

Некоторое отсутствие функциональной и институциональной обособленности в указанной сфере не означает сведения на нет в РА и РФ в целом борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти. Правоохранительные органы и спецслужбы занимаются выявлением и расследованием как корыстных преступлений против государственной власти, так и коррупционных преступлений и привлечением должностных лиц и служащих к ответственности. Периодически появляются законы и подзаконные нормативно-правовые акты, ликвидирующие некоторые способствующие корыстным преступлениям против государственной власти условия. Однако ни «репрессивной», ни «предупредительной» деятельностью необходимая результативность часто не достигается. Поэтому решением создавшейся проблемы может стать существующая в мире одна из трех концепций формирования специализированного органа. Первая предполагает создание специализированного полицейского ведомства (или спецслужбы) по борьбе с рассматриваемыми видами преступлений.

Представляется, что в России и Армении в настоящее время концепция по созданию нового правоохранительного органа не является целесообразной ввиду того, что, во-первых, нежелательно совмещать сугубо полицейские функции с иными; во-вторых, акцент на «полицейской» функции нового органа может вызвать серьезное неприятие со стороны уже действующих правоохранительных органов и спецслужб. Это представляет собой значительную опасность с учетом того, что полицейская система РА и РФ нуждается в определенном институциональном, функциональном и кадровом усовершенствовании и появление еще одного элемента только усложнит и усугубит процесс реформирования. И, в-третьих, статус правоохранительного органа наделяет его возможностью осуществления оперативно-розыскной деятельности и предварительного следствия. В таком случае специализированный орган в качестве полицейской структуры (или спецслужбы) окажется под контролем прокуратуры, что нивелирует его основные функции. Посему корректнее выглядит наделение данного органа контрольными функциями, чтобы у него была

[158]См. там же. Стр. 13-18.

возможность выявления и расследования злоупотреблений и иных корыстных преступлений в деятельности самой прокуратуры.

Вторая концепция предполагает создание именно координационного гражданского органа.

Реализация такой концепции в государствах с переходной экономикой окажется малоэффективной. Это объясняется тем, что в таких странах в основном царит обстановка недоверия общества к правоохранительной и судебной системе. К тому же в таких государствах общество обладает низким уровнем правосознания, а это означает, что в большинстве случаев, как показали проведенные в предыдущих параграфах данной диссертационной работы исследования, граждане, будучи неосведомленными в законах и не доверяя государству, избегают обращений к правоохранительным и судебным органам для разрешения имеющихся у них проблем. Именно поэтому в таких странах, как Россия и Армения, создание координационного гражданского органа будет в меньшей степени эффективным. Хотя важно отметить, что и в РФ, и в РА, уже начался процесс становления гражданского общества.

Третья концепция, представляется наиболее правильной. Предполагается создание независимых специализированных по корыстным преступлениям против государственной власти комиссий или же назначение отдельных ревизоров, подчиняющихся напрямую только главе исполнительной власти или парламенту (причем, в РА и в РФ правильным является их подчинение парламенту). Такой подход был применен в деле борьбы с коррупционными преступлениями такими добившимися успеха в данной сфере государствами, как Сингапур и Гонконг. В этих государствах расследование коррупционных проявлений сопровождалось созданием высшего независимого судебного органа, работающего по строгим правилам, а также занимающегося реформами государственной службы.

В 60-ые годы в Гонконге процветала коррупция и носила системный характер. Вследствие имевшего место громкого скандала, в который был вовлечен один из высших полицейских чиновников, губернатор перешел к конкретным действиям. В 1974 г. была учреждена независимая от местной полиции комиссия по борьбе с коррупцией, которая подчинялась только непосредственно губернатору. В прямые обязанности комиссии входило расследование случаев коррупции, разработка юридических и административных рекомендаций по проведению реформ, способных снизить побудительные стимулы к взяточничеству, а также проведение широкой информационно-просветительской

кампании[159]. Механизм назначения членов комиссии и ее структура, строгая регламентация ее функциональных обязанностей, социальное и материальное обеспечение сотрудников стали гарантией независимости этого органа. Так, члены комиссии назначались губернатором сроком на шесть лет без права переизбрания и подотчетны были только губернатору после тщательной проверки их репутации. Сотрудники комиссии же принимались по контракту на два с половиной года. Сотрудники комиссии находились под неустанным наблюдением. Структура комиссии полностью соответствовала ее трем функциям. В структуре имелись 3 функциональные подразделения: департамент превенции коррупции, департамент негласного сыска и департамент по связям с общественностью. С целью предотвращения злоупотреблений в самой комиссии был создан механизм контроля над деятельностью комиссии со стороны гражданских совещательных комитетов[160]. Такой подход изменил общественное мнение и вернул доверие общества к государству.

Не менее интересен опыт Сингапура. Дело в том, что после Второй мировой войны все государственные чиновники получали очень низкую заработную плату, а их деятельность контролировалась очень слабо. В 1959 г. к власти пришла Партия народного действия, которая объявила борьбу с коррупцией своей основной задачей. Правительство в лице правящей партии усилило существующее Бюро по расследованию коррупционной деятельности, которое с 1970 г. стало подчиняться непосредственно канцелярии премьер-министра[161].

Имеющиеся успешные национальные модели по борьбе с коррупционными преступлениями могут послужить примером в деле борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти. Однако нельзя просто взять пример у одной страны и непосредственно применить в другой, поскольку правовые и социальные условия в различных регионах и странах существенно отличаются. Ведь в странах с хрупкой демократией внедрение жесткой, силовой структуры может принести больше вреда, чем пользы[162].

Отметим, что в настоящее время и у РФ, и у РА появилась обязанность создания специализированного органа по борьбе с коррупцией, что подтверждается подписанной и

---

[159] С. Роуз-Аккерман /«Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. Перевод с английского О.А. Алякринского»/ Изд. – Логос. М. 2010. Стр.213.
[160] Цагикян С. Ш./«Противодействие коррупции в Армении»/ Изд. – «Антарес». СПб. 2006. Стр.247-248.
[161] С. Роуз-Аккерман /«Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. Перевод с английского О.А. Алякринского»/ Изд. – Логос. М. 2010. Стр.213.
[162] Проект Программы развития ООН /«Борьба с коррупцией в пост-коммунистических государствах: уроки практики»/ Разработанна Региональным центром поддержки в Братиславе в сотрудничестве с Институтом открытого общества, Будапешт Братислава. 2002. Стр. 18.

ратифицированной РФ и РА Конвенцией ООН против коррупции от 31.10.2003 г., которая в ст.6 устанавливает обязательство государств-участников создания такого органа[163].

7. усиление роли отдельных структур и осуществление международного сотрудничества.

В РА и в РФ пока еще не реализованы указанные выше меры предупреждения корыстных преступлений против государственной власти.

Таким образом, и в РА, и в РФ делаются первые шаги в деле предупреждения и сдерживания видов корыстных преступлений против государственной власти. С рассматриваемой точки зрения пока что приоритетной, как показал анализ реализованных мер борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти, является такая общесоциальная и необходимая мера предупреждения, как коррекция законодательства. В особенности в РА делаются также шаги в направлении активизации гражданских инициатив и усиления международного сотрудничества. Только при наличии соответствующей сильной законодательной базы, развитого, с высоким уровнем правосознания общества и соответствующей поддержке международного сообщества и организаций остальные меры предупреждения корыстных преступлений окажутся эффективными и возможными. При этом, не следует забывать, что для реализации вышеуказанных мер сдерживания корыстных преступлений против государственной власти, необходимы не только наличие в государстве соответствующего законодательства, но и своевременное его исполнение со стороны государства, т.е. необходима ***политическая воля*** соответствующего государства. В случаях отсутствия политической воли государства непременно должна возрасти роль общества в борьбе с рассматриваемыми видами преступлений. Ведь развитое гражданское общество – это важнейшее средство контроля деятельности органов публичной власти.

[163] Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. Сб.документов / /Сост. В.С. Овчинский // М.: ИНФРА-М, 2004. Стр.50-51.

§2. Значение гражданских инициатив и международного сотрудничества в деле борьбы корыстных преступлений против государственной власти

Из ряда общегосударственных мер предупреждения корыстных преступлений против государственной власти, приведенных в предыдущем параграфе, особое значение имеют две:

1. создание и активизация гражданского общества;

2. международный опыт в борьбе с корыстными преступлениями против государственной власти в контексте международного сотрудничества.

При рассмотрении тех или иных проблем корыстных преступлений против государственной власти были приведены многочисленные примеры других государств удачного их разрешения.

С этой точки зрения представляется, что внедрение опыта зарубежных государств в деле борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти может осуществляться только в форме международного сотрудничества. Международное сотрудничество в рассматриваемой сфере ведется на различных уровнях: как на межправительственном, так и на неправительственном уровнях. Ключевыми направлениями борьбы с корыстными преступлениями против госвласти являются:

- межгосударственный обмен опытом в деле предотвращения коррупции;
- уголовное преследование за коррупционные преступления;
- разработка специальных международных норм не только рекомендательного, но и обязательного характера;
- взаимное правовое содействие в проведении расследования и судебного рассмотрения дел.

В деле борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти особо из ряда международных организаций могут быть выделены следующие: Организация Объединенных Наций (ООН), Программа развития ООН (ПРООН), Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР, OECD), Совет Европы (Counsil of Europe), Transparency International (TI), Группа государств по борьбе с коррупцией (Group of States Against Corruption, GRECO), Американское агентство по международному развитию (USAID), а также Всемирная Торговая Организация, Ассоциация американских юристов (American Bar Association, ABA).

Роль международного сообщества в деле борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти значительно велика. Так, указанными выше международными организациями вводится в действие целый ряд международно-правовых

норм, которые после их ратификации странами участниками становятся обязывающими и требуют последующих действий на национальном уровне[164].

К примеру, одним из первых международных документов в рассматриваемой области является принятая Генеральной Ассамблеей ООН резолюция от 15 декабря 1975 года, которая осуждает «все виды коррупции, включая взяточничество, практикуемое транснациональными и другими корпорациями, их посредниками и другими причастными к этому сторонами в нарушение законов и правил принимающих стран» и призывает «правительства в рамках их национальной юрисдикции предпринять все необходимые меры для предотвращения подобной коррупции и наказания правонарушителей». Далее VIII Конгресс ООН в Гаване (1990 г.) в своей резолюции, озаглавленной «Коррупция в сфере государственного управления», сформулировал основополагающее руководство «Практические меры борьбы с коррупцией», где констатируется следующий постулат: поскольку коррупция среди государственных должностных лиц может затруднить развитие и создать угрозу для отдельных лиц и групп лиц, в высшей степени важно, чтобы все государства проанализировали адекватность своего уголовного законодательства, разработали необходимые меры для предупреждения коррупции, разработали правовые положения для конфискации приобретенных в результате коррупции средств и имущества, приняли надлежащие меры в отношении предприятий, причастных к коррупции. Итак, можно выделить целый ряд других антикоррупционных международных и документов, ратифицированных как в РА, так и в РФ.

Так, например, в 2002 г. Региональным Центром поддержки в Братиславе в сотрудничестве с Институтом открытого общества были разработаны практические меры борьбы с корыстными преступлениями, которые изложены в соответствующем Проекте ПРООН «О борьбе с коррупцией в пост-коммунистических государствах: уроки практики».

Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 г. принята Конвенция ООН против коррупции, в основе которой лежит Конвенция ОЭСР против взяточничества. «Конвенция ОЭСР стала ценным орудием давления на правительства и законодателей с целью вовлечения их в эффективную борьбу с коррупцией в своих странах с использованием новых правовых инструментов» – так характеризуется указанная Конвенция в Проекте Программы развития ООН[165].

---

[164] Проект Программы развития ООН /«Борьба с коррупцией в пост-коммунистических государствах: уроки практики»/ Разработанна Региональным центром поддержки в Братиславе в сотрудничестве с Институтом открытого общества. Будапешт, Братислава. 2002. Стр.34.

[165] Проект Программы развития ООН /«Борьба с коррупцией в пост-коммунистических государствах: уроки практики»/ Разработанна Региональным центром поддержки в Братиславе в сотрудничестве с Институтом открытого общества, Будапешт, Братислава. 2002. Стр.7.

Отметим, что и РФ, и РА, являясь странами-участниками данной Конвенции подписали и ратифицировали ее: РФ подписала 9 декабря 2003 г., ратифицировала 6 мая 2006 г., РА подписала 19 мая 2005 г., ратифицировала 23 октября 2006 г.

Указанный международно-правовой документ имеет особое значение, поскольку в нем:

1. устанавливаются общие принципы антикоррупционной политики,

2. определены конкретные меры предупреждения коррупции в публичном и в частном секторе,

3. дается конкретный перечень и четкое описание входящих в него корыстных деяний, носящих коррупционный характер,

4. регулирует некоторые вопросы правоохранительной деятельности в сфере расследования данной группы преступлений;

5. регулируются проблемы международного сотрудничества, в частности, вопросы экстрадиции лиц, совершивших предусмотренные Конвенцией деяния; оказания взаимного правового содействия; спектр сотрудничества правоохранительных органов государств-участников Конвенции; а также вопросы касательно сбора, анализа и обмена информации.

15 февраля 1999 года в РА вступила в силу Конвенция ОЭСР «О борьбе с дачей взяток иностранным государственным должностным лицам при осуществлении международных деловых операций», принятая 21 ноября 1997 года и признающая *взяточничество преступлением международного характера*[166].

Не менее важной структурой по борьбе с корыстными преступлениями против государственной власти является Совет Европы.

Так, Советом Европы принята Конвенция «Об уголовной ответственности за коррупцию» (или же Конвенция уголовного права по коррупции), которая была заключена в Страсбурге 27 января 1999 г.[167]

РА присоединилась к данной Конвенции 15 мая 2003 г., ратифицировала 9 января 2006 г., а вступила она в силу 1 января 2006 г.[168]

К указанной Конвенции 27 ноября 1999 г. присоединилась и РФ, которая подписала данную Конвенцию 4 октября 2006 г., а вступил данный акт в силу 1 февраля 2007 г.[169]

В данной Конвенции:

---

[166] Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. Сб.документов //Сост. В.С. Овчинский // М.: ИНФРА-М, 2004. Стр.524-531.
[167] См. там же. Стр.297-315
[168] Информация с официального сайта Совета Европы: http://conventions.coe.int/treaty/Commun/ChercheSig.asp?NT=173&CM=8&DF=2/19/2009&CL=ENG
[169] См. там же.

– раскрывается понятие «государственное должностное лицо», включающее в себя 4 категории служащих: «государственный служащий», «должностное лицо», «мэр», «министр» или «судья»[170];

– выделяются различные виды взяточничества, охватывающие как государственный сектор, так и частный. Выделяются виды подкупа так же на национальном и межнациональном уровнях (например, подкуп национальных государственных должностных лиц, подкуп иностранных государственных должностных лиц, подкуп должностных лиц международных организаций, подкуп в частном секторе и т.д.)[171].

В отмеченной части данной Конвенцией предусматривались такие изменения национального законодательства государств, присоединившихся к Конвенции, которые связаны с введением в соответствующие уголовно-правовые нормы ответственности за обещание, предложение вознаграждения или преимуществ.

В этом направлении Законом РА «О введении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Республики Армения» №18 от 09.02.2012 г. ***была введена уголовная ответственность*** должностных лиц в том числе и за требование, обещание принять взятку или за принятие предложения взятки[172].

– предусматриваются введение уголовной ответственности «за обещание, предложение или предоставление, прямо или косвенно, какого-либо неправомерного преимущества любому лицу, которое утверждает или подтверждает, что оно может оказать неправомерное влияние на принятие решения каким-либо лицом, упомянутым в ст.2, 4-6 и 9-11 Конвенции, за вознаграждение, независимо от того, предоставляется ли такое преимущество ему самому или кому-либо еще, а также просьбы, принятия или согласия с предложением или обещанием предоставить такое преимущество за вознаграждение, независимо от того оказано ли такое влияние и был ли получен в результате предположительно оказанного влияния желаемый результат»[173].

РА предприняла серьезные меры в направлении реализации данной нормы Конвенции.

---

[170] Понятие судья здесь включает в себя прокуроров и лиц, занимающих должности в судебных органах (п.б ст.1).

[171] Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. Сборник документов // составитель В.С. Овчинский //М., Инфра-М. 2004. Стр.299-301.

[172] Ст.5 Закона РА «О введении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Республики Армения» №18 от 09.02.2012 г.

[173] Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. Сборник документов // составитель В.С. Овчинский //М., Инфра-М. 2004. Стр.302.

Ст.3 Закона РА «О введении дополнений в Уголовный Кодекс Республики Армения» №49 от 30.04.2008 г.[174] устанавливается ответственность за «использование реального или предполагаемого влияния в корыстных целях» (ст.311²).

– предусматривается необходимость специализированного органа по борьбе с коррупцией, к функциям которого будет отнесено и противодействие корыстным преступлениям против государственной власти.

Проблема создания специализированного органа в РА и РФ остается все еще нерешенной.

Однако данная Конвенция имеет особую ценность в деле борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти, поскольку она возлагает на страны, присоединившиеся к ней, обязанность по реализации ее норм.

– одновременно данной Конвенцией предусматривается осуществление контроля за реализацией Конвенции путем создания Группой государств против коррупции (GRECO).

GRECO – это организация, которая была создана Советом Европы (Соглашением о создании группы государств против коррупции, вступившем в силу 01.05.1999 г.) для осуществления контроля за государствами в деле исполнения требований международно-правовых актов в сфере борьбы с коррупцией (а значит и корыстными преступлениями против государственной власти).

Так, на заседаниях, организуемых GRECO, государствами-участниками представляются различного рода доклады и отчеты о состоянии указанной группы преступлений и затем вырабатываются различного рода предложения в целях предупреждения корыстных преступлений против государственной власти. Затем через определенный GRECO промежуток времени указанной международной организации государствами-участниками представляются отчеты о выполненной ими работе в рассматриваемой области, после чего в Секретариат и группа экспертов GRECO разрабатывают проект о ходе исполнения представленных в процессе оценивания ситуации в соответствующем государстве-участнике предложений.

Transparency International – это международная ***неправительственная*** организация в деле борьбы с коррупцией и соответственно корыстными преступлениями против государственной власти, целью которой является исследование коррупции, степень распространенности и уровень различных коррупционных проявлений в различных странах мира. Данная организация создана на основе начатого в 1993 году в Берлине Антикоррупционного движения Transparency International. Основателем данного движения

[174] Информация с официального сайта www.parliament.am

является один из бывших директоров Всемирного Банка – Петером Айгеном[175]. Вся ее деятельность в целом сводится к созданию мира, в котором государства, бизнес, гражданское общество и повседневная жизнь людей будет свободна от коррупции. В разных государствах направления деятельности TI несколько меняются

В РФ «Центр антикоррупционных исследований и инициатив» Transparency International действует в виде «автономной некоммерческой организации, нацеленной на противодействие коррупции в России и распространение антикоррупционного мировоззрения»[176]. РФ миссией TI являются:

- Оказание юридической помощи по делам о коррупции,
- Институализация «прозрачности»;
- Предотвращение коррупции через обеспечение действенности антикоррупционных механизмов[177].

В РА же «Антикоррупционный центр Transparency International» является общественной организацией[178]. Миссия TI в РА значительно отличается от миссий TI в РФ. Целью организации является:

– способствование эффективной антикоррупционной политике, прозрачному и подотчетному управлению;

– способствование проведению свободных, честных и прозрачных выборов, становлению свободного, честного и прозрачного института выборов;

– способствование рациональному, прозрачному и подотчетному управлению общественных ресурсов, в том числе государственной и общинной собственностью и финансовыми средствами;

– стимулирование демократических процессов, в том числе защиты прав человека и участия граждан в деле управления государством[179].

Всемирная торговая организация создала рабочую группу по прозрачности государственных поставок, рассматривая коррупционные проявления в области государственных поставок.

Американская ассоциация юристов (ААЮ) представляет собой созданное 21 августа 1878 г. национальное объединение юристов США. Однако в дальнейшем членами этого

[175] Информация с официального сайта Transparency International: http://www.transparency.org/whoweare/history
[176] Информация официального сайта международной организации Transparency International http://www.transparency.org.ru/nashi-publikatcii/o-nas-transperensi-interneshnl-rossiia
[177] Информация официального сайта российского Центра антикоррупционных исследований и инициатив Transparency International http://transparency.org.ru/dokumenty/missiia
[178] Устав «Антикоррупционного центра РА Transparency International»: http://transparency.am/storage/charter-hy.pdf?v=2
[179] Информация официального сайта организации Transparency International Антикоррупционный Центр в РА http://transparency.am/mission.php?l=en

объединения стали и юристы различных стран мира. В деле борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти деятельность этой организации необходима и эффективна. Так, в деле борьбы с коррупцией данной организацией в Литве была создана Служба специальных расследований. Эта организация развернула серьезную деятельность и в Армении в деле борьбы с коррупцией[180].

Представляется необходимостью создание в РА и в РФ специальных служб по борьбе с корыстными преступлениями против государственной власти, которые будут заниматься выявлением и расследованием указанных преступлений, способствовать разработке внутринационального законодательства в указанной сфере и проведению соответствующих реформ.

Таким образом, опросы, проводимые GRECO, отчеты Всемирного Банка и публикации TI помогают в более углубленном понимании тех или иных процессов, которые имеют место в государствах и тем самым способствуют выработке различных инструментов и способов в деле борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти. Так, именно благодаря поддержке, оказанной программой ЕС PHARE и Ассоциацией американских юристов (ABA) в деле создания Управления специальных расследований в Литве, является примером последовательной и эффективной деятельности международного сообщества[181].

Отметим, что международное сотрудничество позволяет выявить и распространить основные инструменты борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти. Международное сотрудничество ведется в основном в форме научных конференций.

Эффективность борьбы с рассматриваемой группой преступлений и соответственно роль международного сотрудничества в указанном вопросе увеличивается еще и тем, что указанные международные организации для государств, имеющих намерение стать их членами, ставят со своей стороны определенные требования в вопросе принятия мер по борьбе со всеми видами корыстных преступлений против государственной власти. В этом вопросе велика роль Европейского Союза по отношению к государствам, стремящимся к членству в ЕС.

Однако одно только участие различных международных организаций в борьбе с корыстными преступлениями против государственной власти в рамках конкретного государства недостаточно. Международное сотрудничество и даже наличие политической

---

[180] Цагикян С.Ш. // «Противодействие коррупции в Армении» // С.-П.: «Антарес». 2006. Стр.287-288.
[181] Проект Программы развития ООН /«Борьба с коррупцией в пост-коммунистических государствах: уроки практики»/ Разработанна Региональным центром поддержки в Братиславе в сотрудничестве с Институтом открытого общества, Будапешт, Братислава. 2002. Стр.34-35.

воли государства не могут увенчаться успехом, если в государстве не имеется активная поддержка всего общества, и граждан в частности. Общеизвестно, что в силу слабости институтов гражданского общества и в РА, и в РФ государственный аппарат практически остается бесконтрольным.

Для минимизации уровня любого вида преступности в первую очередь должно быть заинтересовано само общество, поскольку именно социум и каждый индивид являются основной мишенью преступления (тем более корыстных преступлений против государственной власти), а распространение всякого вида криминала приводит к попиранию основополагающих прав и свобод граждан. Более того, временами само государство игнорирует общество и даже рассматривает его не в качестве партнера, а как своеобразного соперника, чем в некоторой степени стимулирует рост уровня преступности. Подобные явления присущи странам переходного периода, в которых основные компоненты только становящегося на путь демократизации государства оказываются в наиболее уязвимой позиции.

В развитых же демократических государствах ситуация кардинально иная.

В Дании, Франции, Нидерландах, Швеции, Великобритании и Германии возникли общественные советы по предупреждению преступлений. Правление этих советов, как правило, возглавляют авторитетные политики[182].

Следуя примеру европейских государств, в Российской Федерации был принят ГосДумой 16.03.2005 г. и одобрен Советом Федерации 23.03.2005 г. ФЗ «Об общественной Палате РФ» от 04.04.2005 г. № 32. Согласно ч.1 ст.1 указанного закона «Общественная палата РФ обеспечивает взаимодействие граждан РФ с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан РФ, защиты прав и свобод граждан РФ и прав общественных объединений при формировании и реализации политики, а также в целях осуществления общественного контроля за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления». В соответствии ч.2 ст.1 настоящего закона Общественная палата РФ формируется на основе добровольного участия в ее деятельности граждан РФ, общественных объединений и объединений некоммерческих организаций. В ст. 2 рассматриваемого закона говорится о целях и задачах общественной палаты, которая создана для согласования интересов граждан, общественных объединений и некоммерческих

[182] Алекян А.В. «Виды общественного контроля за реализацией программ предупреждения преступности» / Вектор науки Тольяттинского Государственного Университета. Специальный выпуск «Правоведение». №2 (5). 2009. Стр.12-13.

организаций, с одной стороны и государства, с другой стороны, решения наиболее значимых вопросов экономического и социального значения, обеспечения национальной безопасности, защиты прав и свобод граждан РФ, конституционного строя РФ и демократических принципов гражданского общества. Общественная палата РФ состоит из 42-ух граждан РФ, утвержденных Президентом РФ, 42-ух представителей общероссийских общественных объединений и 42-ух представителей межрегиональных и региональных общественных объединений[183].

В целях обеспечения максимальной результативности борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти, наряду со специальными службами, ***предлагается также создание общественных комитетов.***

Не останавливаясь подробно на опыте зарубежных государств в данном вопросе и в деле борьбы со всеми видами преступлений, отметим, что такого рода общественные комитеты являются необходимым условием в деле борьбы со всеми видами преступлений, в том числе и корыстными преступлениями против государственной власти. Такие комитеты, если пойти по примеру европейских государств, могут включать в себя не только оперативные группы граждан и педагогические ассоциации, но и научные структуры, активно проводящие еще и криминологические исследования, организовывают обмен опытом, учреждают специальные печатные органы.

Необходимость создания такого рода общественных комитетов как в РА, так и в РФ мотивируется еще и тем, что в виду отсутствия государственных статистических структур, эти комитеты могут проводить соответствующие исследования как по всем видам, так и по конкретно рассматриваемым преступлениям, что, естественно будет способствовать установлению четкой картины состояния конкретного вида преступности не только внутри государства, но и в отдельных ее административно-территориальных единицах. Кроме того, уточнение данными советами (комитетами) канвы преступности вполне может быть реализовано посредством выявления латентного криминала и вскрытия его причин локального характера, то есть факторов, на которые возможно эффективное воздействие на местном уровне.

Итак, вовлечение членов общества в борьбу с корыстными преступлениями против государственной власти означает способствование обществом:

1. проведению анализа ситуации предупреждения преступности, составление полной картины ситуации;

2. обеспечению эффективного доступа граждан к различного рода информации;

---

[183] ФЗ «Об общественной палате РФ» в ред. ФЗ от 27.12.2005 №195.

3. повышению уровня правосознания среди населения, что ведет также и к формированию обстановки неприятия и осуждения со стороны общества корыстных преступлений против государственной власти;

4. открытости процедуры принятия решений со стороны государства;

5. усилению общественного контроля за деятельностью как всего государственного аппарата в целом, так и государственных должностных и публичных лиц в частности.

Вышеизложенным подтверждается выработанная в деятельности, направленной на борьбу с корыстными преступлениями против государственной власти модель, которая включает в себя 3 важнейших принципа:

1. участие;

2. прозрачность и информационная доступность;

Прозрачность, как определяется в Антикоррупционной повестке интеграции прав человека, является краеугольным камнем в деле борьбы с рассматриваемой группой преступлений. А информационная доступность является ключом к прозрачности, поскольку возможности сохранения в тайне коррупционные договоренности настолько снижаются, что публичные служащие вынуждены представлять своего рода отчеты обществу о своей деятельности. Владение обществом информацией означает пресечение и раскрытие корыстной преступности, которая относится также к числу коррупционных, поскольку информация предоставляет соответствующим наблюдательным организациям (советам или комитетам) следить за общественным и личным поведением публичных служащих[184].

3. отчетность.

Отчетность означает ответственность индивидов и организаций (общественной, частной и гражданского общества) за надлежащее исполнение своих полномочий. Теоретически существуют угловая, горизонтальная и перпендикулярные формы отчетности.

Угловая форма отчетности действует в тех странах, где граждане используют правительственные учреждения для осуществления еще более лучшего контроля за деятельностью государства и тем самым вовлекаются в процессы принятия решений, формирования бюджета и т.д.

Горизонтальная отчетность означает, что правительственные структуры держат под строгим контролем и ограничениями публичных служащих, привлекаемых к ответственности и наказуемых за ненадлежащее поведение.

---

[184] Антикоррупционная повестка интеграции прав человека: вызовы, возможности, способности / Ер.: «Антарес». 2011. Стр.19.

Перпендикулярная отчетность означает подотчетность публичного служащего перед гражданами и избирателями посредством СМИ, активного гражданского общества и др.[185]

Исходя из приведенных выше положений, можно однозначно отметить то, что в деятельности государства в борьбе с корыстными преступлениями против государственной власти, важное значение имеет прежде всего общественный контроль[186].

Общественный контроль в первую очередь сводится к проведению мониторинга.

«Мониторинг представляет собой информацию о том, соответствует ли процесс реализации той или иной программы, и в этой связи разработанной политики и стратегии, ее целям и поставленным задачам. Система мониторинга призвана контролировать процесс реализации программы или стратегии, выявлять характер продвижения в сфере решения заключенных в ней задач»[187]. Необходимость создания и реализации мониторинговой системы в деле борьбы с корыстными преступлениями подтверждается тем, что представляемые государственными органами (в данном случае правоохранительными) статистические исследования, данные СМИ и другие источники, из которых можно получить определенные сведения о состоянии корыстных преступлений не всегда являются достоверными и точными. Вследствие этого у общественности не имеется четкого представления о состоянии таких преступлений и именно поэтому общественность не в состоянии нормально воспринимать и реагировать на подобного рода коррупционные проявления.

В настоящее время, РА (РФ) стоит на пути формирования активного гражданского общества и активизации демократических процессов.

Об этом свидетельствуют:

1. разработка и реализация в рамках Фонда Институционального развития РА по инициативе РА и Всемирного Банка Программы Антикоррупционной Стратегии (ПАКС), целью которой является разработка целой системы предупреждения корыстных преступлений против государственной власти. Такие программы обеспечивают стабильное развитие страны, эффективное и прозрачное управление государством и гарантируют законность и правопорядок. ПАКС-ы действуют в РА, начиная с 2005 года, и ежегодно разрабатываются исполнительным органом – Правительством РА. Причем, в разработке таких программ принимают участие также и соответствующие общественные организации.

---

[185] Антикоррупционная повестка интеграции прав человека: вызовы, возможности, способности / Ер.: «Антарес». 2011. Стр.36.

[186] Алекян А.В. «Виды общественного контроля за реализацией программ предупреждения преступности» / Вектор науки Тольяттинского Государственного Университета. Специальный выпуск «Правоведение». №2 (5). 2009. Стр.13.

[187] С.Ш. Цагикян /«Роль общества в борьбе с коррупцией»/ Ер.: «Антарес», 2003. Стр.35.

2. усиление роли Интернета и в особенности социальных сетей, в рамках которых ведется активное публичное обсуждение со стороны общества возникающих в государстве проблем, что соответственно создает возможности учета мнения общества в решении тех или иных проблем со стороны государственных органов.

К тому же, такого рода публичные обсуждения, даже в случае если государством не будет учтено общественное мнение в решении представленных проблем, приводят к активизации общества, способствуют повышению уровня правосознания и формированию антикоррупционного мировоззрения и тем самым постепенно формируется обстановка нетерпимости к различным видам коррупционных проявлений.

3. усиление роли средств массовой информации и реализация свободы слова.

Если учесть, что одним из источников выявления преступлений являются материалы СМИ, то предоставление представителям СМИ полной свободы в реализации своей профессиональной деятельности ведет к повышению уровня общественного правосознания и формированию доверия членов общества к государству. Ведь на публично-оглашенные проблемы государство, даже в случае отсутствия у него политической воли, обязано и просто не может не реагировать.

Таким образом, борьба с корыстными преступлениями против государственной власти может увенчаться успехом только при продолжительном и целенаправленном взаимодействии государства и общества. Для этого, как не раз уже было отмечено, необходимы политическая воля государства, активное гражданское общество и международное сотрудничество. Только благодаря такому комплексному подходу к рассматриваемым преступлениям, можно достичь эффективности в деле борьбы с корыстными преступлениями, имеющими коррупционное содержание.

Заключение

В ходе работы были осуществлены всестороннее, полное исследование правовой природы корыстных преступлений против государственной власти, обобщение и анализ действующего законодательства Республики Армении и Российской Федерации, юридической литературы, сложившейся судебной практики относительно корыстных преступлений против государственной власти. Также было проведено сравнительно-правовое исследование касающихся корыстных преступлений против государственной власти законодательно закрепленных уголовно-правовых норм РА и РФ.

Полученные в диссертационной работе выводы легли в основу выделения возникающих в правоприменительной практике проблем, касающихся квалификации корыстных преступлений против государственной власти, разграничения указанных преступлений друг от друга и от смежных с ними составов, а также коррупционных и входящих в их состав должностных преступлений.

Полученные в диссертационной работе выводы сводятся к следующему:

1. ***В основе диссертационного исследования легли корыстные преступления против государственной власти, которые входят в группу так называемых должностных преступлений и по своему характеру являются коррупционными***;

2. ***корыстные преступления против государственной власти могут быть классифицированы по трем критериям***:

а) по непосредственному объекту;

б) по субъекту рассматриваемых составов;

в) по субъективной стороне.

3. ***Корыстные преступления против государственной власти выделяются из числа других преступлений (коррупционных и входящих в их состав должностных) на основе законодательно закрепленного в качестве обязательного признака субъективной стороны составов этих преступлений мотива – корыстная и (или) иная личная заинтересованность.*** Все признаки, характеризующие коррупционные и входящие в их состав должностные преступления, свойственны и корыстным преступлениям против государственной власти: здесь объективная сторона преступления обязательно состоит из действия (бездействия), противоречащего интересам службы, субъект специальный – должностное лицо, а субъективная сторона обязательно включает в себя мотив в виде корыстной или иной личной заинтересованности.

4. ***Отсутствует (и в связи с этим необходима) законодательная регламентация понятий «корысть» и «иная личная заинтересованность» в части корыстных преступлений против государственной власти***.

Проведенный в диссертационной работе уголовно-правовой анализ терминов «корысть» и «иная личная заинтересованность», применяемых в двух разделах УК РА (глава 21 раздела 8 и раздела 11) и УК РФ (глава 21 раздела VIII и раздел X) и исследование Постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, РФ показывают, что в содержание рассматриваемых терминов законодатель вложил различный смысл: если в преступлениях против собственности под корыстью подразумевается материальная выгода для виновного или других лиц, избавление от материальных затрат, то в преступлениях против государственной власти корыстью признается имущественная выгода виновного без незаконного безвозмездного обращения имущества в свою собственность или собственность других лиц. Сказанное означает, что в преступлениях против государственной власти исключается признак хищения.

Термин же «иная личная заинтересованность» раскрывается лишь только в Постановлении Пленума Верховного РФ (ранее и СССР), который касается преступлений против государственной власти. Иная личная заинтересованность как мотив преступления не может быть включен в качестве признака субъективной стороны преступлений, предусмотренных главой 21 УК РФ, поскольку последние в основном представляют собой различные формы хищения и предполагают обязательно извлечение, получение материальной выгоды, пользы имущественного характера. Иная личная заинтересованность же, как следует из проведенного анализа этого термина и из указанного выше Постановления Пленума Верховного Суда РФ, включает в себя интерес к выгоде неимущественного характера.

5. ***Корыстные преступления против государственной власти*** в сравнении с являющимися общими для них коррупционными и должностными преступлениями ***обладают повышенной степенью общественной опасности*** в виду своих особенностей – латентность, систематичность и многоэпизодность, а также направленность их против интересов государственной власти и государственной службы, их совершение должностными лицами, исходящими из корыстной или иной личной заинтересованности.

6. Корыстные преступления против государственной службы (по УК РА) и, соответственно, «корыстные преступления против государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления по УК РФ ***отличаются друг от друга***

и от смежных с ними составов по одному или нескольким признакам состава преступления:

а) по объекту посягательства. Если объектом посягательства преступлений, предусмотренных главой 29 УК РА и главой 30 УК РФ, являются общественные отношения по охране интересов службы, то объектом преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства – незыблемость основ конституционного строя и безопасность государства; преступлений против правосудия – нормальная деятельность судов и содействующих им органов; против порядка управления – общественные отношения, направленные на охрану нормальной деятельности органов государственной власти и местного самоуправления.

б) по объективной стороне практически все преступления, включенные в главу 29 УК РА и главу 30 УК РФ, характеризуются использованием служебного положения должностными лицами и служащими в органах местного самоуправления.

в) субъект преступлений главы 29 УК РА и главы 30 УК РФ практически всегда специальный (причем, лицо, которое использует служебное положение вопреки интересам службы).

г) по субъективной стороне практически все преступления главы 29 УК РА и главы 30 УК РФ характеризуются наличием корыстного мотива, прямо указанным в диспозиции статей, формирующих данную главу»[188].

7. Несовершенство уголовно-процессуального законодательства РА (РФ) снижает эффективность деятельности органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в борьбе с корыстными преступлениями против государственной власти. Несовершенство уголовно-процессуального законодательства заключается в том, что УПК РА (РФ) устанавливает запрет на применение негласных технических средств без определенных процедур. В результате этого добытая оперативно-розыскными средствами масса ценной информации (например, тайные видеосъемки, фотографирование, различного рода аудиозаписи) остается без должного внимания и не рассматривается в качестве вещественных доказательств. Во избежание этого необходимо признание сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств и, следовательно, источников выявления не только корыстных преступлений против государственной власти, но и всех иных носящих латентный характер

[188] А.В. Алекян «Проблемы разграничения корыстных преступлений против государственной власти от смежных составов» // Ардарадатутюн. 2015. Декабрь 4 (31) // ГНКО «Юридический институт Министерства Юстиции Республики Армения», МинЮст РА. Изд. ООО «Самарк», Ер.: 2010. Стр. 77-82.

преступлений. Кроме того, с целью повышения эффективности борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти необходимо расширение круга субъектов, которые должны подлежать уголовной ответственности за совершение корыстных преступлений против государственной власти (и других видов коррупционных преступлений).

8. ***Необходимо включение в УК РА и РФ института неоднократности*** (повторности) в новой редакции, разрешающей имевшиеся (еще до отказа) и возникшие вследствие отказа от этого института в судебно-следственной практике проблем.

Корыстные преступления против государственной власти, как и все коррупционные преступления, носят системный характер. Анализ материалов судебной и следственной практики показал, что немалая часть (около 40 %) корыстных преступлений против государственной власти, как правило, состоит из двух и более эпизодов. Сказанное означает, что взяточничество, злоупотребление должностными полномочиями и ряд других корыстных преступлений против государственной власти носят систематический, повторяющийся характер, в особенности, если учесть, что количество дел с эпизодами от 3-х до 16 в последнее время резко возросло (более чем в 1,5 раза). Это показывает, что отказ в такой ситуации от понятия неоднократности, и как следствие смягчение ответственности за совершение тождественных или однородных преступлений, непременно стал благоприятной почвой для роста рассматриваемой группы преступлений и губительно сказывается не только на политике борьбы с данной группой преступлений, но и уже привел к серьезному кризису всю уголовную политику.

9. Исследование специальной уголовно-правовой литературы и судебно-следственной практики позволило выделить ряд до сих пор имеющихся и возникающих в правоприменительной практике проблем, связанных с квалификацией корыстных преступлений против государственной власти при конкуренции уголовно-правовых норм.

С целью разрешения указанных проблем и недопущения в дальнейшем ошибочной квалификации корыстных преступлений против государственной власти в диссертационной работе предлагаются ***следующие правила квалификации корыстных преступлений против государственной власти***:

1) Соотношение злоупотребления должностными полномочиями и иными корыстными преступлениями против государственной власти (получения взятки, служебного подлога), не должны рассматриваться как соотношение общей и специальной нормы. Если действия виновного, помимо злоупотребления должностными

полномочиями, включают также иной состав преступления, то деяние должно получать квалификацию по совокупности этих преступлений:

а) если наряду со злоупотреблением должностными полномочиями имело место и получение взятки, то лицо подлежит ответственности ***по совокупности*** преступлений по статьям злоупотребление должностными полномочиями и получение взятки;

б) если наряду с совершением незаконных действий, образующих состав злоупотребления должностными полномочиями виновным вводятся ложные сведения или искажаются имеющиеся сведения, (что входит в круг полномочий должностного лица и подпадает под признаки служебного подлога), то содеянное квалифицируется ***по совокупности*** преступлений – злоупотребление должностными полномочиями и служебный подлог;

в) в случае, если служебный подлог совершен в связи с исполнением служебных полномочий, то деяние должно квалифицироваться ***исключительно как служебный подлог***;

2) Соотношение мошенничества и корыстных преступлений против государственной власти должно рассматриваться с учетом направленности умысла виновного:

г) если деяние содержит в себе одновременно признаки, характеризующие составы злоупотребления должностными полномочиями и мошенничества (наличие цели путем обмана заполучить чужое имущество), то совершившее его лицо подлежит уголовной ответственности за квалифицированный состав мошенничества, а его деяние подлежит квалификации как ***мошенничество, совершенное с использованием служебного положения***. В случае же отсутствия в уголовном законодательстве такой нормы сравнительно допустимой является квалификация указанного деяния ***по совокупности преступлений – злоупотребления должностными полномочиями и мошенничества***. Однако в последнем случае не является допустимой квалификация деяния только как злоупотребление должностными полномочиями.

д) в случае, если лицо совершило действия, внешне схожие с посредничеством во взяточничестве, однако в дальнейшем не последовала передача взятки, а имело место присвоение лицом чужого имущества, полученного якобы для передачи его другим лицам для совершения или несовершения каких-либо действий в пользу собственника, то налицо «мнимое посредничество». Данное деяние не может быть квалифицировано как посредничество во взяточничестве и должно быть квалифицировано с учетом направленности умысла виновного. Подобные случаи должны подлежать квалификации как ***мошенничество, совершенное под предлогом получения взятки***.

е) в случае, если указанные выше действия совершены ***публичным служащим***, то деяние подлежит квалификации как ***мошенничество, совершенное с использованием служебного положения***.

Однако ч.1 ст.17 Закона РА «О введении изменений и дополнений в УК РА» от 23.05.2011 г. №143 норма, устанавливающая ответственность за мошенничество с использованием служебного положения как особо квалифицированный состав, была признана утратившей силу и включена в ч.2 пункт 1.1 как квалифицированный состав мошенничества.

ж) в случае, когда лицо совершает деяние, внешне подпадающее под признаки состава получения взятки путем обмана в целях завладения чужим имуществом, оно подлежит уголовной ответственности за квалифицированный состав мошенничества – ***мошенничество, совершенное под предлогом получения взятки*** (по УК РА) а по УК РФ – ***мошенничество, совершенное с использованием служебного положения.***

3) Соотношение превышения должностных полномочий и корыстных преступлений против государственной власти должно рассматриваться исходя из особенностей объективной стороны этих составов:

з) в случае возникновения конкуренции уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за злоупотребление должностными полномочиями, и норм, устанавливающих ответственность за превышение должностных полномочий, деяние должно получать правовую оценку с учетом спектра предоставленных законом должностному лицу полномочий. Исходя из этого, нормы о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий рассматриваются в качестве конкурирующих (а не общей и специальной), и деяние виновного в подобных случаях подлежит квалификации ***исключительно по одной из указанных норм*** – либо как злоупотребление должностными полномочиями, либо как превышение должностных полномочий;

и) в случаях, когда должностное лицо, за совершение действий, выходящих за пределы своих полномочий, требует, получает взятку, деяние подлежит квалификации по ***совокупности преступлений*** – превышение должностных полномочий и получение взятки;

к) в случаях, когда должностное лицо, за совершение действий, выходящих за пределы своих полномочий, стремится получить взятку, которое не доводится до конца по независящим от виновного обстоятельствам, в условиях действующего уголовного законодательства деяние подлежит квалификации по ***совокупности преступлений*** – превышение должностных полномочий и покушение на получение взятки;

10. ***Криминологическая картина*** корыстных преступлений против государственной власти такова:

1) корыстные преступления по своим качественным показателям являются ***латентными***. Такой вывод основывается на исследовании судебно-следственной практики, которая показала:

а) корыстные преступления против государственной власти в большинстве своем совершаются по обоюдному согласию сторон (должностное лицо (служащий) и потерпевшие) и выявление такого рода преступлений является серьезной проблемой для правоохранительных органов;

б) около 35% преступлений от общего числа взяточничества длятся годами, из которых около 5% включают в себя 2 эпизода, а 30% – от 3-х до 16-и.

2) Изучение судебно-следственных статистических материалов показывает, что ***структура корыстных преступлений против государственной власти*** складывается следующим образом:

а) в структуре ***общей преступности в целом*** корыстные преступления против государственной власти и в РА, и в РФ составляют **лишь 0,8%**. Такие показатели лишь еще раз подтверждают скрытый, высоколатентный характер рассматриваемой группы преступлений.

б) Корыстные преступления против государственной власти составляют ***лишь 30%*** от общего числа ***коррупционной преступности***.

в) в структуре же ***самой корыстной преступности против государственной власти*** по полученным исследованиям **в РА** приблизительно **по 40% занимает взяточничество**, **40% – злоупотребление должностными полномочиями** и ***по 10% – превышение должностных полномочий и служебный подлог***. Эти данные несколько изменились за последние 2-3 года и показывают, что за указанный период **уровень злоупотребления должностными полномочиями стал превышать уровень взяточничества от 3 до 5 %**.

Исследования же российских ученых выдают несколько иную картину структуры корыстной преступности против государственной власти: «в структуре должностных преступлений преобладают: служебный подлог (**35%** ежегодно), получение взятки (**20%**), злоупотребление должностными полномочиями (**17%**), превышение должностных полномочий (**16%**)»[189].

[189] Криминология. Учебник для ВУЗов // под ред. В.Д. Малкова, – Москва. 2006. Изд. – «ЮстицИнформ». Стр.324.

3) Исследования судебно-следственных статистических данных позволяет установить ***динамику*** ***корыстных преступлений против государственной власти*** и, соответственно, ***определить их уровень.*** С этой точки зрения складывается следующая картина:

а) по сравнению, с 2003 г. за последние 3 года (2010-2012 гг.) ***уровень взяточничества повысился*** соответственно в 15, почти 18 и 21 раз. По фактам злоупотребления должностными полномочиями можно заметить, что по сравнению с 2003-2004 гг. ***уровень злоупотребления должностными полномочиями значительно вырос*** особенно в 2008 г. – почти в 2,5 раза, в 2009 и 2012 гг. – почти в 3 раза.

б) За последние 5 лет (с 2008 по 2012 гг.) ***значительно повысился также уровень*** таких корыстных преступлений против государственной власти, как ***служебный подлог*** и ***превышение должностных полномочий***, хотя в целом они составляют лишь очень малую часть рассматриваемой группы преступлений.

в) В РФ же намечается рост получения взятки, которое, хотя, происходит в несколько малых темпах. Если сравнить полученные данные, то можно заметить, что за тот же период в РА вначале (2004-2006 гг.) тоже имеет место рост фактов получения взятки, причем, в весьма больших темпах (уровень повышалась ежегодно в 2 почти в 3 раза). Однако в 2007 г. в РА резко снижается уровень взяточничества – в 3 раза, а в последнее время, как в РА, так и в РФ ***уровень получения взятки продолжает расти***, хотя и в малых темпах.

4) По изученным материалам судебно-следственной практики за период с 2003 по 2010 гг. в РА сложилась следующая картина **состояния** корыстных преступлений против государственной власти:

а) из общего числа лиц, совершивших корыстные преступления против государственной власти, *около 90% составляют лица* ***мужского пола***, а лишь *10%* – ***женского пола***;

б) в порядке 60% указанных преступлений совершаются лицами в зрелом возрасте (от 36 до 55 лет), 30% – в сравнительно молодом возрасте (от 25 до 35 лет) и лишь 11% рассматриваемых преступлений совершаются лицами преклонного возраста (от 56 до 65 лет). Изменения эти связаны с тем, что повысился показатель относительно лиц в возрасте от 25 лет (показатель здесь составляет 30%), а показатель относительно лиц в возрасте до 65 лет снизился (на 12%). Если сравнить эти показатели с исследованиями ученых за предыдущее десятилетие, то можно заметить, что в настоящее время ***данная группа преступлений имеет тенденции «омолаживания»***.

Аналогична ситуация и в РФ.

в) показатель **образовательного уровня** лиц, совершающих корыстные преступления против государственной власти, **значительно увеличился**. Так, образовательный уровень, например, взяткополучателей по сравнению с советским периодом за предыдущие десять лет повысился с 71% до 80%, то за период с 2003 по 2012 гг. уровень образованности повысился с 80 до 86%.

Это свидетельствует о том, что должностные лица, совершающие корыстные преступления против государственной власти (в особенности взяткополучатели) стали более грамотными и изощренными. Также обстоит дело и в РФ.

г) исследования судебно-следственных и статистических материалов за последние десятилетия в РА показали, что ни один из лиц, подвергшихся уголовной ответственности за корыстные преступления против государственной власти, **не имел судимости**

Только в промежутках выделяются лица количеством от 1 до 3% от общего числа лиц, подвергшихся уголовной ответственности за совершение тождественных преступлений. Причем, 3% лиц, имеющих судимость, составило лишь в 2010 г. Из них 1% составляли лица, совершившие злоупотребление должностными полномочиями, ранее осужденные за корыстные преступления против государственной власти, а 2% – лица, совершившие служебный подлог, ранее осужденные за такого же рода деяния.

5. Корыстные преступления против государственной власти обладают такой важной характеристикой, как распространенность. ***Социальные последствия корыстных преступлений против государственной власти многообъектны, неустранимы и исторически изменчивы.***

11. Выделяются следующие виды мер предупреждения преступлений: общие социальные (общегосударственные) меры, относящиеся к большим социальным группам; меры предупреждения, относящиеся к отдельным объектам или микрогруппам и индивидуальные меры. ***Наиболее характерными для корыстных преступлений против государственной власти из них являются общие социальные (общегосударственные) меры.***

К их числу в первую очередь относится разработка государством в рамках уголовной политики антикоррупционной. Именно в рамках антикоррупционной политики с учетом основных ее направлений разрабатываются постоянные (для преступлений, носящих системный характер) и разовые меры (для отдельно проявляющихся эпизодов коррупционных преступлений).

11. ***В деле предупреждения (сдерживания) корыстных преступлений против государственной власти за последнее десятилетие на государственном уровне были предприняты и реализованы серьезные шаги в направлении:***

1. коррекции не только уголовного, но и уголовно-процессуального законодательства. Были также введены нормы, регулирующие поведение должностных лиц:

а) существующие нормы права обеспечивают слишком большой спектр альтернативных возможностей для должностного лица, дают ему широкий выбор между различными вариантами поведения по своему усмотрению, то есть налицо дискреционные полномочия.

Задачей в деле борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти является «не полная ликвидация свободного усмотрения, а в ***минимизации таких возможностей, и в компенсировании их жесткими процессуальными нормами и эффективностью института судебного обжалования»***[190].

При такой постановке вопроса особое значение имеют решения Кассационного суда РА, которые носят прецедентный характер. Указанная выше проблема в определенной степени разрешилась в связи с введением Судебного Кодекса РА от 21 февраля 2007 года, который в ч.1 ст.50 («Цель деятельности и правомочие Кассационного Суда РА») установил в качестве цели Кассационного Суда обеспечение ***единообразного*** применения закона. Такой подход позволил в определенной степени сформировать единство в судебной практике и тем самым снизить возможность судебных ошибок.

б) до 2008 г. существовала серьезная ***проблема, указывавшая на отсутствие четко-определенной грани между органами, входящими в целом в систему правоохранительных.***

Невозможно было определить, какой именно орган правоохранительной системы уполномочен возбудить какое конкретно дело и осуществить уголовное преследование. Так, ст.103 Конституции РА до 2005 г., признавая Генеральную Прокуратуру единым централизованным органом, которым руководит генеральный прокурор, оставляла за прокуратурой право возбуждать уголовное преследование в случаях и порядке, прямо предусмотренных законом. Причем, прокуратуре Конституцией было дано право только возбуждать уголовное преследование, а не реализовывать его. До проведенных изменений в УПК РА ст.189 («Органы предварительного расследования») противоречила Конституции РА в части, согласно которой предварительное расследование по уголовным делам могли осуществлять следователи прокуратуры, полиции и национальной безопасности. Однако

[190] «Антикоррупционная политика. Учебное пособие» // под ред. Г.А. Сатарова //Изд. – Фонд Индем. М. 2004. Стр.268-289.

данная проблема разрешена на законодательном уровне, поскольку та же ст.189 УПК в редакции от 28 ноября 2007 г. была изменена и к органам предварительного расследования стала относить следователей специальной следственной службы[191].

в) отсутствие регулирующих поведение должностного лица правовых норм.

Так, как в РА, так и в РФ приняты Кодексы (Своды) правил поведения судей, прокуроров (в РФ прокурорского работника). Лишь только в «Своде правил поведения прокуроров» №17, утвержденном Генеральным прокурором РА от 30.05.2007 г., не только регулируются вопросы относительно ответственности прокуроров за нарушение установленных правил поведения, но и предусматриваются случаи, привлечения прокурора к дисциплинарной ответственности (вплоть до освобождения от должности). Так, в п.1 ст.5 указанного Свода говорится, что в случае нарушения требований «Свода правил поведения прокуроров», прокурор подлежит дисциплинарной ответственности в соответствии с установленными Законом РА «О прокуратуре» нормами. П.3 ч. 1 ст. 46, который закрепляет основания привлечения прокурора к дисциплинарной ответственности, одним из оснований рассматривает случаи нарушения требований «Свода правил поведения прокуроров». Далее, закрепляются виды дисциплинарного взыскания.

Аналогичный Кодекс РФ также предусматривает возможность привлечения прокурорского работника к дисциплинарной ответственности, самым строгим видом которой устанавливается требование публичного извинения.

2) В деле борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти особое значение имеют также создание и активизация гражданского общества и международное сотрудничество. В этом вопросе и Армения, и Россия предприняли серьезные шаги.

3) Международное сотрудничество предполагает проведение государствами соответствующей деятельности по борьбе с рассматриваемой группой преступлений. **Смысл и значение международного сотрудничества заключается в:**

- межгосударственный обмен опытом в деле предотвращения коррупции;
- уголовное преследование за коррупционные преступления;
- разработка специальных международных норм не только рекомендательного, но и обязательного характера;
- взаимное правовое содействие в проведении расследования и судебного рассмотрения дел.

[191] А. Тонапетян, А. Алумян, А. Григорян /«Анализ норм действующих в РА законов, порождающих коррупцию»./ Изд. – «Центр борьбы с терроризмом». Ер. 2005.. Стр.27.

4. Необходимость международного сотрудничества подтверждается и весьма важной ролью международных организаций в деле борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти. Так, указанными выше международными организациями вводится в действие целый ряд международно-правовых норм, которые после их ратификации странами участниками становятся обязывающими и требуют последующих действий на национальном уровне.

5. ***Роль гражданских инициатив в деле борьбы с корыстными преступлениями, носящими коррупционный характер, заключается в способствовании обществом:***

а) проведению анализа ситуации предупреждения преступности, составление полной картины ситуации;

б) обеспечению эффективного доступа граждан к различного рода информации;

в) повышению уровня правосознания среди населения, что ведет также и к формированию обстановки неприятия и осуждения со стороны общества корыстных преступлений, имеющих коррупционное содержание;

г) открытости процедуры принятия решений со стороны государства;

д) усилению общественного контроля за деятельностью как всего государственного аппарата в целом, так и государственных должностных и публичных лиц в частности различными способами, в том числе и путем проведения мониторинга.

В настоящее время, РА (РФ) стоит на пути формирования активного гражданского общества и активизации демократических процессов.

Об этом свидетельствуют принятие в данном направлении таких шагов как:

1. разработка и реализация в рамках Фонда Институционального развития РА по инициативе РА и Всемирного Банка Программы Антикоррупционной Стратегии (ПАКС), целью которой является разработка целой системы предупреждения корыстных преступлений, имеющих коррупционное содержание. Такие программы обеспечивают стабильное развитие страны, эффективное и прозрачное управление государством и гарантируют законность и правопорядок. ПАКС-ы действуют в РА, начиная с 2005 года, и ежегодно разрабатываются исполнительным органом – Правительством РА. Причем, в разработке таких программ принимают участие также и соответствующие общественные организации.

2. усиление роли Интернета и в особенности социальных сетей, в рамках которых ведется активное публичное обсуждение со стороны общества возникающих в государстве проблем, что соответственно создает возможности учета мнения общества в решении тех или иных проблем со стороны государственных органов.

К тому же, такого рода публичные обсуждения, даже в случае если государством не будет учтено общественное мнение в решении представленных проблем, приводят к активизации общества, способствуют повышению уровня правосознания и формированию антикоррупционного мировоззрения и тем самым постепенно формируется обстановка нетерпимости к различным видам коррупционных проявлений.

3. усиление роли средств массовой информации и реализация свободы слова.

Если учесть, что одним из источников выявления преступлений являются материалы СМИ, то предоставление представителям СМИ полной свободы в реализации своей профессиональной деятельности ведет к повышению уровня общественного правосознания и формированию доверия членов общества к государству. Ведь на публично-оглашенные проблемы государство, даже в случае отсутствия у него политической воли, обязано и просто не может не реагировать.

Однако только этих шагов недостаточно для борьбы с корыстными преступлениями против государственной власти, хотя и они играют огромную роль в рассматриваемом вопросе. Как в РА, так и в РФ за пределами реализованных мер предупреждения рассматриваемой группы преступлений остаются следующие меры:

1) наделение органов исполнительной власти (правительство и ведомства), а также должностных лиц правом принимать подзаконные нормативные акты либо отсутствие запрета на такое право.

Это одна из тех проблем, для разрешения которой **в РА еще не был сделан самый важный шаг** – ***принятие единого закона или хотя бы отдельных законов в различных сферах общественной жизни, устраняющих либо, по крайней мере, снижающих рост корыстных преступлений против государственной власти.***

В РФ же, хоть и принят Федеральный Закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008г. №273-ФЗ, тем не менее, он тоже не разрешает указанной проблемы.

Такого подхода придерживается ряд других развитых государств, например США и др.

2). ***По части реализации такой общесоциальной меры предупреждения корыстных преступлений против государственной власти, как упорядочение системы, структуры и функций органов исполнительной власти, ни в РА, ни в РФ никаких существенных шагов не сделано.***

Эта мера означает не только изменения и реформы, но и постоянное изучение исполнительной власти, чьи система, структура и функции не могут быть неизменными. Такой подход предполагает постоянное общественное и государственное внимание к

органам исполнительной власти. Эта мера вытекает непосредственно из анализа политических систем со слабыми законодательными органами.

3). Направление укрепления судебной власти не является универсальной, поскольку оно действует не во всех странах. Это означает, что в развитых странах проблемы укрепления судебной власти вовсе не существует. Такая проблема стоит перед странами с переходной экономикой. Укрепление судебной власти подразумевает сразу два равноценных направления: снижение уровня корыстных преступлений против государственной власти в самой судебной системе и правовую эффективность этой системы в борьбе с указанными преступлениями «вовне»

5). Не реализованы в РА и в РФ и такие меры сдерживания корыстных преступлений против государственной власти как:

– обучение государственных должностных лиц,

– просветительская кампания и расширение доступа граждан к информации;

– проведение политики тщательного отбора кандидатов на должности государственных и иного рода служащих;

– увеличение роли парламента. В этом направлении в РА в настоящее время делаются серьезные шаги, выраженные в изменении Конституции РА и направленные на признание РА – парламентской республикой.

– проведение просветительской кампании и мероприятий по исследованию и разработке законодательства коалициями, формирующимися учеными, средствами массовой информации и профсоюзами;

– создание единого органа по борьбе с коррупцией и, соответственно, корыстными преступлениями против государственной власти в форме координационных специализированных комиссий, подчиняющихся напрямую только парламенту.

В этом направлении в настоящее время и РА, и РФ сделали первый, немаловажный шаг: и РА, и РФ подписали и ратифицировали Конвенцию ООН «Против коррупции» от 31.10.2003 г., на основе которой и появилась обязанность создания такого органа Обязательство государств-участников по созданию такого органа устанавливается ст.6 указанной Конвенции.

– усиление роли отдельных структур и осуществление международного сотрудничества. В особенности в РА предпринимаются немаловажные шаги в направлении активизации гражданских инициатив и усиления международного сотрудничества.

6). Необходимо создание в РА и РФ общественных комитетов для предупреждения не только всей преступности в целом, но и корыстных преступлений

против государственной власти. Такие комитеты, если пойти по примеру европейских государств, могут включать в себя не только оперативные группы граждан и педагогические ассоциации, но и научные структуры, которые активно проводят еще и криминологические исследования, организовывают обмен опытом, учреждают специальные печатные органы и могут способствовать повышению уровня правосознания общества.

Необходимость создания такого рода общественных комитетов как в РА, так и в РФ, мотивируется еще и тем, что в виду отсутствия государственных статистических структур, эти комитеты могут проводить соответствующие исследования как по всем видам, так и по конкретно рассматриваемым преступлениям, что, естественно будет способствовать установлению четкой картины состояния конкретного вида преступности не только внутри государства, но и в отдельных ее административно-территориальных единицах. К тому же, уточнение картины преступности со стороны этих советов (комитетов) вполне может быть проведено за счет выявления латентного криминала и вскрытия ее причин, носящих локальный характер, – тех факторов, на которые эффективно можно воздействовать на местном уровне.

Таким образом, на основе вышеизложенного, можно прийти к выводу о том, что только при наличии соответствующей сильной законодательной базы, развитого, с высоким уровнем правосознания общества и соответствующей поддержки международного сообщества и организаций остальные меры предупреждения корыстных преступлений против государственной власти окажутся эффективными и возможными. При этом, не следует забывать, что для реализации вышеуказанных мер антикоррупционной политики, а значит и сдерживания корыстных преступлений против государственной власти, необходимы не только наличие в государстве соответствующего антикоррупционного законодательства, но и своевременное его исполнение со стороны государства, т.е. необходима ***политическая воля*** соответствующего государства. В случаях отсутствия политической воли государства непременно должна возрасти роль общества в борьбе с коррупцией. Ведь развитое гражданское общество является важнейшим средством контроля над функционированием органов государственной власти и, соответственно, сдерживания корыстных преступлений против государственной власти.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Нормативно-правовые акты

1. Гражданский Кодекс РФ от 21.10.1994 г. (в ред. от 22.10.2014)
2. Двинская уставная грамота // Российское законодательство X-XX вв.
3. Закон РА «О гражданской службе» от 04.12.2001 г. №272
4. Закон РА «О внесении дополнений в УК РА» от 30.04.2008 г.
5. Закон РА «О введении изменений и дополнений в УК РА» от 09.02.2012 г. №18
6. Закона РА «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Республики Армения» от 28.11.06 г. №206
7. Закон РА «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Республики Армения» от 23.05.2011 г. №143
8. Закон РА «Об оперативно-розыскной деятельности» от 22.10.2007 г. №233
9. Закон РА «О прокуратуре» от 22.02.2007 г.
10. Закон РА «О публичной службе» от 26.11.2011 г. №172
11. Конвенция ООН против коррупции от 31.10.2003 г. // Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 31 октября 2003 г.
12. «Кодекс судейской этики», принятый на VIII Всероссийском съезде судей, состоявшемся 19 декабря 2012 г.
13. «Кодекс чести судьи» принятый постановлением Совета судей РФ от 21 октября 1993 г. (утратил силу)
14. «Кодекс судейской этики» от 02.12.2004 г. (в редакции от 2010, 2012 гг.)
15. Конституция Республики Армения. Принята всенародным голосованием 5 июля 1995 г., изменена всенародным референдумом 27 ноября 2005 г.
16. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
17. Новгородская судная грамота // Российское законодательство X-XX вв.
18. «Правила поведения судей» решение общего собрания судей №01 от 23 апреля 2010 г.
19. Приказ Генерального Прокурора «О коррупционных преступлениях» от 19 ноября 2008 г. №87
20. Приказ Генерального прокурора РФ «Об утверждении Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации» от 17.03.2010 г. № 114

21. Приказ Генерального прокурора РФ «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения федерального государственного гражданского служащего органов прокуратуры Российской Федерации» от 25.03.2011 г. №79
22. Приказ Генерального прокурора РА «Об утверждении свода правил поведения работника прокуратуры РА» от 09.03.2005г. №6 (утратил силу)
23. Приказ Генерального прокурора РА от 30.05.2007 г. №17 «Об утверждении Свода правил поведения прокурора»
24. Псковская судная грамота // Российское законодательство X-XX вв.
25. Решение Правительства РА «О мероприятиях по регулированию работ, направленных на осуществление строительных программ Северного проспекта» от 27.08.2003 г. №1648
26. Решение Правительства РА «Об утверждении порядка приобретения, реализации и оформления ценового предложения земельных участков и недвижимого имущества, находящегося в зоне отчуждения Северного проспекта г. Ереван» от 05.10.2001 г. №950
27. Решение Совета Председателей Судов «О принятии Свода правил поведения судей» от 8 декабря 2005 г. №77
28. Русская Правда // Российское законодательство X-XX вв.
29. Соборное Уложение 1649 // Российское законодательство X-XX вв.
30. Совместное указание Генеральной прокуратуры и МВД РФ «О внесении изменений в перечни статей Уголовного Кодекса Российской Федерации, используемые при формировании статистической отчетности» от 28 декабря 2012 г.
31. Судебник 1497 // Российское законодательство X-XX вв.
32. Судебник 1550 // Российское законодательство X-XX вв.
33. Судебный Кодекс РА от 21 февраля 2007 г.
34. Уголовный Кодекс Республики Армения от 07.03.1961 г. (в редакции от 2001 г.)
35. Уголовный Кодекс Республики Армения 18 апреля 2003 г. (в ред. от 2014 г.)
36. Уголовный Кодекс РСФСР от 19.02.1926 г. (в различных редакциях, в том числе и от 05.03.1926 г.).
37. Уголовный Кодекс РСФСР от 27.10.1960 г.
38. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. (в ред. от 31.12.2014 г.)
39. Уголовно-процессуальный Кодекс Республики Армения от 1 июля 1998 г. (в различных редакциях)
40. Уголовно-процессуальный Кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. (в редакции от 31.12.2014 г.)

41. Указ Петра I «О фискалах и о их должности и действии» от 17.03.1714 г. // Российское законодательство X-XX вв.
42. Уложение о наканиях уголовных и исправительных от 15.08.1845 г. // Российское законодательство X-XX вв.
43. ФЗ РФ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Российской Федерации» от 08.12.2003 г. №162
44. ФЗ РФ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции от 31 октября 2003 г. и Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. и принятием Федерального Закона ″О противодействии коррупции"» (в редакции от 26 июля 2006 г.) от 25.12.2008 г. №280-ФЗ.
45. ФЗ РФ «О внесении изменений в УК РФ и Кодекс РФ об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» от 04.05.2011 г. №97-ФЗ
46. ФЗ РФ «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02.03.2007 г. №25
47. ФЗ «Об общественной Палате РФ» от 04.04.2005 г. № 32 (и в ред от 27.12.2005 №195)
48. ФЗ РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 г. №144 (в редакции от 08.12.2011 г.)
49. ФЗ РФ «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 г. №273
50. ФЗ РФ «О системе государственной службы Российской Федерации» от 23.05.2003 г. №58. (в различных редакциях, последняя в редакции от 28.12.2010 г.)

2. Судебно-практические источники

51. Постановление Конституционного Суда РА по делу об определении вопроса соответствия ч.1 ст.311 УК РА Конституции РА на основании обращений Апелляционного Уголовного Суда РА, Суда общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш г. Еревана от 19.01.2013 г. ПКС-1124
52. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений Уголовного Кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой отечественной войне 1941-1945 годов» в

связи с запросом Останкинского Межмуниципального (районного) Суда города Москвы и жалобами ряда граждан» от 19 марта 2003 г. №3-П.

53. Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о взяточничестве» от 24.06.1948 г.
54. Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о взяточничестве» от 31.07.1962 г.
55. Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о взяточничестве» от 23.09.1977 г.
56. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 10.02.2000 №6
57. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» от 07.02.2007 №7
58. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» 23.12.2010 №31
59. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» 22.05.2012 №7.
60. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» от 16.10.2009 г. №19
61. Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка» от 24 сентября 1991 г.

3. Специальная научная литература

3.1 Монографии, научные комментарии

62. Р. М. Асланов // «Преступления против государственной власти» // СПб: Юридический центр Пресс, 2002. – 480 с.
63. А.Я. Аснис // «Служебное преступление: понятие и субъект» // М.: Центр ЮрИнфоР, 2003. – 122 с.
64. В.В. Астанин // «Антикоррупционная политика России. Криминологические аспекты» // М.: Юнити-Дана, 2009. – 255 с.

65. Коррупция и борьба с ней // Ред кол.: В.В. Астанин, А.И. Долгова, О.А. Евланова и др. // Рос. криминол. ассоц. НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, Владивост. центр по изучению орг. преступности. – М.: Рос. криминол. ассоц., 2000. – 320 с.
66. Антикоррупционная повестка интеграции прав человека: вызовы, возможности, способности / Ер.: «Антарес». 2011. – 107 с.
67. Р.А. Беленков // «Правоохранительные органы (конспект лекций)» // М., «Приор-издат», 2003. – 112 с.
68. И. Я. Богданов, А. Л. Калинин // «Коррупция в России: Социально-экономические и правовые аспекты» // М.: РАН, 2001. – 239 с.
69. Б.В. Волженкин //«Квалификация взяточничества» // Л., 1984. – 100 с.
70. Б.В. Волженкин //«Коррупция»// СПб, 1998. – 88 с.
71. Волженкин Б.В, Квашис В.Еф., Цагикян С.Ш. // «Ответственность за взяточничество. Социально-правовые и криминологические проблемы» // Ер.: «Айастан». 1988. – 200 с.
72. Волженкин Б.В. //«Служебные преступления»// М.: Юристъ, 2000. – 368 с.
73. Б.С. Волков // «Мотивы преступлений (уголовно-правовое и социально-психологическое исследование)» // Казань: Издательство Казанского Университета. 1982. – 152 с.
74. А.А.Габузян // «Должностные преступления: криминологический и уголовно-правовой аспекты субъективной стороны» // Ер.: Тигран Мец. 2000. – 107 с.
75. А.В. Галахова // «Должностные преступления: преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» // М.: Российская Академия права Мин-ва юстиции РФ, 1998. – 64 с.
76. А.В. Галахова // «Превышение власти или служебных полномочий: вопросы уголовно-правовой ответственности» // М.: Юрид. лит-ра, 1978. – 33 с.
77. Преступления против правосудия. Толкования Уголовного Закона. Коментарий статей УК РФ. Материалы судебной практики, статистика) // под ред. А.В. Галаховой // М.: Российская Академия Правосудия, 2005. – 416 с.
78. В.В. Голубев // «Квалификация коррупционных преступлений. Монография» // М.: ЦНИИ МВД РФ, 2002. – 48 с.
79. Громов Н.А., Тихонов А.К., Майоров В.А., Рождествина А.А., Тихонова Е.А. // «Постатейный комментарий к Уголовному Кодексу РФ» // М.: Гросс-Медиа, 2007. – 199с.
80. Криминогенная ситуация в России на рубеже XXI века. // под общ. ред. проф. А.И. Гурова // М.: ВНИИ МВД РФ. 2000. – 95 с.
81. К.Ф. Гуценко, М.А. Ковалев // «Правоохранительные органы» // М.: Зерцало, 2000. – 400 с.

82. В.И. Динека // «Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России: Учеб. пособие» // М.: Юрид. лит-ра,1998. – 69 с.
83. В.И. Динека // «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» // М.: ЮИ МВД РФ, 2000. – 212 с.
84. А.И. Долгова // «Коррупция и борьба с ней» // М.: Российская криминологическая Ассоциация, 2000. 320 с.
85. Криминология. Учебник для вузов. // под ред. А.И. Долговой. – М.: Норма 2001. – 912 с.
86. Н.А. Егорова // «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления: лекция» // М.: 1998. – 42 с.
87. Б.В. Здравомыслов //«Должностные преступления. Понятие и квалификация»// М.: Юрид. Лит. 1975. – 168 с.
88. Б. В. Здравомыслов // «Квалификация взяточничества» // М.: Моск. юрид. ин-т. 1991. — 92 с.
89. Курс советского уголовного права: в 6-ти томах: Т. 6 // А.Н. Игнатов, С.Г. Келина, М.И. Ковалев, Г.Л. Кригер, и др.; Редкол.: А.А. Пионтковский, П.С. Ромашкин, В.М. Чхиквадзе – М.: Наука, 1971. - 560 с.
90. Российское уголовное право: в 2-х томах. Т. 2. Особенная часть: учебник. // под ред.. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комисарова, А.И. Рарога. – М.: ТК Велби. Издательство Проспект. 2003. Стр. 466.
91. Интеграция прав человека в антикоррупционную повестку: вызовы, возможности и способности. Программа мобилизации антикоррупционной деятельности // Ер.: Антарес, 2011. – 128 с.
92. И.А. Исаев // «История государства и права России: учебник. 3-е изд.» // М.: «Юристъ». 2004. – 797 с.
93. П.А. Кабанов //«Коррупция и взяточничество: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты»// Нижнекамск, 1995. – 174 с.
94. А.К. Квициния // «Должностные преступления: Уголовно-правовые и криминологические аспекты» // Тбилиси: Сабчо-та Сакартвело. 1988. – 310 с.
95. А. К. Квициния // «Должностные преступления» // М.: Рос. право, 1992. – 223 с.
96. А. К. Квициния // «Проблема ответственности за должностные преступления» // Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Харьков: Харьк. юрид. ин-т им. Ф. Э. Дзержинского, 1990. — 35 с.

97. А. И. Кирпичников // «Взятка и коррупция в России» // СПб, 1997. – 145 с.
98. И.А. Клепицкий, В.И. Резанов // «Получение взятки в уголовном праве России» // М.: АРиНА, 2001. – 91 с.
99. В.А. Клименко, Н.И. Мельник, М.И. Хаврошок // «Уголовная ответственность за должностные преступления» // Киев, 1996. – 112 с.
100. А. Г. Корчагин // «Сравнительное исследование коррупционных и служебных преступлений» // Владивосток: ДВГУ. 2001. – 226 с.
101. В.Н. Кудрявцев // «Общая теория квалификации преступлений. 2-е издание» // М., 2001. – 304 с.
102. Криминология. 4-е издание, переработанное и дополненное // под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова, – М.: Норма, 2009. – 800 с.
103. Криминология: учебное пособие // под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: ТК Велби, Проспект. 2006. – 328 с.
104. Ю.А. Кузнецов, Ю.Р. Силинский, А.В. Хомутова // «Российское и зарубежное законодательство о мерах противодействия коррупции: Учеб. Пособие» // Владивосток: ДВГАЭУ, 1999. – 211 с.
105. М.Д. Лысов // «Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву» // Казань, 1972. – 164 с.
106. Ю. И. Ляпунов // «Ответственность за взятку» // М.: Знание, 1987. – 64 с.
107. Ю.И. Ляпунов // «Должностные преступления» // Киев, 1988. – 116 с.
108. Маилян С.С. // «Подготовка и принятие управленческих решений в органах внутренних дел: Опыт системного исследования групповых форм» // М.: ЮрИнфоР, 2000. – 159 с.
109. С.В. Максимов // «Коррупция. Закон. Ответственность» // М.: УНПЦ «ЮрИнфоР», 2000. – 142 с.
110. Криминология. Учебник для ВУЗов // под ред. В.Д. Малкова. – Москва. 2006. Изд. – «ЮстицИнформ». – 527 с.
111. Антикоррупционная политика в современной России // под ред. А.В. Малько. – Саратов, 2006. – 239 с.
112. Манукян С.А. // «Коррупция и социальная динамика переходного периода» // Ер.: Центр борьбы с терроризмом, 2005. – 195 с.
113. Н.П. Мелешко // «Организованная преступность, коррупция и власть в Российской Федерации» // Ростов н/Д: Ин-т упр., бизнеса и права, 2000. — 53 с.
114. В.Е. Мельникова // «Должностные преступления (вопросы уголовно-правовой квалификации)» // М.: ВЮЗИ, 1985. – 97 с.

115. Г.К. Мишин //«О проблемах борьбы с коррупцией средствами административного и уголовного законодательства» / Предупреждение организованной и коррупционной преступности средствами различных отраслей права // М.: Юристъ. 2002. – с. 209-212.
116. «Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»» // под ред. В.В.Николюка – М.: Спарк, 2000. – 100 с.
117. Международно-правовые основы борьбы с коррупцией и отмыванием преступных доходов. Сб.документов // Сост. В.С. Овчинский // М.: ИНФРА-М, 2004. – 637 с.
118. Особенности выявления и расследования антикоррупционных преступлений // Генеральная Прокуратура РА // Ер.: Феномен, 2009. – 232 с.
119. В.В. Панкратов, О.В. Пристанская // Уголовная ответственность за коррупцию (взгляд криминологов) // Правовые и организационные проблемы борьбы с коррупцией. М.: Академия МВД РФ, 1993. – с. 111-115.
120. Ш.Г. Папиашвили // «Должностные преступления в теории уголовного права, законодательстве и судебной практике» // Тбилиси, 1988. – 303 с.
121. В.Я. Пекарев // «Правовые аспекты борьбы с коррупцией на национальном и международном уровнях» // М.: РУДН, 2001. – 329 с.
122. «Коррупция в Армении. Исследование домашнего хозяйства и предприятий 2009 г.» / Программа мобилизации антикоррупционной деятельности USAID. – 110 с.
123. Проект Программы развития ООН /«Борьба с коррупцией в пост-коммунистических государствах: уроки практики»/ Разработанна Региональным центром поддержки в Братиславе в сотрудничестве с Институтом открытого общества, Будапешт Братислава. 2002. – 44 с.
124. Прокуратура против коррупции // Пособие при поддержке ереванского офиса ОБСЕ // Ер.: Асогик, 2009. – 131 с.
125. «Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный)» // под общей ред. В.И. Радченко (http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=CMB;n=12690)
126. Российское уголовное право. В 2-х томах. Том I. Общая часть // под ред. А.И. Рарога. – М.: «Профобразование». 2003.– 599 с.
127. Российское уголовное право: в 2-х томах. Т. 2. Особенная часть // под ред. проф. А.И. Рарога. — М.: Изд. Профобразование. 2001. – 795 с.
128. С. Роуз-Аккерман /«Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. Перевод с английского О.А. Алякринского» / М.: Логос. 2010. – 343 с.

129. Г.М. Саргсян // «Проблемы противодействия взяточничества» // Ер.: Школа Прокуратуры РА. 2012. – 255 с.
130. Г.М. Саргсян, С.Ш. Цагикян //«Политика противодействия коррупции» // Ер.: Школа Прокуратуры РА. 2010. – 270 с.
131. Саркисов Г.С., Сахаров А.Б. // «Проблемы преступности в современных условиях» // Ер.: Айастан, 1991. – 278 с.
132. Г.А. Сатаров // «Антикоррупционная политика. Учебное пособие»// М.: Фонд Индем. 2004. – 368 с.
133. Г.А. Сатаров // «Диагностика российской коррупции: социологический анализ» // М.: Фонд ИНДЕМ, 2002. – 35 с.
134. А.Б. Сахаров // «Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву» // М.: 1956. – 128 с.
135. А.Я. Светлов // «Ответственность за должностные преступления» // Киев: Спарк, 1978. – 303 с.
136. «Комментарий к Уголовному Кодексу Российской Федерации».// под ред. Скуратова Ю.И., Лебедева В.М. (автор – Малков В.П.) // М.: «Норма». 2001. – 320 с.
137. Сборник Постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам // М., 1999. – 930 с.
138. Сборник действующих Постановлений Пленумов Верховного Суда РФ. – 923 с.
139. А. Тонапетян, А. Алумян, А. Григорян / «Анализ норм действующих в РА законов, порождающих коррупцию»./ Ер.: «Центр борьбы с терроризмом». 2005. – 59 с.
140. А.Н. Трайнин // «Должностные и хозяйственные преступления» // М.: НКЮ, 1938.-66 с.
141. С.Ш. Цагикян // Антикоррупционная стратегия в уголовно-исполнительной системе // Ер.: Юр.Институт Минюста. 2012. 461 стр.
142. С.Ш. Цагикян // «Коррупция. Причины. Последствия» // Ер.: Антарес. 2002. –174 с.
143. С.Ш. Цагикян // «Противодействие коррупции в Армении» // С.-П.: «Антарес». 2006. – 296 с.
144. С.Ш. Цагикян // «Роль общества в борьбе с коррупцией» // Ер.: «Антарес», 2003. – 55 с.
145. С.Ш. Цагикян, Г. Саргсян // Политика противодействия коррупции // Ер., 2010. – 270 с.
146. Российское законодательство X-XX веков. В 9-и томах. Том I. Законодательство Древней Руси // под ред. О.И. Чистякова. – М.: «Юридическая литература». 1984. – 530 с.
147. Российское законодательство X-XX веков. В 9-и томах. Том II. Законодательство периода образования и укрепления русского централизованного государства. // под ред. О.И. Чистякова. – М.: «Юридическая литература». 1984. – 495 с.

148. Российское законодательство X-XX веков. В 9-и томах. Том III.Акты Земских соборов. // под ред. О.И. Чистякова. – М.: «Юридическая литература». 1984. – 563 с.
149. Российское законодательство X-XX веков. В 9-и томах. Том IV.Законодательство периода становления и укрепления абсолютизма. // под ред. О.И. Чистякова. – М.: «Юридическая литература». 1984. – 541 с.
150. Российское законодательство X-XX веков. В 9-и томах. Том V.Законодательство периода расцвета. // под ред. О.И. Чистякова. – М.: «Юридическая литература». 1984. – 490 с.
151. Российское законодательство X-XX веков. В 9-и томах. Том VI.Законодательство I-ой половины XIX века. // под ред. О.И. Чистякова. – М.: «Юридическая литература». 1984. – 576 с.
152. П.С. Яни // «Взяточничество и должностное злоупотребление» // М.: Бизнес-школа Интел-Синтез, 2002. – 120 с.

3.2 Научные статьи

153. Алекян А.В. «Виды общественного контроля за реализацией программ предупреждения преступности» // Вектор науки Тольяттинского Государственного Университета. Специальный выпуск «Правоведение». №2 (5). 2009.
154. Аслаханов А.А. «Проблемы уголовно-правовой борьбы со взяточничеством» // Государство и право. 1993. № 4. С.181–188.
155. Борзенков Г.Н. «Уголовно-правовые меры борьбы с коррупцией» // Вестник МГУ. Сер. 11. 1993. № 1. С. 30–31.
156. Волженкин Б. В. «Квалификация посредничества во взяточничестве» // Правоведение. - 1979. - № 4. - С. 56 – 60
157. Волженкин Б.В. «Коррупция и уголовный закон» // Правоведение. 1992, №6. с.63-70.
158. Галиакбаров Р.Р., Соболев В.В. «Уголовный кодекс РФ: поправки с пробелами» // Уголовное право. 2004. № 2. С. 15-20.
159. Гаухман Л.Д. «Коррупция и коррупционное преступление» // Законность. М, 2000. №6. С. 2-7.
160. Гаухман Л.Д. «Проблемы уголовной ответственности за должностные преступления по УК РФ 1996 года» // Уголовное право. 1999. № 4. С. 3-9.
161. Голубев В. В. «Злоупотребление должностным положением как основа отечественной коррупции» // Законодательство. 2002. № 6. С. 80-85.

162. Горбуза А.Д. «К вопросу о соотношении понятий «мотив» и «цель» преступления» // Волгоград: ВСШ МВД СССР Вып. 10. 1974. С. 14-21.
163. Гричанин И.Г., Щиголев Ю.В. «Квалификация преступлений, предусматривающих подлог документа в качестве признака состава» // Журнал российского права. 1999. № 1. С.9-16
164. Н.А. Егорова «Субъект преступлений против интересов службы» // Законность. 1998, № 4. С. 8-14.
165. Егорова Н.А. «О взяточничестве и коммерческом подкупе» // Российская юстиция. 2001, №10. С. 72-73.
166. Егорова Н.А. «Взяточничество и хищения: проблемы классификации» // Российская юстиция. 1996. № 7. С. 18-25.
167. Н.А. Егорова «Уголовная ответственность за коррупцию в свете Европейской Конвенции 1999 года и УК РФ» // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – №3. Стр.89-90.
168. А.Н. Игнатов «Некоторые аспекты реформирования уголовного законодательства» // Журнал российского права. Изд. – «Норма», М., 2004. №9. С. 23-29.
169. Коробейников Б., Орлов М. «Ответственность за взяточничество» // Советская юстиция, №20, 1970. С.20-25.
170. Кузнецова Н.Ф. «Борьба с коррупцией в странах СНГ. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы» // М.: Юристъ. 2002. 343-348 с.
171. Кузнецова Н. Ф. «Коррупция в системе уголовных преступлений» // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1993. № 1. С. 21-26.
172. В.В. Лунеев «Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы» // Государство и право. 2000. №4. – с. 100-101.
173. В.В. Лунеев «Коррупция учтенная и фактическая» // Государство и право. 1996. №8. С.81-84.
174. Ю.И. Ляпунов «Ответственность за новые квалифицированные виды получения взятки» // Соц. законность. 1987. № 2. С. 31-34.
175. Малько А.В., Коновалов И.Н. и др. «Предложения по совершенствованию антикоррупционного законодательства РФ» // Правовая политика и правовая жизнь. - 2006. - № 4. - С. 178-182.
176. Малько А.В., Лопашенко Н.А., Коновалов И.Н. и др. «Концепция антикоррупционной политики в Российской Федерации» // Правовая политика и правовая жизнь. 2007. № 1. С. 78-99.

177. Мельникова В. Е. «Ответственность за взяточничество» // Законодательство. 1996. № 1. С. 72-80.
178. Э.Ф. Побегайло «Кризис современной российской политики» // Уголовное право. 2004. №4. С. 115-120.
179. Пристанская О.В. «Коррупция на фоне некоторых тенденций в экономической преступности» // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 1993. № 1. С. 37–41.
180. С.Ш. Цагикян // Проблемы освобождения взяткодателя от уголовной ответственности // Закон и действительность. №7. Ер.: 2009. С.1-4.
181. S. Tsaghikyan, A. Alekyan «The basic criteria of anticorruption policy» // Ардарадатутюн. 2010. Март 3 (1). // ГНКО «Юридический институт Министерства Юстиции Республики Армения», МинЮст РА. Изд. ООО «Самарк», Ер.: 2010. С. 77-80.
182. А.В. Шнитенков «Корыстная заинтересованность при злоупотреблении должностными полномочиями» // М.: Арбитражная практика, 2005. №12. С. 3-6.
183. А.В. Шнитенков «Иная личная заинтересованность при злоупотреблении должностными полномочиями» // М.: Арбитражная практика, 2006. №3. С. 3-8.
184. Ю.В. Щиголев «Уголовно-правовая характеристика служебного подлога» // Юрист. 1999. № 5-6. С. 48-51
185. П. С. Яни «Злоупотребление должностными полномочиями» // Законодательство. 2000. № 9. С. 59-64
186. П. С. Яни, В. С. Комиссаров «Проблемы квалификации взяточничества» // Законодательство. 1996. № 2. С. 66-71.

3.3 Диссертации, авторефераты

187. Агузаров Т.К. // «Уголовно-правовое обеспечение независимости и неприкосновенности судей» // Автореф. дисс.на соискание степени кандидата юридических наук. // М., 2004.
188. Р.О. Алавердян // «Проблемы квалификации корыстных и насильственных преступлений против собственности» // Дисс. …кандидат юрид. наук. Ер., 2012
189. Т.Б. Басова // «Уголовная ответственность за должностные преступления. Проблемы правотворчества и правоприменения в условиях административной реформы Российской Федерации» // Дисс. …доктор юрид. наук. М., 2005
190. Волженкин Б. В. // «Корыстные злоупотребления по службе (хищения, взяточничество, злоупотребление служебным положением): Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации» // Дисс. ...доктор юрид. наук. М., 1991.

191. А.А. Габузян «Должностные преступления: Криминологический и уголовно-правовой аспект субъективной стороны» // Дисс. ... кандидат юрид. наук: Ер., 1994
192. В.И. Динека // «Ответственность за должностные преступления по уголовному праву России» // Дисс. …доктор юрид. наук. М., 2000.
193. Б.В. Здравомыслов // «Борьба с должностными преступлениями по советскому уголовному праву. Уголовно-правовое и криминологическое исследование» // Дисс. …доктор юрид. наук. М., 1971.
194. А.К. Квициния // «Проблемы ответственности за должностные преступления» // Дисс. …доктор юрид. наук. Сухуми, 1990
195. М.Д. Лысов // «Ответственность должностных лиц по советскому уголовному праву» // Дисс. …доктор юрид наук. Казань, 1977
196. В.Е. Мельникова // «Хозяйственно-должностные преступления: проблемы криминализации и декриминализации» // Дисс. …доктор юрид наук. М., 1993
197. А.Н. Мизерий // «Уголовно-правовые и криминологические аспекты в органах власти» // Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000.
198. Г.М. Саргсян // «Проблемы освобождения взяткодателя от уголовной ответственности» // Дис. …кандидата юрид. наук. Ер., 2012.
199. С.Ш. Цагикян // Криминологические проблемы борьбы с коррупцией в Армении // Дисс. …доктор юрид наук. М., 2006.
200. П.С. Яни // «Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические и должностные преступления» // Дис. …доктор юрид наук. М., 1997.

4. Электронные ресурсы

201. http:// www.arlis.am
202. http://www.concourt.am/armenian/decisions/common/2013/pdf/sdv-1124.pdf (Постановление Конституционного Суда РА по делу об определении вопроса соответствия ч.1 ст.311 УК РА Конституции РА на основании обращений Апелляционного Уголовного Суда РА, Суда общей юрисдикции административных районов Кентрон и Норк-Мараш г. Еревана от 19.01.2013 г. ПКС-1124)
203. http://www.consultant.ru
204. http://www.crrc.am/hosting/file/_static_content/projects/corruption_2008_2010/2009_Corruption_Survey_Report_Armenian.pdf («Коррупция в Армении. Исследование домашнего

хозяйства и предприятий 2009г.» / Программа мобилизации антикоррупционной деятельности USAID)

205. http://www.court.am/upload/file/Varqagic-%20endunvac-23_04_10.pdf (Правила поведения Судей)
206. http://www.genproc.gov.ru/documents/orders/document-14294/ (Приказ Генерального прокурора РФ «Об утверждении Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации» от 17.03.2010 г. № 114)
207. http://www.transparency.org/whoweare/organisation
208. http://transparency.org.ru/dokumenty/missiia
209. http://transparency.am/mission.php?l=en